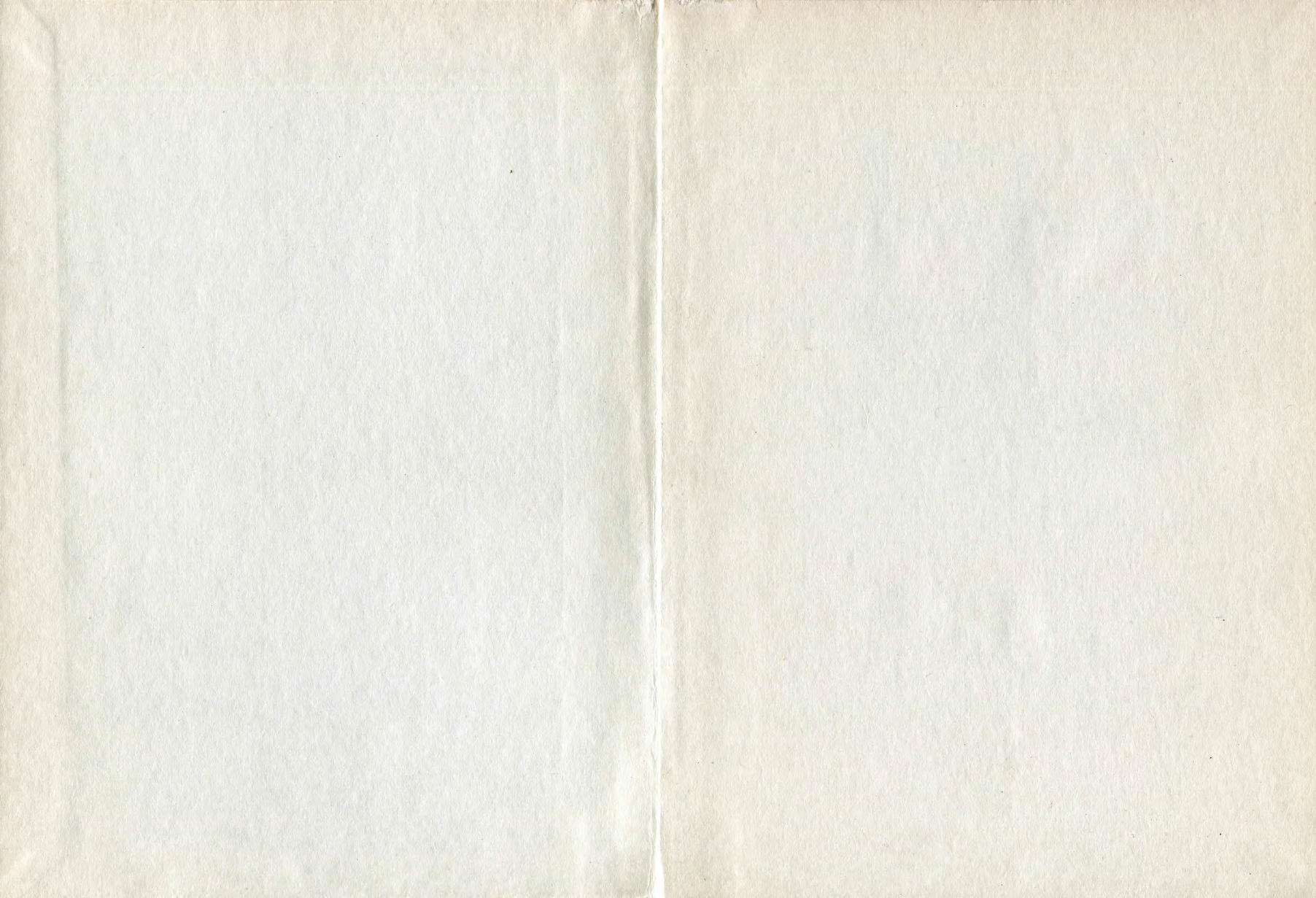

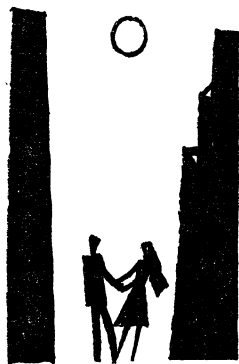
БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕОРГИЙ ШАХ

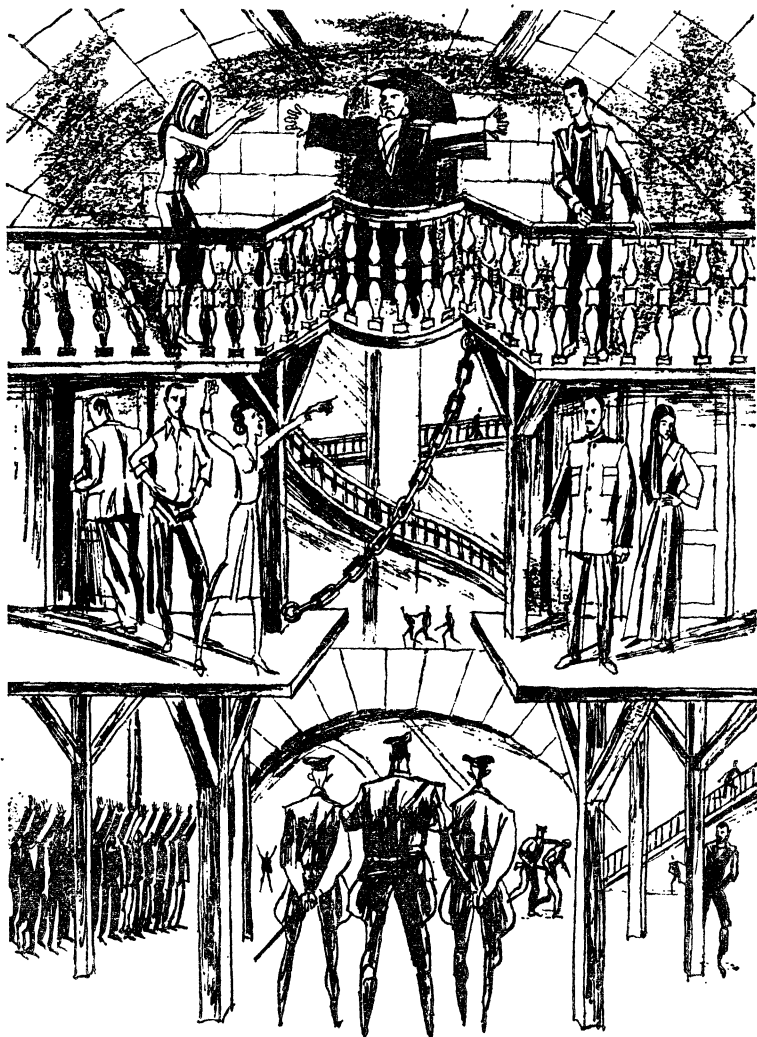
НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ
НА СВЕТЕ...

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕОРГИЙ
ШАХ

НЕТ ПОВЕСТИ
ПЕЧАЛЬНЕЕ
НА СВЕТЕ...

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1984

84Р7
Ш 31

Художник Г. МЕТЧЕНКО

Ш $\frac{4702010200-014}{078(02)-84}$ 120—84

© Издательство «Молодая гвардия», 1984 г.

ПРОЛОГ

Ром задыхался. По тяжелому топоту позади он чувствовал, что расстояние, отделявшее его от преследователей, сокращается. Боязнь потерять драгоценные секунды не позволяла оглянуться. В ушах все громче звучали бессвязные угрожающие выкрики.

На помощь со стороны надеяться было нечего. Стражи порядка редко появлялись в этот поздний час, да и вообще предпочитали не вмешиваться в мелкие клановые стычки. Улицы были пустынные, дома наглухо заперты. Будь даже у него в запасе две-три минуты, чтобы постучать и попросить убежища, где гарантия, что ему откроют двери? Он неважно знал город и не имел понятия, чей это район.

В возбужденном мозгу мелькнула мысль: «Что я делаю, по прямой мне от них не уйти!» Ром метнулся в первый попавшийся переулок, оказавшийся, наудачу, плохо освещенным. Он бросился к большому массивному зданию, видимо, общественного назначения, прыжком одолел несколько ступенек, ведущих на просторную площадку перед порталом, и прижался к одному из атлантов, несущих на своих мощных согбенных плечах парадный балкон. Ром буквально вжался в камень, пытаясь стать невидимым, усилием воли задержал дыхание.

Маневр удался. Ватага с гиком пронеслась мимо. Только пробежав еще сотни две метров, его недруги сообразили, что их провели. В нерешительности они потоптались с минуту, чертыхаясь и переругиваясь, а затем повернули обратно.

Продолжай Ром прятаться за своего атланта, он мог бы оставаться незамеченным. Но надежда на свои силы, подкрепленные передышкой, толкнула его: ухватившись за выступ в каменной кладке и стараясь не шуметь, он начал карабкаться на балкон. Это ему почти удалось, но в последний момент, когда, уцепившись за кронштейн, он вынужден был оторваться от стены и подтягиваться на руках, его преследователи поравнялись со зданием, и один из них обратил внимание на несуразно качающуюся тень.

Через несколько мгновений Ром стоял в центре плотного вражеского кольца, и отовсюду в лицо ему, как плевки, неслись изощренные ругательства на чужом языке. В замкнутом пространстве улицы, прикрытой пологом низко стелющихся облаков, голоса звучали гулко и пронзительно.

- Ах ты, дисфункция переменного!
- Корень из нуля!
- Квадрат бесконечности!
- И эхом отдавался в сознании хриплый шепот апа:
- Эрозия!
- Недород!
- Сорняк!

Каждое слово брани оставляло в его душе глубокие шрамы. Голова кружилась от безмерного унижения, ноги подкашивались. Ром чувствовал, что еще две-три минуты истязания, и он не выдержит.

— Тебя ведь предупреждали: оставь ее в покое! Иначе не то еще будет. Это я тебе обещаю, ее брат.

Ром узнал резкий голос Тибора.

— И я, ее жених. На той неделе наша свадьба, — сказал с вызовом высокий лохотный парень с длинными, по плечи, волосами.

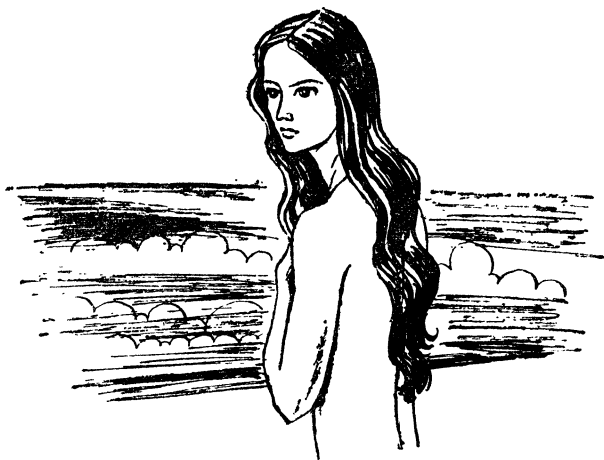
— Неправда! — Из последних сил Ром дотянулся до него, схватил за грудь.

— Уж не ты ли помешаешь? — презрительно фыркнул длинно-волосый, уцепившись за ворот рубахи Рома, рванул его к себе, прокричал в ухо: — Семерка!

Черная волна накатилась на Рома, от нестерпимой боли в затылке он начал сползать на землю.

— Брось его, Пер, — посоветовал Тибор. — На первый раз с него хватит.

И они ушли, весело переговариваясь, как люди, исполнившие свой долг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Они познакомились летом.

В тот вечер Ром и его брат Гель с двумя сокурсниками сидели за кружками с ячменным напитком на приморской террасе. Пятым был Сторти, их наставник. У него была своя манера воспитания, сводившаяся к формуле: «Быть с ними». Сторти ходил за своими подопечными по пятам, ссужал им деньги и оказывал иные неоценимые услуги, гонял с ними в футбол, исповедовался, провоцируя на ответные доверительные признания, и даже увязывался на молодежные танцульки. Поначалу студенты стеснялись его, принимая за шпиона. Потом привыкли или скорее смирились с его присутствием. Коллеги осуждали Сторти за панибратство с мальчишками и нарушение преподавательской этики, даже попытались убрать его с факультета. Вот уж по-

сле этого молодежь окончательно признала его своим.

— Нас, агров, — шумно разглагольствовал Сторти, обтирая пену с рыжих усов, — никто в грош не ставит. И поделом. Ковыряемся в земле, как черви. Человечество может совершать всякие подвиги, опускать батискаф на океанское дно или отрывать от земли аппарат тяжелей воздуха. А мы знай себе сеем-собираем, опять сеем и опять собираем, кормим своих коровенок да доим их, и так десять тысяч лет. Чего ж мы после этого стоим!

— Положим, так, да не так, — ввязался в спор долговязый Метью. — Дед мой еще лопатой орудовал, отец тоже держал ее на всякий случай, хотя за всю жизнь она ни разу ему не пригодилась — вы ведь знаете, он классно управлял комбайном. А мы теперь и вовсе умными стали, кнопочки нажимаем.

— Кнопочки, кнопочки, — передразнил Сторти, — а кто их придумал, уж не ты ли? Остановись в поле робот, вся наша компания только и умеет, что бежать к телефону звать теха.

— Ты же сам нас поучал, что цивилизация держится на разделении труда, — недоуменно вставил Бен, отличавшийся феноменальной памятью и столь же феноменальным простодушием.

— Я и не отказываюсь, голубчик ты мой. Только когда труд делили, нам достался не лучший кусок.

Ром помалкивал, он давно усвоил педагогические приемы наставника. А точку поставил умник Гель:

— Сторти разыгрывает, что вы, не знаете его? Аграм достался ключ к жизни, без нас все протянут ноги.

— Браво, мальчик! А вот кто из вас скажет, что самое важное в нашем деле? — Сторти многозначительно уставил в них мясистый палец.

— Нюх на погоду, — мигом нашелся Гель.

— Знание агротехники, — по-книжному откликнулся Бен.

— Я так думаю: хорошему агру надо быть немного филом.

— А почему филом?

— Не знаю, просто я так думаю. Чего ты ко мне пристал? — огрызнулся Метью.

— Не дерзи, — миролюбиво отозвался Сторти. — Ну а ты, Ром?

— Может быть, наблюдательность. А может быть, надо просто ее любить.

— Кого ее? — насмешливо спросил Гель.

— Землю, конечно.

— Дай я тебя поцелую, — расчувствовался Сторти, чмокая Рома в щеку. — Впрочем, и все остальные лицом в грязь не ударили. Даже ты, Мет. Хотя, признаться, я тоже не соображу, зачем агру быть немного филом.

Такие бесцельные перекидки словами здесь, на отдыхе, бывали у них чуть ли не ежедневно. Сторти считал долгом будить у своих молодых друзей мысль. Для него не было большего удовольствия, чем завести перепалку, а самому, потягивая ячменку, выступать в роли арбитра.

Так случилось и на этот раз. Разгорячились и ораторствовали о чем попало, пока на террасе не погасли огни. Вышли к морю, там еще Метью продолжал путано объяснять свою идею, но его никто не слушал. Вечер был жаркий, воздух пропитан ароматами окаймлявших залив садов, верещали цикады, море, утихшее после двухдневного шторма, маняще урчало.

— Айда купаться! — неожиданно выкрикнул Гель, стаскивая рубаху.

— Только не здесь. Я знаю отличное местечко, за мной! — Ром побежал вдоль берега, остальные кинулись за ним. Бежать было трудно, ноги вязли в мокром песке, и грузный Сторти быстро выдохся.

— Пойдите, — заорал он, — вы что, опаздываете на поезд?

Ром было остановился, но Гель подтолкнул его локтем.

— Ничего, — крикнул он, — тебе все равно пора на боковую!

— Ах ты, паршивец, — взревел Сторти, — как же можно бросать товарища?

— Не в пустыне, — ответил Гель, — найдешь дорогу домой, бе-ре-ги здоровье!

Они понеслись дальше и долго еще слышали черты-ханья разобиженного наставника.

А вот и та самая укромная бухточка, которую Ром облюбовал, бродя в здешних местах. Они перемахнули через кусты и остановились как вкопанные.

Море было в нескольких шагах. И из него выходила обнаженная девушка. Не замечая их, она направилась к своим вещам и только в последний момент, едва не столкнувшись со стоящим впереди Ромом, подняла голову. На лице промелькнул испуг, она замерла, неловко прикрываясь руками.

Первым пришел в себя Гель.

— Ого, — сказал он в своей обычной насмешливой манере, — какая птичка. Ты, Ром, в самом деле отыскал место на славу.

— Позвольте представиться, — подхватил ему в тон Мет, — Метью, — он ткнул себя в грудь, — и мои друзья.

— Она очень красива, — поделился своими наблюдениями Бен.

Ром молча разглядывал девушку. Это было крайне бестактно, но он не мог отвести от нее глаз. Она была высока, почти с него ростом, узкогруда, с тонкой вытянутой талией, — уместится в ладони, подумал он. Капли воды, рассыпавшиеся на матовой коже, поблескивали в перекрестном свете двух лун. Длинные прямые волосы цвета ржи мягко стелились по плечам. Глаза у нее были оранжевые, яркие. И теперь она смотрела на него бесстрастно, даже с вызовом.

Ром, не оборачиваясь, кинул через плечо:

— Гель, и вы, Мет, Бен, уходите!

Гель нервно хохотнул.

— Интересно, с какой стати мы должны уступать тебе красотку? А может, она предпочтет кого-нибудь другого!

— Вот именно, — присоединился Метью. — Надо по справедливости, метнем жребий.

— Ты что, спятил?! — возмутился Бен.

— А если тебе достанется, чистюля, не откажешься ведь?

— Ну зачем, Мет, мы ведь не дикари, разыгрывать ее в кости. Пусть сама выберет, по доброй воле. — Гель шагнул к девушке и положил руку ей на плечо. — Слышала, слово за тобой.

Сам не сознавая, что делает, Ром схватил брата за грудь и с силой швырнул на землю. Шуплый Гель откатился на несколько метров, взыв от боли и негодования.

— Подходите, — зло сказал Ром, — кто еще хочет участвовать в розыгрыше. — Он повернулся лицом к товарищам, сжимая кулаки.

Секунду стояла напряженная тишина. И тут вдруг девушка заговорила.

— Дайте мне одеться, я долго плавала и очень устала, — перевели апы ее слова.

— Да она не наша, — разочарованно воскликнул Метью.

— Скорее всего мата, — догадался Бен.

— Ну вот, а ты готов родного брата убить из-за какой-то чужой девки, — процедил Гель, поднимаясь и отряхивая песок.

— Уходите, — упрямо повторил Ром.

— Опомнись, что ты будешь с ней делать?

— Пойдем с нами, Ром, Гель прав, — Бен потянул его за рукав.

— Это мое дело.

— Черт с ним, пусть поступает как знает.

Они ушли, Ром поднял с земли одежду девушки, протянул ей и отвернулся.

— Кто ты? — спросил он.

— Я мата.

— Это я уже знаю. Как тебя звать?

— Ула.

— А меня Ром.

Она промолчала.

— Ты любишь плавать?

— Да.

— Я тоже.

И опять никакого отклика. Ром не отступался.

— Ты учишься?

— Да.

— Чему же вас учат?

— Тебе это будет непонятно.

— Ах, высокие материи, — съязвил он и, не услышав ответа, сказал с раздражением: — Что ты молчишь, снизойди наконец до простого смертного, тебя ведь не убудет!

— Ну вот, я готова. — Она обошла его и стала лицом к лицу.

— Скажи, почему ты ударил своего брата... это ведь твой брат?

— Да, его зовут Гель. Почему? Потому что он до тебя дотронулся.

— Разве ты должен вступаться за чужую?

— Ты показалась мне беззащитной.

— Ерунда! — сказала она с вызовом. — Я прекрасно могу за себя постоять.

— Поздравляю. Все равно, мне было неприятно.

Она вздернула плечами.

— Подумаешь, какая важность! Я к этому отношусь спокойно.

— Странная ты девушка.

— Вот как! А я думаю, это ты странный. Бить своих... Ты всегда так поступаешь?

— Нет, — признался он, — в первый раз.

— Не любишь свой клан? — продолжала она, словно не слыша его реплики. — Впрочем, может быть, у вас, агров, вообще так заведено?

— У нас, агров, как у всех, — возразил Ром с обидой. — Или мы не люди?

— Я этого не сказала.

— Но подумала. Послушай, откуда у тебя такое презрение к аграм? Ты хоть вспоминаешь изредка, кто вас кормит?

— Вы выполняете свою долю работы. Цивилизация держится на разделении труда, — сказала Ула назидательно.

— Это я знаю. Но вот Сторти говорит, что когда делили труд, нам достался не лучший кусок. Вы, должно быть, чувствуете себя небожителями, матам ведь повезло больше всех, у вас самая чистая и важная работа.

— Кто такой Сторти?

— Наш наставник.

— Ладно, мне пора.

— Можно тебя проводить?

— Зачем, я и сама найду дорогу.

— Так, поговорим.

— О чем? Вроде мы с тобой все выяснили, ты — агр, я — мата, что у нас общего?

— Что общего? — Ром поразмыслил секунду, потом обвел рукой окружающую их природу: — Море, песок, яблони... Мы оба прикрываемся ладонью от солнечного луча и оба слышим пение жаворонка. Ты и я — мы живем, дышим, радуемся, страдаем. И еще нам суждено любить.

— Любить? Да, конечно, но только себе подобного.

— Ты уверена?

Тень смущения скользнула по лицу Улы.

— Боишься даже подумать об этом? Или я хуже парней из вашего клана?

Рому показалось, что она впервые посмотрела на него как на одушевленный предмет. Обежала взглядом его мускулистое юношеское тело, всмотрелась в ясные синие глаза.

— Ты красив, — сказала Ула просто и после паузы добавила: — Но ты не знаешь теории вероятностей.

Злость и обида затопили рассудок Рома. Он внезапно обхватил Улу своими сильными руками, прижал к себе и поцеловал в губы. Потом отпустил и отшатнулся, ожидая пощечины.

Она секунду пристально смотрела ему в глаза. Потом сказала с легким оттенком сожаления:

— Это ничего не меняет. Ты ведь все равно не знаешь теории вероятностей.

Несколько мгновений они стояли в неловкости и отчуждении. Не дождавшись ответа, Ула повернулась и пошла. Испытывая незнакомое ему до сих пор чувство невосполнимой потери, Ром смотрел на ее исчезающую в темноте узкую фигуру, и его разрывало желание кинуться вслед, грубо схватить Улу за руку, вернуть ей боль, которую она ему причинила, и не отпускать от себя больше.

У кромки кустов Ула остановилась и помахала ему рукой. «Прощай, Ром, странный парень», — донеслись до него ее слова.

2

Профессор агрохимии Вальдес, энергичный и подтянутый, несмотря на свои семьдесят лет, с энтузиазмом разъяснял студентам преимущества нового синтезированного корма.

— Прутин представляет собой белок, получаемый в результате непрерывной ферментации на основе выращивания микроорганизмов, питающихся метанолом.

Он содержит семьдесят один и две десятых процента белка, тринадцать и две десятых жира, обладает высокой калорийностью, хорошими вкусовыми качествами и усвояемостью.

— Откуда известно, профессор, относительно вкусовых качеств?

— Не ехидничай, Метью. Поскольку коровы поедают прутин с аппетитом, мы вправе сделать вывод, что он вкусен.

— Чего не проглотишь, когда голоден! Им ведь не предлагают меню.

— Ну вот что! Если тебе так важно удостовериться во вкусовых качествах прутина, сделай эксперимент — съешь порцию.

В классе засмеялись. Довольный тем, что ему удалось взять верх над присяжным остряком Метом, Вальдес возобновил лекцию.

— Прутин хорош и для замены сухого обезжиренного молока в кормах для молочных телят. Его можно употреблять в сочетании с такими ингредиентами, как соевый концентрат, соевый изолят, гидролизат рыбного белка и картофельный белок...

Вся эта премудрость скользила мимо ушей Рома, пытавшегося восстановить в памяти и занести на бумагу формулы, вычитанные им из учебника математики. Нелегко досталась ему эта пухлая книга. Целую неделю он прилежно изучал поведение матов в университетской библиотеке, фланировал мимо их отсека, воровато окидывая взглядом расставленную на стендах учебную литературу, стремясь по внешнему виду определить нужное ему издание. Улучив момент, когда в читальном зале остались два-три углубившихся в свои занятия студента, Ром схватил присмотренную книгу и ловко сунул ее за пазуху. Увы, когда с помощью апа он разобрался в ее заглавии, это оказалось учебное пособие для дипломантов. Пришлось начинать все сызнова, совершенствуя тактику, изобретая новые уловки и ухищ-

рения. Наконец в его руках оказался начальный курс математики, и с превеликими трудами, на ощупь, как слепой, пересекающий без повода бесконечную улицу, он начал постигать азы чужого и чуждого себе языка.

« $\sqrt{324}=18$ », — написал Ром, а в сознании его отозвалось: Уле 18 лет.

« $(a+b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$ ». Ром плюс Ула в квадрате равняется Рому в квадрате плюс дважды Рому с Улой плюс Уле в квадрате.

«Сумма квадратов катетов равнобедренного треугольника равна квадрату гипотенузы». Если нас с Улой перемножить на самих себя и сложить, должно получиться нечто целое и притом возвышенное...

— Чем ты занят, Ром, что за кабалистические знаки?

Ром вздрогнул и поднял голову. Бесшумно подошедший Вальдес испытующе разглядывал лежавший перед ним листок со столбиками чисел и латинских букв. Шестнадцать пар глаз с любопытством следили за происходящим, предвкушая развлечение.

— Я... я задумался и просто водил пером по бумаге.

— О чем же ты думал, если не секрет?

— Об агрохимии.

Класс прыснул. Вальдес тоже усмехнулся.

— Похвально. Однако, насколько я могу судить, из-под твоего пера появлялось что-то осмысленное. Уж не математика ли?

Ром виновато кивнул головой.

— Зачем она тебе?

Ром промолчал.

Вальдес отобрал у Рома листок, подошел к доске, стал мелом аккуратно переносить на нее математические символы. Затем отступил на шаг, картинно протянув руку к доске.

— Что это?

В классе задвигались, переговариваясь, кто-то хихикнул.

— Вам незнакомы эти знаки. И правильно, так и должно быть! — Профессор с силой подчеркнул последние слова. — Если вы станете забивать себе голову всякими посторонними вещами, в ней не останется места для сведений, которые вам насущно необходимы. Тот, кто хочет знать все, обречен быть недоучкой. Его ждут прозябание и презрение. Он растратит свой разум.

Вальдес обвел студентов глазами, вглядываясь в каждого, проверяя, насколько глубоко западают в их души его слова. Ему хотелось, чтобы им передалось ощущение оскорбленности, какое испытывал он сам при мысли, что молодой агр позволяет себе увлечься не своим занятием. Это был зачаток опасного бунта, и его надо было вырвать с корнем, очиститься от него, как очищают землю от сорняков. Классу передалось его состояние, он притих, насторожился.

— Что такое человек? — спросил Вальдес.

И сам ответил:

— Это профессия. Мы воспринимаем ее с материнским молоком, род занятий закодирован в наших генах. Отступить от своего дела — значит предать своих родичей, свой клан, оборвать ту нескончаемую нить, которая тянется из прошлого в будущее. А ведь из сплетения единичных семейных нитей образуется мощный канат, один из тех, на которых подвешено все здание нашей передовой технической культуры. Так и в природе: отсечете одну, другую ветви — ствол дерева ослабнет, не сможет нести на себе крону.

Вальдес всмотрелся в своих слушателей. Не было в их позах и выражении лиц того ответного тока мысли, который говорит о полном и безоговорочном согласии. Почему? Ах да, конечно, они выслушали только одну сторону, а молодость с присущим ей инстинктивным стремлением к справедливости, которое с годами, увы,

сотрется, потускнеет от неизбежных сделок с совестью, требует честного поединка. Надо предоставить им возможность судить беспристрастно, иначе они останутся при своем сомнении.

Вот они поглядывают на своего товарища, хотят понять, что взбрело на ум Рому, почему он вдруг отважился отойти от канона, какой за этим умысел?

Ром испытывал смятение. Он не мог раскрыть им свою сокровенную тайну, поделиться чувством, с некоторых пор завладевшим всем его существом. Поступить так значило, помимо прочего, стать предметом насмешек и недовольств, навлечь на себя грозу и здесь, на факультете, и дома. Перед его глазами промелькнули лица близких людей: отец, мать, Гель, Сторти, Мет, Бен... Разве что один Сторти сможет понять... Остается слушать.

— Ты согласен, Ром, что человек — это профессия?

— Да, конечно.

— Тогда к чему тебе все это? — Вальдес ткнул пальцем в знаки, начертанные на доске.

— Я подумал, что знание математики поможет мне лучше разбираться в агрономии. — Ухватившись за неожиданно пришедшую в голову спасительную мысль, Ром поторопился ее развить: — Разве у нас нет нужды подсчитывать собранный урожай и устанавливать объем потерь зерна? Вы сами, профессор, говорили, что, обрабатывая количественные данные о химическом составе почвы и атмосферы, мы получаем возможность с максимальной точностью определять, какие нужны минеральные добавки, сколько внести влаги, когда выгодней начать сев и уборку.

— Все так, все так. Но для этой цели существуют электронные вычислительные машины. Наше дело — передать техам информацию, правильно сформулировать задачу и получить от них искомое решение.

— А если машина ошибется?

— Это забота техов. — Вальдес не удержался сяз-

вить: — Она будет ошибаться, если они вместо своих механизмов станут развлекаться агрономией.

— Но разве в обиходе можно обойтись без умения считать? — не унимался Ром.

— Нам достаточно таблицы умножения, которая входит в минимум знаний. Нет, Ром, твои доводы не выдерживают критики. Нынешнее разделение труда — плод длительной эволюции. Поколение за поколением искали самые рациональные и экономически выгодные его варианты, каждая деталь здесь продумана до мелочей, выточена и отшлифована с умом и изяществом. Зачем же мудрить? Разве ты лучше вспашешь землю, если будешь знать, как устроен автоплуг?

Вальдес почувствовал, что нашел верный тон. Наконец все начинают склоняться на его сторону. Простые и ясные доводы во сто крат сильнее великих, но голых абстракций. Он особенно порадовался, когда ему на подмогу пришла Розалинда, слышавшая самой способной на факультете и пользовавшаяся среди сверстников непрерываемым авторитетом. Все прочили блестящую карьеру этой красивой и напористой девушке с задатками жожака, умевшей всякий раз сказать именно то, что было у всех на уме.

— Знаешь, Ром, — сказала она, обращаясь к товарищу, — я даже рада, что состоялся такой разговор. Это урок для всех нас. Чего греха таить, кто не завидовал хоть раз матам или техам, или даже филам? Во всякой профессии есть своя привлекательная сторона. Надо побороть в себе эту проклятую любознательность и сосредоточиться на одном деле, а выбирать не приходится, выбор за нас сделали наши предки.

— Вот и я говорю, — неожиданно вылез со своей навязчивой идеей Метью, — что каждому агру надо немного быть филлом.

— А почему именно филлом? — спросил Бен.

— Я же тебе говорил, что сам не знаю.

Все рассмеялись. И опять, как тогда, на террасе, на-

чали подтрунивать над Метом. Подключился к этому и сам Вальдес, полагая, что им нужна разрядка. Инцидент с математикой был исчерпан.

Ром был рад, что его оставили в покое. Его, правда, несколько удивило, как благодушно Мет, в обычное время колючий и задиристый, принимает язвительные шуточки по своему адресу, и не только принимает, а как будто сознательно подкидывает для них новые поводы нелепыми, нарочито путаными суждениями. И уже потом, переживая заново весь этот неприятный для себя эпизод, Ром понял, что приятель пришел ему на выручку, взяв огонь на себя. Мет ведь догадывался, почему Ром увлекся математикой. А еще Рому пришло в голову, что простодушный Бен вовсе не из простоты душевной подхватил реплику Метта. Нет, он был явно несправедлив к своим друзьям.

3

Кого действительно следовало опасаться, так это Геля. Воистину в старину не без оснований говорили: брат мой — враг мой.

Братец не простил Рому своего унижения там, на берегу, и отомстил самым примитивным способом — наядбедничал отцу и Сторти. Впрочем, Сторти мог узнать о случившемся на занятии по агрохимии и от самого Вальдеса. Во всяком случае, Сторти пока помалкивал, а вот с отцом пришлось объясняться на другой вечер.

Нельзя сказать, чтобы отношения Рома с родителем отличались особой нежностью. Отец его был человек сухой и замкнутый. К тому же, занимая видное положение в местной общине агров, он был всецело сосредоточен на многообразных общественных обязанностях и уделял ближним минимум своего драгоценного, расписанного едва ли не по минутам времени. При отсутствии близости между отцом и сыном существовало ничем не омра-

ченное взаимопонимание, ровная и спокойная духовная связь.

Не зная, с чего начать, отец долго рассказывал Рому о своих служебных заботах и даже стал советовать-ся, как ему вести себя в некой щекотливой ситуации. Проявив таким образом необходимую деликатность, он стал затем расспрашивать сына об учебе и новостях университетской жизни, пока не подобрался к интересовавшему его предмету.

— Скажи, Ром, это правда, что ты увлекся математикой?

— Да, отец. Кто тебе доложил?

— Неважно. И виновата в этом девушка, которую вы встретили летом на берегу, не так ли?

Ром кивнул, дав себе слово при первом же подходящем случае отплатить Гелю за предательство.

— Она тебе понравилась?

Ром опять кивнул.

— Ты влюбился?

— Не знаю, отец.

— Да, конечно, никому это не ведомо, пока не приходится идти на жертвы ради своего чувства.

— Ты считаешь, что любовь — это готовность чем-то пожертвовать?

— По-моему, лучше не скажешь.

Ром с вызовом встретил обеспокоенный отцовский взгляд:

— Тогда признаюсь: я готов ради Улы на все.

Они вели беседу в саду, окружавшем со всех сторон семейный коттедж. Заботливо взращенный руками нескольких поколений семейства Монтекки и поддерживаемый в образцовом порядке, сад содержал десятки видов гермеситской флоры, декоративных и плодоносящих. Ром обвел глазами этот благоухающий уголок, где каждое дерево, куст, цветок были знакомы ему до мельчайших, скрытых от постороннего взора деталей. Вместе с отцом, матерью, Гелем он поил и кормил их, выхажив-

вал от болезней, укрывал от редкого, но грозного в здешних краях града. Сад несравненно больше, чем дом, был для него обителью детства и юности, в нем он впервые осознал себя агрономом, художником природы, чье искусство способно извлечь из земли и плоды, засушенные для жизни, и цветы, радующие своей красотой. Внезапно Рома обожгло предчувствие, что скоро ему придется расстаться с садом, что жизнь круто развернула его, толкая на путь риска и надежды.

Отец, долго искавший нужные слова, поднялся из шезлонга, подошел к Рому, положил руку ему на плечо.

— Подумай, сынок, ты вступаешь на рискованный путь. — Истолковав улыбку сына как мальчишеское нежелание прислушаться к доводам разума, он продолжал настойчиво: — Да, да, не смейся, ты даже не представляешь, сколь трагичны могут быть последствия твоего увлечения.

— Сердцу не прикажешь, — буркнул Ром.

— Вели себе забыть ее, выкинь из головы. Я знаю: для тебя пришла пора любви, но разве трудно найти спутницу жизни среди многих миллионов девушек нашего клана, близких тебе по профессии, по духу?

— Я уже сделал выбор, — просто сказал Ром.

— Оставь, это все блажь! — возразил отец, раздражаясь. — Отдай себе отчет, наконец, что человек не волен распоряжаться собой, как ему вздумается, он обязан соблюдать традицию. Уже пятьсот лет никто из нашего клана не женился и не вышел замуж на стороне. Мы, агры, не просто социальный слой. Мы — профессия. У нас свой, отличный от других язык, свои нравы и обычаи. Что случится, если люди начнут перемешиваться? Не станет хороших знатоков своего дела, все придет в упадок и запустение. Ведь мастерство, сноровка, умение, все то, без чего труд и не в радость, и не в пользу, передаются не столько в вашем университете, сколько в семье, от отца к сыну. Только так можно сберечь их, не расплескать, копить и шлифовать дальше.

— А что было раньше? — спросил Ром.

— Когда раньше?

— Ну, пятьсот лет назад.

— Не могу сказать тебе точно, я ведь не ист. Кажется, тогда было иначе. Какое это имеет значение? Кстати, именно поэтому род людской не развивался достаточно быстро, ему угрожало вырождение. Профессиональный клан дал мощное ускорение прогресса.

— Может быть, ты и прав, — сказал Ром задумчиво.

— Конечно же! — воскликнул отец с ноткой удовлетворения. — Не сомневался, что ты разберешься во всем этом, ты у меня умница. — И потрепал сына по щеке. Рому была приятна эта непривычная ласка. Он впервые видел своего родителя по-настоящему взволнованным, и ему очень не хотелось его огорчать. Но он не смог удержаться от реплики:

— Видишь, если б ты хоть немного знал историю, то смог бы привести дополнительные доводы во славу кланов.

— Твоя ирония неуместна, — сухо сказал отец, возвращаясь в обычное для себя состояние. — Если бы я лучше знал историю, я бы хуже знал агрономию... Что ж, я пытался тебя вразумить, теперь же вынужден просто воспользоваться родительской властью. Я запрещаю тебе, слышишь, запрещаю заниматься математикой и встречаться с этой матой. — В голосе его прозвучала откровенная неприязнь к чужачке, которая грозит навлеечь беду на сына.

— На этот счет можешь не беспокоиться, — так же сухо ответил Ром. — Она сама не желает со мной встречаться.

— И отлично, видно, у нее побольше разума и чувства ответственности.

Отец с сыном, крайне недовольные друг другом, насупились, избегая встречаться взглядами. Тут как нельзя более кстати в сад ввалился Сторти, заполнив собой

добрую половину свободного пространства. Со своей обычной бесцеремонностью он сперва плюхнулся в кресло, а затем уже спросил:

— Надеюсь, я не помешал? — И, не ожидая ответа, пустился в рассуждения: — Смотрю я на вас и думаю о вреде родственных отношений. Посторонние люди поспорят, поругаются и разойдутся, все на том кончилось. Что мне, в конце концов, до него, в следующий раз я с ним и разговаривать не стану, за милую обойду. А тут ведь никуда не денешься, хочешь не хочешь, надо сосуществовать. И обида острее. От чужого я не жду особого сочувствия и пощады, если что не так брякну. От своего всякое возражение уже принимаю за предательство: как мог он, которого я люблю, так низко и неделикатно со мной обойтись!

Выслушав эту тираду, Ром уже не сомневался, что Сторти с отцом сговорились взяться за него вдвоем, и то, что наставник явился с опозданием, тоже, очевидно, было заранее условлено. Сейчас навалятся, подумал он с раздражением, начнут поучать, как надо жить, да почему следует блюсти традицию, да на чем Гермес держится... Бежать бы отсюда куда глаза глядят!

— А ячменкой у вас гостей потчуют? — спросил Сторти. — Очень уж жарко.

— Даже непрощеных, — ответил отец и крикнул в дом, чтобы приготовили напиток. В саду появилось механическое существо, смахивающее на кухонный шкаф. Лихо подкатив к ним на маленьких колесиках, робот с помощью пластиковых рук извлек из своего чрева кружку с ячменкой и поставил ее перед Сторти. У того вытянулась физиономия.

— Я-то надеялся отведать нектара, изготовленного искусницей Монтекки, — сказал он со вздохом.

— Жена сейчас в отъезде, у них какие-то нелады на селекционной станции.

— Ничего не поделаешь, придется глотать это варево.

— Напиток изготовлен из лучших сортов ячменя и

по самой передовой технологии, — заявил робот с достоинством. Голос у него был звучный, как у диктора.

— Знаем мы вашу технологию, — проворчал Сторти.

— Вы сначала попробуйте, — вежливо отпарировал робот. — Нельзя же судить заранее.

— Логично. Беру свои слова назад и прошу извинения. — Сторти привстал и сделал шутливый полупоклон.

Робот принял это как должное.

— Не сомневаюсь, — невозмутимо заявил он, — что напиток придется вам по вкусу. — И, откатившись, исчез из виду так же внезапно, как появился.

Эта сценка несколько разрядила обстановку, что и входило в расчеты Сторти. Отхлебнув ячменки, он приступил к делу.

— Судя по сердитому выражению вашего лица, Монтеки, у вас есть какие-то претензии к моему воспитаннику. Не сочтете ли возможным ввести меня в курс событий?

— А я полагаю, вам по долгу службы следовало бы первому знать, что происходит с моим сыном, — отрезал отец.

Кровь бросилась в лицо Рому, он вскочил.

— Зачем ломать комедию, я ведь давно догадался, что вы сговорились. По горло сыт вашими поучениями, можете заниматься этим без меня!

— Не впадай в истерику, — холодно сказал отец, а Сторти цепко ухватил Рома за плечо и усадил на место.

— Что ты, дружок, какой заговор, клянусь, ты ошибаешься.

Он откашлялся, выразительным жестом дал оценку поварскому искусству робота и продолжал:

— Не скрою, до меня дошли некоторые слухи о твоём неожиданном увлечении математикой и о его, скажем так, побудительном стимуле. Но я не вижу во всем этом ровно ничего предосудительного.

— То есть как, — спросил отец с нескрываемым удивлением, — вы хотите сказать, что подобная нелепость в порядке вещей?

— Именно так я выразился.

Старший Монтекки побелел от злости; казалось, вот-вот его хватит удар. Ром испугался за отца и на секунду ощутил даже неприязнь к Сторти, который между тем продолжал как ни в чем не бывало излагать свою точку зрения. Говорил он громко и внятно, как бы желая подчеркнуть, что это не какие-то случайно пришедшие в голову мысли, от которых можно и отступить, а глубоко продуманное и годами выношенное убеждение.

— Я вообще полагаю, олдермен, — отец Рома входил в совет старейшин общины агров, — что успех благословенной клановой системы основывается на ее добровольности. Мы становимся аграми не потому, что так повелели наши предки, а потому, что каждый из нас с детства влюбляется в свою профессию. Также и люди других кланов. Ром любит землю и никогда ей не изменит, за это я готов поручиться. Вы можете себя поздравить с тем, что сумели дать сыновьям классическое воспитание. Чего говорить, ваше маленькое семейное чудо, — Сторти обвел рукой сад, — вот где заложено пристрастие Рома и Геля к нашей профессии.

Польщенный Монтекки смягчился.

— Так и я думал до недавнего времени.

— И были правы, — подхватил Сторти. — Верно, Ром, ты не собираешься изменять нашему делу?

— Никогда!

— Ну вот и отлично. — Сторти хитро взглянул на него своими маленькими глазками. — Пусть уж Ула переучивается. Когда гермеситы вступают в брак, женщина оставляет свою семью и входит в дом мужа. Не так ли должно быть, коль скоро вы из разных кланов?

Сторти задел больное место в душе Рома. Его мужская гордость восставала при мысли, что это он рвется навстречу мате, не питая надежды на взаимность.

— Как ты считаешь, способна Ула на такой подвиг? Если нет — она тебя не стоит.

— Позвольте... — начал было Монтеки, но Сторти перебил его:

— Ром, будь другом, посмотри, нет ли у вас в рефрижераторе стандартной баночной ячменки. Заодно поколоти вашего робота: более гнусного пойла я в жизни не пробовал. — С гримасой отвращения он выплеснул из кружки на грядку с редисом остатки напитка. — Надеюсь, редис не погибнет от этой отравы.

Ром взял кружку и пошел в дом, догадываясь, что Сторти таким способом отсылает его, чтобы посекретничать с отцом. Он не успел исчезнуть в дверях, как тот набросился на Сторти:

— Ваше поведение возмутительно! Неужели вы не понимаете, что эта мальчишеская страсть может погубить всю его жизнь? И вместо того чтобы помочь мне остановить Рома, вы своими дурацкими рассуждениями только поощряете его на новые безумства!

— Тише, олдермен, не то он нас услышит. Теперь разрешите мне сказать, что вы никогда ничего не понимали в своих сыновьях, даже не пытались понять. Что вы знаете о Роме? Только то, что он добрый и умный юноша, послушный сын, способный студент? А ведь это — тонкая мечтательная натура, характер сложный и своенравный. Вам, например, приходило в голову, что Ром сочетает в себе такие, казалось бы, несовместимые черты, как сентиментальную расслабленность и буйство нрава, что он, застенчивый и молчаливый в кругу сверстников, меньше всего претендующий на роль вожака, при встрече с опасностью рвется вперед, что он свирепеет и может наделать глупостей всякий раз, когда, по его мнению, совершается несправедливость?

— Конечно, я догадывался...

— Оставьте, — грубо оборвал его Сторти, — ничего вы не догадывались. Силой от него ничего не добьешь-

ся, здесь нужен деликатный подход. И я как раз его нашел, — заявил наставник самодовольно.

— Я не против деликатности, — возразил Монтекки, несколько растерянный этим наступлением, — но как бы она не привела к обратным результатам. Вот вы заделали его мужское достоинство...

— Заметили, как он покраснел?

— Да, видимо, его самого мучает эта мысль. Но представьте, если эта Ула, черт бы ее побрал, в самом деле кинется ему в объятия, что останется нам с вами — соглашаться на их союз? Вы понимаете, какой это вселенский скандал. Вот уже пятьсот лет...

— Глупости, никогда, ни при каких обстоятельствах мата не опустится до того, чтобы влюбиться в агра, да еще изменить своей профессии. Ром будет биться головой об стену, будет страдать, а потом клановая гордость возьмет свое, он отвернется от нее и утешится с какой-нибудь симпатичной агрянкой. Кстати, у меня есть на примете одна такая, совершенство во всех отношениях. — Сторти поднял большой палец и причмокнул своими толстыми губами. — Я пораскину мозгами, как их свести.

Монтекки кивнул, как бы говоря: «Вот это другой разговор». Сторти воодушевился.

— Доверьтесь мне, я знаю, как взяться за дело. А вам мой добрый совет: не торопите событий, позволяйте им идти своим чередом, все уладится само собой.

— Если бы так! — сказал полуубежденный Монтекки. — Если бы так! И все же, раз Ром мог увлечься Улой, почему она не может увлечься им? Ведь он парень что надо, — добавил он с гордостью.

— Конечно, — улыбнулся Сторти, — и будь я этой самой Улой, ни минутой не задумываясь, втюрился бы в вашего сына. Однако не забывайте, что она мата, а люди этого клана большие задавалы, они ставят себя выше всех прочих.

— Без всяких на то оснований! — возмутился Монтекки.

— Разумеется. Но в данном случае это нам с вами на руку... Где ты пропадал так долго, бездельник? — вскричал он, завидев появившегося на веранде Рома. — У твоего наставника горло пересохло!

4

— Ах, Ула, Ула, — укоризненно сказала мать, — опять ты не сдала зачета. Без конца вертишься перед зеркалом. Боюсь, Пер слишком вскружил тебе голову.

— Вот уж ерунда, — фыркнула Ула. — Я невысокого мнения о его умственных способностях.

Мать усталилась на нее с подозрением.

— Тогда кто-то другой. Не увлекайся, девочка. Ты не должна забывать, что Пер — твой нареченный. Он способный юноша. Чутьочку шалопай, правда, но с годами это проходит.

— Что ж, прикажешь ждать, пока этот шалопай, которого вы без моего согласия нарекли мне в женихи, возьмется за ум?

— Мы не могли с тобой советоваться, тебе тогда исполнилось два года. Прекрасно знаешь, что такова традиция. Конечно, никто не будет вас неволить, но Пер — хорошая для тебя партия. Он происходит из старинного профессионального рода, выдвинувшего плеяду знаменитых математиков.

— Мне жить не с плеядой.

— Очень уж ты строптивая. — Мать обняла дочь за плечи и усадила рядом с собой. В просторной, с изыском обставленной гостиной им было покойно и уютно. Хрустальная люстра бросала цветные блики на портреты знатных предков Улы, последним в ряду был ее дед, прославившийся открытием суперисчисления. На телеэкране, занимавшем полстены, шла хроника гермесит-

ской жизни, мелькали, сопровождаемые хвалебным комментарием, новинки робототехники, бытовые приборы, домашняя утварь, модная одежда и кулинарные рецепты. Приглушенный звук не мешал беседовать.

— Давай поговорим серьезно, Ула. Ты знаешь, что в отличие от отца я не любительница читать нотации...

— Только этим и занимаешься.

— Придержи язычок. Я по-матерински предостерегаю тебя. Ты хороша собой...

— Не просто хороша, а красива. Так твердит твой Пер.

— Тем более надо беречь свое достоинство. Дурнушке опасаться нечего, если она и оступится — никто не поверит. Злословье липнет к таким, как ты. А вокруг тебя, я давно заметила, вьется рой ухажеров.

— Фи, как ты вульгарно выражаешься, ма. Не ухажеров, а поклонников.

— Ладно, поклонников.

— Еще точнее — обожателей.

— Так вот, будь с ними осторожна, не давай повода для сплетен.

— Примерно в таких же выражениях поучал меня отец. Только он добавил: не запятнай славный род Капулетти. Можете не беспокоиться, не такая уж я дура. И замуж выйду за вашего любимчика Пера. Сказать тебе честно, мне вообще все равно, за кого выходить. Все они в нашей компании на одно лицо — самовлюбленные, холеные, как пироги слоеные.

— При чем тут пироги?

— Слоеный пирог возьмешь в руки, он и рассыпается.

Мать покачала головой.

— Ты у нас с детства любила мудрствовать.

— Ничего не поделаешь, вы же меня объявили вундеркиндом, вот я и напрягла свой умишко. От меня все вечно ждали какой-нибудь выдумки, чтобы можно бы-

ло восхититься: ах-ах, какая девочка, вы только послушайте, что она говорит.

— Ты и была вундеркиндом. В шесть лет решала уравнения, как орешки щелкала. А в пятнадцать дед ухитрился втолковать тебе свое суперисчисление, которое и взрослым-то нелегко уразуметь.

— Видишь, а ты сетуешь, что я не сдала зачета.

— Так то было в детстве, теперь ты, признайся, ходишь в середнячках. Впрочем, не всем Капулетти быть гениями. Я хочу, чтобы ты разумно устроила свое будущее. И Тибор будет рад, он души не чаает в Пере.

— Сделаем приятное и моему братику, чего нам стоит! — с ехидством сказала Ула. Мать погрозила ей пальцем.

В наступившей тишине четко прозвучало очередное сообщение телекомментатора. Он рассказывал о достижениях экспериментальной агролаборатории в Северном нагорье. Впервые удалось вырастить в этом суровом климате, в зоне мерзлоты теплолюбивые маки. Камера показала горный склон, усеянный нежными пурпурными цветками с черными крапинками. Это пламенеющее колышущееся полотно эффектно контрастировало с убеленными снегом вершинами, видневшимися на заднем плане. Благодаря скраденному расстоянию красное и белое, символы полярных ликов природы, мирно соседствовали на экране, создавая ощущение внутренне напряженной гармонии.

— Как ты думаешь, мама, — неожиданно спросила Ула, — может мата полюбить агра?

— Безумная мысль! Почему она пришла тебе в голову? — Мать пытливо заглянула в глаза дочери.

— Сама не знаю. Эти маки так восхитительны!

— Даже не знаю, что тебе сказать. Агры тоже, конечно, люди, но между нами пропасть. О чем ты могла бы говорить с агром, как объясняться в любви — с помощью апа?

— Я не о себе, мама.

— Разумеется. Ты спросила, я и рассуждаю. Кроме того, есть ведь и такое понятие, как профессиональная гордость. Мы, Капулетти, никогда не были снобами, но не забывай, что матам сама природа судила быть первыми среди равных. Мы делаем самое важное, на что никакой другой клан неспособен. Пятьсот лет...

Ула взглянула на экран. Маки исчезли, теперь там мчались всадники, и все они, стройные, широкоплечие, с широкими скулами и синими глазами, походили на Рома. Она встряхнула головой, отгоняя наваждение.

— Ладно, мама, забудь об этом.

Из передней донеслось хлопанье дверей, громкие голоса, в комнату шумно ввалился Тибор с приятелями.

— Послушай, сестренка, — закричал он с порога, — Пер не может без тебя и дня прожить. У нас была блестящая перспектива на вечер. Но этот влюбленный красавчик до того надоел своим нытьем, что пришлось воротиться. Приголубь его, не то он совсем раскиснет!

— Что за лексикон, Тибор! — возмутилась мать.

— Прошу прощения, синьора Капулетти, это все пагубное влияние улицы. — Он сделал шутовской поклон, а затем подхватил мать на руки и стал кружиться по гостиной, не обращая внимания на ее протесты. Все привыкли к сумасбродствам Тибора. Ула скомандовала роботам подать ужин, и началось веселое застолье.

Пер глаз не сводил с Улы и был окрылен тем, что на этот раз она держала себя с ним не с обычным своим капризным кокетством, а отзывчиво и ласково. За полночь разгоряченные молодые люди отправились гулять в соседний парк. Тибор заявил, что он не намерен терять даром оставшееся до утра время, и торжественно поручил Перу проводить сестру домой. Они долго ходили по пустынным аллеям, опавшие листья шуршали под ногами, в лунном свете лицо Пера приобрело особую одухотворенность, он вдохновенно говорил о сво-

их чувствах, Ула была заморожена его изящными и отточенными формулами; повинаясь порыву, она поцеловала своего нареченного.

А потом, когда после долгого прощания у подъезда Пер ушел, из темноты навстречу ей шагнул Ром. Ула не видела его лица, но сразу узнала по фигуре.

— А, это ты, — сказала она устало, не удивляясь, словно ждала этого позднего посещения.

Заверещал ап, и сердце Рома дрогнуло. Тысячу раз на протяжении томительного караула у ее дома он переворачивал на губах те единственно верные слова, которые должен был сказать Уле. Не надеясь встретить мгновенный отклик, он и не ждал такого холодного безразличия. А тут еще проклятие разноязычности. Ром совсем растерялся.

— Я проходил мимо твоего дома... — начал он неуверенно.

— И решил заглянуть на огонек, — закончила она за него язвительно. — Ты всегда прогуливаешься в нашем районе в предзвездный час?

Ром вспыхнул от стыда.

— Ладно, — сказал он грубо, — не задавайся. Конечно, я здесь не случайно. Мне хотелось с тобой поговорить.

— О чем?

— Обо всем на свете.

— Что ж, говори, я слушаю.

— Как-нибудь в другой раз. Уже поздно.

— Вот именно. Ты давно сторожишь меня?

Он кивнул.

— И видел, как мы выходили?

— Да. Кто эти парни?

— Мой брат Тибор и его приятели.

— А тот развязный херувим?

— Не смей отзываться так о моих друзьях!

— Извини.

— Его зовут Пер.

— Пер, — повторил Ром, — и имя у него приторно-красивое. Мне он не понравился.

Она надменно усмехнулась.

— Важно, что он нравится мне.

— Это невозможно, — возразил Ром нарочито безапелляционным тоном. — Такая девушка, как ты, не может быть благосклонна к этому лощеному субъекту. — Не отдавая себе отчета, он пытался вывести ее из состояния оскорбительного равнодушия. И достиг цели. Улу передернуло. Она шагнула вперед, так что они оказались лицом к лицу, и, в упор глядя на него злыми глазами, выговорила звенящим от напряжения голосом:

— Уж не ты ли будешь указывать, с кем мне водиться?

— Я! — ответил Ром и прикоснулся губами к ее губам. В тот же миг Ула с силой ударила его по щеке. Переполненная негодованием, она секунду искала слова, чтобы ущемить его побольнее, и нашла их:

— Наглый агр!

Ром и бровью не повел. Он улыбался. Тогда Ула еще раз его ударила.

— Уходи отсюда и не смей преследовать меня!

Ром отрицательно покачал головой.

— Я расскажу Тибору, и тебе не поздоровится.

Он пожал плечами.

Ула ударила его в третий раз.

Ром продолжал улыбаться.

Плача от бессилия и досады, она повернулась и пошла к дому. И опять Ром испытал то ощущение невозвратимой потери, с каким глядел ей вслед в бухточке.

— Еще секунду. — Надлом, прозвучавший в его голосе, заставил ее остановиться.

— Слушай, Ула, я несколько раз объяснить... что-то понимание... жизнь в переломе... Меня ослепили... Могу не без тебя...

Ей стало страшно от этого бессвязного лепета.

Страшно и безумно жаль его. Уж не свихнулся ли окончательно этот странный парень, и не она ли тому виной? Кляня себя за бессердечие, Ула пыталась вникнуть в смысл этого бреда, если в нем вообще был какой-то смысл. И вдруг осознала, что происходит: ап молчал, Ром изъяснялся на ее родном языке.

Это открытие безмерно ее поразило. Ула ощутила, как волна сочувствия, сострадания, симпатии заливает все ее существо. А Ром, исчерпав запас выученных им формул, повторял самую важную, венчающую его признание:

— Люблю тебя! Люблю тебя! Люблю тебя!

Ула не могла выговорить ни слова из-за душивших ее слез. Она взяла Рома за руку и его ладонью ударила себя по щеке так сильно, как только смогла. Ром, застигнутый врасплох, не сумел помешать ей. Он отдернул руку, приложил ладонь к сердцу и замер, потрясенный.

А Улы уже не было. Скрипнули двери, в последний раз мелькнуло ее белое платье.

«Какой смешной, — думала Ула, пробираясь в свою комнату, — он выучил формулы, которые каждый мат знает с годовалого возраста!»

«Как хорошо жить на свете, — думал Ром, — и какая это замечательная штука — знать математику!»

5

Нет у гермеситов более излюбленного занятия, чем следить за буйной игрой в мотокегли. Она изобилует неожиданными перепадами и создает возможности для хитроумных тактических маневров. Зрители здесь не просто заинтересованные наблюдатели, они могут непосредственно влиять на ход поединка. А если к тому же состязаются команды разных кланов, то на трибунах кипят гомерические страсти.

Представьте покрытую асфальтом площадку разме-

ром с футбольное поле; по которой на мотоконьках со скоростью до 50 километров в час носится двадцать спортсменов — по десять с каждой стороны. Вдоль кромки тянется невысокий барьер с отверстиями — по числу кресел на трибунах — для запуска небольших мячей, похожих на теннисные. В подлокотник каждого кресла вмонтирована кнопка: нажав на нее, зритель приводит в действие автомат, выстреливающий мяч на площадку, причем ему дается право сделать это только один раз. Мячи летят снизу вверх, их траектория рассчитана так, что, не встретив препятствия, они приземляются в нейтральном круге, очерченном в центре поля, после чего считаются выбывшими из дела. Задача игроков состоит в том, чтобы подхватить мяч на лету, донести его до стороны соперника и со штрафной черты метнуть в расставленную на расстоянии полутора десятков метров кегельную фигуру. На огромных демонстрационных щитах ведется счет выбитым каждой командой кеглям. Правила запрещают подножки, но в остальном не препятствуют силовой борьбе: игроки могут отнимать у соперников мячи и толкать их корпусом в момент броска. Во избежание увечий они одеты в комбинезоны из синтетической губки и такие же шлемы.

Что еще? Самое важное в мотокеглях — это взаимодействие игроков с их поклонниками на трибунах, от сообразительности и сноровки которых в немалой мере зависит исход схватки. Зритель должен уловить момент для запуска своего единственного мяча, когда рядом «свой» и нет «чужих». Опытные болельщики виртуозно исполняют эту важную операцию, беря во внимание всю игровую обстановку. У них устанавливается даже некоторого рода телепатическая связь со своими любимцами, которые оказываются в нужный момент в нужном месте. В этом вся соль игры, а впрочем, как считают некоторые, и самой жизни.

Задолго до универсиады команда агров истово трени-

ровалась на своем загородном стадионе. Был здесь и Ром, хотя числился в запасных и до последней минуты не знал, выпустит ли его тренер на площадку. Здесь же безотлучно пребывал и Сторти, надоедавший своими советами и бесконечными рассказами о том, как двадцать лет назад благодаря его подвигам агры в первый и последний раз завоевали университетский кубок. Это был звездный час спортивной карьеры наставника. Похвальбу Сторти воспринимали с недоверием и шуточками, он отнимал у команды уйму времени. Но его чудачества и неизменный оптимизм помогали разрядиться после утомительных упражнений, поддерживать в коллективе атмосферу бодрости и азарта. Сторти, как незаурядный знаток клановой психологии, был допущен даже к заседаниям тренерского совета, правда, с совещательным голосом.

Аграм удалось выйти в финал, где их противником должна была стать грозная команда матов, многие годы не знавшая поражений. Как сложится обстановка на трибунах — здесь оставалось много неизвестного. Матов, без сомнения, будут поддерживать родственные им физы и, с меньшей вероятностью, техи и юры. Химы, те наверняка на нашей стороне. Не совсем ясно с билами: в душе они симпатизируют аграм, однако положение в турнирной таблице обязывает их желать победы матам. Что касается филов и истов, то угадать, кому станет подыгрывать эта публика, почти невозможно — у них нет твердых принципов, и они болеют, как правило, за тех, кто им больше понравится на площадке.

— Впрочем, — авторитетно рассуждал Сторти, — есть-таки одна зацепка. Я имею в виду инстинктивную настороженность истов и филов в отношении матов, которых они считают чересчур амбициозными, склонными нарушать клановое равновесие и узурпировать особые привилегии. На этом можно сыграть. Если совет мне доверит, я берусь потолковать со своими коллегами на историческом и философском факультетах, убедить их

стать на нашу сторону или, на худой конец, придерживаться нейтралитета.

После недолгой дискуссии наставник получил благословение и отправился исполнять свою деликатную дипломатическую миссию. Его напутствовали предостережением проявить предельную осторожность, ибо за предварительную обработку зрителей команду могли и дисквалифицировать.

Ром тренировался прилежно, но без особого подъема. Мысли его витали в заоблачных высях, он жил сладостными воспоминаниями о своем последнем свидании с Улой и предвкушением грядущих радостей любви. Впрочем, никто, кроме Метью, не заметил происшедшей в нем перемены, а Мет, как и Сторти, ничем не выдал своих догадок.

Однажды, правда, случилось так, что новое умонастроение Рома прорвалось наружу неожиданно для него самого. Вечером они как обычно собрались в просторной комнате отдыха, где занимались кто чем. В отсутствие Сторти компания не клеилась, пока кто-то не завел разговор о том, что неотступно было у всех на уме, — предстоящем спортивном поединке. Начали перебирать игроков соперничающей команды: у кого какая скорость, кто искусен в перехвате мяча, а кто в вышибании кеглей, кого надо особенно опасаться. Затем стали судачить о склонности мотокеглистов-матов к силовой борьбе, граничащей с грубостью и членовредительством. Наконец верзила Голем заявил, что все маты — сволочи и их можно привести в чувство, только действуя по принципу: зуб за зуб.

— При чем тут все маты? — вырвалось у Рома. — Если в команде собрались хамы, это не значит, что весь клан плох.

Наступило минутное молчание. Реплика Рома в накаленной агрошовинизмом атмосфере многим показалась вызывающей. У Голема на лбу задвигались мускулы, выдавая напряженное умственное усилие: принять

ли слова Рома за неуместную шутку или объявить их изменой и подстрекательством к поражению, или, еще проще, дать ему по шее?

В конце концов Голем сказал угрожающим тоном:

— А я утверждаю, что все маты дрянь!

— А я не согласен, — спокойно возразил Ром.

Голем побагровел.

— Так на кой черт нам в команде агенты противника! — взревел он. — Ступай к своим возлюбленным матам, поклонись им в ножки. Может быть, они тебе в награду поручат мячи подбирать!

Тут уж Ром не выдержал, вскочил, готовый кинуться на обидчика с кулаками, хотя их весовые категории были явно несоразмерны. К счастью, вмешался Метью. Он сказал, что негоже затевать ссору перед ответственной игрой, их учат уважать другие кланы, хотя это, естественно, не должно противоречить здоровой спортивной злости. Тут примирительно загалдели другие, петухов, стоявших в бойцовой позе, развели, и все разбрелись по спальням.

Но осадок на душе у Рома остался. Как ни странно, он не столько негодовал на Голема, к которому вообще относился со снисходительным пренебрежением, сколько удивлялся самому себе, тем разнообразным сдвигам, которые породило в его сознании чувство к Уле. В нем шевельнулся страх: рушился прочный и обжитой мир привычных представлений, усвоенных с детства. На их место заступали другие, неясные еще ему до конца. Перекройка эта была одновременно интригующей и пугающей. Кто знает, куда она может его завести? Ром с усмешкой подумал о себе: я как ребенок, который тянется ручонками к незнакомому предмету, но готов в любую секунду отдернуть их и бежать в укрытие, к маминой юбке.

На следующий день объявился Сторти, с несколько помятой после бессонной ночи и обильных возлияний физиономией, но беспредельно довольный собой. Он под-

мигнул шумно приветствовавшей его команде и поспешно проследовал в кабинет тренера, как гонец, обязанный в первую очередь ознакомить всех с экстренным приказом главнокомандующего. Спустя десять минут он вышел оттуда с гордо поднятой головой, будто только что был награжден орденом. Дружно насевшим на него игрокам наставник заявил, что не имеет права разглашать результаты своей миссии. Однако из его прозрачных намеков через пять минут все поняли, что Сторти удалось заручиться твердым обещанием университетских общин филов и истов помогать аграм. Эта весть необычайно воодушевила команду; Голем, расчувствовавшись, даже сжал Рома в железных своих объятиях и шепнул на ухо, что, если завтра маты будут повержены, он согласится не считать их сволючами.

И вот день настал. Под рев трибун две команды выкатились на поле и заняли места друг против друга. В своих цветастых пушистых костюмах мотокеглисты выглядели на редкость импозантно. Трибуны были заполнены до отказа — здесь присутствовали едва ли не все студенты Университета и, разумеется, родители игроков. В почетной ложе восседали ректор и прочее начальство. Девушки сияли улыбками и яркими туалетами, у многих в руках были букетики фиалок.

Игра началась в быстром темпе. Уже на первых секундах отличился Голем. Подхватив удачно выстреленный болельщиком мяч, он резкими поворотами своего мощного туловища разбросал соперников, на предельной скорости пролетел сквозь всю площадку, в последний момент ловко увернулся от защитника и точным броском выбил без остатка кегельную фигуру. Этот подвиг вызвал шквал аплодисментов, какая-то девица, под стать Голему по габаритам, кинула ему цветы. Гигант поднял их, подъехал к барьеру и послал даме своего сердца воздушный поцелуй. Пока он любезничал, ведущий игрок матов, которого Голем должен был опе-

кать, спокойненько перехватил пару мячей, прорвался к воротам агров и вывел свою команду вперед.

— Так всегда с этим самовлюбленным оболтусом! — выругался тренер и принялся неистово грозить Голему кулаком. Когда тот наконец обернулся и увидел, что происходит, он с такой яростью рванул с места, что потерял равновесие и под хохот зрителей катился чуть ли не до противоположного барьера.

Игра шла с переменным успехом, но мастерство матов начало сказываться. Их команда напоминала великолепный механизм, в котором все слажено и выверено до мелочей. Особенно искусны они были в передаче мяча своим товарищам, занимавшим более выгодное положение для броска, да и били по кеглям куда точнее. Был ли этот глазомер следствием неустанных упражнений или происходил от врожденной склонности к точному расчету — оставалось загадкой. Во всяком случае, к концу второго тайма их преимущество стало подавляющим.

Правда, расвирепевший Голем чуть было не переломил ход борьбы. Окончательно махнув рукой на правила, он начал таранить соперников, нагнал на них страху и, воспользовавшись замешательством в их рядах, почти сравнял счет. Но кончилось это плачевно: после двух строгих предупреждений эдил удалил его с поля.

— Что ж, — со вздохом сказал тренер, — выходи, Ром, попытай счастья.

Прозвучало это так, как если б он сказал: «Иди, больше некому». Напутствуемый столь пренебрежительным образом, Ром выкатил на площадку в отвратительном настроении и вяло включился в игру.

Вдобавок судьба уготовила ему странное испытание. Подхватив мяч, Ром прибавил скорость и понесся к воротам матов, но путь ему преградил рослый и быстрый полузащитник вражеской команды. Ром попытался обойти его, тот разгадал маневр, и они сошлись. Оставалось вступить в силовую борьбу, он напряг мускулы и вдруг

узнал в своем сопернике Тибора. «Ее брат!» — пронеслось в голове Рома. «Ну и что, не отдавать же ему мяч», — возразил он сам себе с раздражением. «Ее брат!» — повторил первый голос. «Наглый, самоуверенный мат!» — ответил второй. «Ее брат!» — «Вон он как усмехается, убежден, что возьмет верх!» — «Ее брат!!»..

Этот внутренний спор, длившийся долю секунды, парализовал его волю. Тибор вырвал у него мяч и, насмехаясь над тем, что он почел за испуг соперника, нарочито не спеша покотил вышибать кегли. На трибунах раздался свист: зрители не прощали трусости.

Кровь бросилась Рому в лицо. Горя от стыда, он круто развернулся и кинулся вдогонку, выжимая из мотоциклов всю прыть, на какую они были способны. Настигнув ничего не подозревавшего и уже забывшего о нем Тибора, он схватил его за плечи, развернул к себе лицом, вырвал мяч и напоследок сильно толкнул корпусом. Застигнутый врасплох, тот не удержался на ногах, перекатился несколько раз по бетону, с шумом ударился о барьер и остался лежать недвижимым. К нему заспешили врачи. Однако правила нарушены не были и эдил не остановил игру. Ром без препятствий добрался до цели и выбил свою первую фигуру.

Ему не рукоплескали. Как бывает в таких случаях, публика сочувствовала потерпевшему, который к тому же мужественно шел грудью на грудь, а был повержен падением из-за спины.

Понутив голову, почти отказавшись от участия в игре, Ром медленно катил вдоль барьера. Случилось так, что хуже невозможно придумать. Он оскорбил Улу, изувечил ее брата, и все из-за каких-то треклятых кеглей. Вдобавок теперь его будут считать трусом.

До конца игры оставалось две минуты. Зрители начали подниматься с мест.

Неожиданно на весь стадион прозвенел девичий голос:

— Держи, Ром!

Он поднял голову и прямо над собой увидел Улу. Она вспрыгнула на сиденье, обеими руками указывая ему на летящий в воздухе мяч. Ром почувствовал, что у него вырастают крылья. В невероятном прыжке он достал мяч, ухитрился приземлиться на коньки и стремительно помчался вперед, делая зигзаги, чтобы уйти от преследователей. Его бросок решил исход матча.

Радостные, окружили Рома товарищи, Сторти тискал его в объятиях, Голем с десятков раз подбросил в воздух, даже суровый тренер ласково потрепал по затылку. Им торжественно вручили хрустальный кубок, а затем Рому, как поставившему победную точку, команда доверила право исполнить древний обряд: избрать королеву стадиона. Не сомневаясь, что эта честь выпадет на долю одной из них, юные агрянки начали прихорашиваться.

Медленно двигался Ром вдоль барьера с венком из живых цветов в руках, вглядываясь в лица зрительниц. Вот он, ко всеобщему удивлению, миновал сектор, занятый аграми; там зашептались: может быть, не успел сделать выбор и пойдет на второй круг? Нет. Уверенно подкатив к одному из следующих секторов, он снял коньки, перепрыгивая через ступеньки, поднялся к месту, где сидела Ула, остановился перед ней и произнес традиционную формулу:

— Объявляю тебя, Ула Капулетти, королевой этого стадиона до следующих университетских игр!

Среди матов и агров царило смятение. Зрители из других кланов, не разобравшиеся в происходящем, бурно приветствовали новую королеву. Зазвучал гимн.

Стоя навытяжку, ректор схватился рукой за грудь.

— Что с тобой, дорогой? — спросила его жена. —

Не принимай близко к сердцу эти дурацкие мотокегли.

— Да понимаешь ли ты, что случилось! — возразил он трагическим тоном. — Впервые за пятьсот лет победитель избрал королевой девушку из чужого клана!

Профессор Чейз был самым молодым не только на своем математическом факультете, но и во всем университете. Иные звали его везунчиком, но крайне несправедливо. Происходя из семьи рядовых матов, не располагая ни знатными предками, ни связями, он пробился в люди благодаря своему упорству и фанатической преданности клану. Поговаривали, что ему уже уготовано кресло ректора, а сей престижный пост мог послужить трамплином для дальнейшего продвижения. Прекрасное доказательство того, что у гермеситов каждому дан шанс подняться наверх, были бы талант да желание работать.

— Сила нашей науки, — вразумлял он своих студентов, — то исключительное место, какое она занимает в пантеоне гермеситских знаний, предопределено ее универсальным характером. Например, задачи для простейшего уравнения гиперболического типа... — он быстро набросал на доске формулу:

$$\frac{d^2u}{dt^2} = a^2 \frac{d^2u}{dx^2} -$$

...полученного для описания свободных колебаний однородной среды, оказываются применимы для описания широкого круга волновых процессов акустики, гидродинамики, многих других областей физики. Забегая вперед, скажу, что математические модели пригодны для проникновения в природу всех других форм движения материи — химической, биологической и социальной, поскольку они позволяют учитывать и сопоставлять совокупность не только количественных, но и качественных признаков. Последние, с помощью установленных коэффициентов, переводятся на язык точных цифр и таким образом приобретают измеримость. Математика, друзья мои, это истинная королева наук, милостиво одаряющая своих подданных.

Сделав паузу, чтобы насладиться произведенным эффектом, Чейз продолжал:

— Вернемся, однако, к нашей сегодняшней теме. Речь идет об измерении отношения жизни заряженного Д-мезона к времени жизни нейтрального Д-мезона с целью определить силы, действующие на очарованность, и силы, действующие при изменении очарованности на странность...

Чейз заметил, что Ула не слушает его, устремив мечтательный взгляд в окно. Молодой профессор испытывал злорадное удовлетворение всякий раз, когда мог унижить этих счастливиц, от рождения получающих все, чего простым смертным приходится добиваться каторжным трудом.

— А нашу королеву стадиона, — сказал он с издевкой, — видимо, не очень интересует ничтожный предмет, о коем я трактую. Уж не очарована ли она странным агром, который ее увенчал?

Ула вспыхнула.

Довольный своим каламбуром, Чейз не унимался.

— Вот, пожалуй, единственный случай, не поддающийся всесильной математической логике. Мата кидает мяч агру, сбившему с ног ее брата. Агр в ответ коронует ее. Задача из сферы иррациональных уравнений...

Ула выбежала из аудитории.

— Профессор, — поднялся Пер, — извините, но вы ведете себя возмутительно. Никто не давал вам права оскорблять людей. — И вышел за Улой. Еще несколько человек молча последовали за ним.

Чейз растерялся, почувствовав, что на сей раз перегнул палку. Разумней было бы не связываться с этими Капулетти: знатные роды цепко держатся друг за друга, у него могут быть неприятности. А впрочем, его не так просто выбить теперь из седла. Плевать он хотел на эту публику, которая держится на плаву только за счет своих предков. Ведь они до того обнаглели, что посягают на устои гермеситского общества! «Это им даром

не пройдет, я такую подниму бучу!» — взбадривал и взвинчивал себя Чейз.

— А вы хорошо ее отделали, профессор, — прервал его размышления один из студентов. И сразу посыпались реплики:

— Так ей и надо!

— Нечего продавать своих!

— Будьте покойны, мы за вас горой станем!..

— Спасибо, друзья, — сказал растроганный Чейз. — Я не сомневался, что вы истинные маты. — К нему полностью вернулась обычная самоуверенность. — Мы сумеем защитить свой клан. А сейчас давайте продолжим...

Пер догнал Улу уже за университетской оградой и схватил ее за руку.

— Подожди, успокойся.

— Оставь меня! — Она вырвала свою руку.

— Не обращай внимания на этого выскочку, он ведь не может простить нам происхождения.

— Чейз опозорил меня. При всех сказать такое — да как он смел!

— Хамство, конечно, но где ему взять хорошие манеры? А скажи мне, зачем ты это сделала?

— Что именно?

— Ну, кинула мяч агру.

— Мне так захотелось.

— Назло Тибору? Он тебе чемнибудь досадил?

— Ничего подобного.

«Женское своенравие», — подумал многоопытный красавчик Пер.

— Ладно, ничего не бойся, — сказал он покровительственно, — скоро мы поженимся, и все забудется.

— Ты уверен? — спросила она с иронией, которой Пер не уловил.

— Еще бы! — воскликнул он с жаром. — Да кто посмеет подумать дурно о моей жене! Если такие найдутся, мы с Тибором живо приведем их в чувство.

— Я не о том. Ты уверен, что мы поженимся?
Он с удивлением взглянул на нее.

— То есть как?

— А так. Я ведь тебе не давала согласия.

— Опять капризы, — сказал он с раздражением. — Ладно, не ломайся. Ты еще в школе мне проходу не давала.

— Не скрою, ты мне нравился. Но теперь с этим кончено.

— Позволь, не далее как неделю назад в парке...

— Можешь не напоминать. Я говорю: кончено.

— Что ж, выходит, Чейз прав, и ты действительно очарована этим агрономом, как его звать, Ром, что ли?

— Это тебя не касается.

— Послушай, девочка, мне тебя жаль. Ты соображаешь, что делаешь? Агр и мата — хороша пара! — Он желчно рассмеялся.

Она повернулась и пошла.

— Опомнись, ты себя погубишь!

Ула не отозвалась. Тогда он забежал вперед и загородил ей дорогу.

— Извини за грубость. Ты знаешь, я избалован женским вниманием, от этого мое фанфаронство... Но я люблю тебя, никогда не сомневался, что мы с тобой рождены друг для друга. И тут вдруг — как обухом по голове.

— Переживешь, Пер, — сказала она мягко.

— Я убью себя!

— Переживешь. И утетишься. Останься моим другом, мне так нужна сейчас дружеская рука.

— Нет и нет. Мы обручены. Твои родители не позволят поломать уговор. И Тибор... Если ты не обрадуешься, я всех натравлю на тебя!

— Не грози, — сказала она устало. — Мне и так страшно.

Эти слова поразили Пера. Он стоял опустошенный,

растерянный и, когда Ула тронулась с места, не пытался больше ее остановить.

Мать встретила Улу неласково.

— А, королева явилась!

— Как Тибор? — спросила Ула.

— Лежит. Пойди полюбуйся, как твой агр отделал брата. Может быть, совесть у тебя, наконец, заговорит.

Ула, едва сдерживая слезы, прошла к Тибору. Вопреки ожиданию он неплохо выглядел и был в обычном для себя веселом настроении.

— Сестренка пришла поведать умирающего? А я, как видишь, в полном здравии.

— Правда, Тибор?

— Так, ерунда, остались синяки.

— И ты на меня не сердишься?

— С чего ты взяла? Ну, порезвилась, подкинула мяч агру, за что и была коронована. Да я рад за тебя, и твой агр, видно, совсем неплохой парень.

— Тибор, — она прижалась щекой к его груди, — ты меня воскрешаешь!

— Честно говоря, я принял его за пентюха, а у него, оказывается, есть характер. Конечно, ты понимаешь, будь я настороже, ему никогда бы со мной не сладить.

— Конечно, братец, ты самый сильный и ловкий игрок в Университете.

— Смеешься?

— Нет, я совершенно серьезно.

— А почему у тебя глаза заплаканы? — Он взял ее за подбородок, пытливо всматриваясь.

— Так... — Она отвернула лицо.

— Ну, ну, мне ты можешь признаться.

Ула расплакалась, и Тибор принялся ладонью вытирать с ее щек слезы, поглаживая другой рукой по спине. — Успокойся, ничего ведь страшного не случилось.

— Ты не представляешь, как он меня при всех...

— Кто он? Объясни толком.

— Профессор Чейз.

— А, этот выскочка... Что же Пер, неужто он за тебя не заступился?

Она достала платок, начала приводить себя в порядок.

— Не знаю, я убежала, и Пер догнал меня на улице. Он настаивал, чтобы мы скорей поженились.

— И правильно. Все пересуды на твой счет разом прекратятся.

— Тибор, — сказала она просительно, — не сердись, но я не могу выйти за него замуж.

— Как это? — Он приподнялся в кровати. — Что между вами произошло, поссорились?

— Ничего. Просто я его не люблю.

Он присвистнул.

— И давно ты это поняла?

Она кивнула.

— Послушай, Ула, не знаю, как мать с отцом, а я буду последний, кто станет тебя понуждать к этому браку. Я вообще нахожу идиотским обычай с детства навязывать суженых. Слава богу, меня они не удосужились оженить по своей прихоти! Но мне всегда казалось, что он тебе нравится. Может быть, это простая размолвка? Помиритесь. Хочешь, я поговорю с ним по-мужски?

— Нет, Тибор, ничего не получится.

— Скажи мне честно, уж не влюбилась ли ты в кого другого?

Она промолчала.

— Ладно, не буду пытаться.

Ула с благодарностью подумала, что у ее буйного и взбалмошного брата, грубого в своем прямодушии, хватило такта не ворошить ее смятенные чувства. И тут же сделала еще одно открытие: у него хватило проницательности понять, что с ней происходит.

— В конце концов, найдешь другого, все мы примерно одинаковы, — философски заметил Тибор. —

Единственное, что я тебе скажу: не забывай о своем клане, без него не проживешь. — И после небольшой паузы вдруг спросил: — А все-таки, почему ты подбросила ему мяч?

— Сама не знаю, затмение нашло... Хотя, может быть, из жалости. У него был такой растерянный вид, когда ты его атаковал.

— А-а... — протянул Тибор.

Раздался стук, дверь отворилась, на пороге появился Капулетти-старший.

— Привет, дети. Тибор, я заберу у тебя Улу, мне надо с ней поговорить.

В отцовском кабинете Ула забралась на мягкую широкую софу, поджав под себя ноги. Это было ее излюбленное местечко, в детстве она проводила здесь целые часы, листая популярные издания по математике и изредка поглядывая на отца, склонившегося над заваленным рукописями письменным столом. Время от времени он прерывал свое творчество, чтобы пофилософствовать с дочкой на отвлеченные темы. Ула мало что понимала, но ей нравилось чувствовать себя взрослой, и она важно кивала, как полагается солидному собеседнику. Мать, заставляя их за этим занятием, выговаривала мужу, чтобы он не забивал ребенку голову всякой чепухой, а лучше бы преподавал ей элементарные правила поведения. Капулетти протестовал, доказывая, что детский ум — это чистая доска, на которой с самого начала следует записывать вечные истины: пусть они недоступны ей сейчас, зато когда-нибудь обязательно воскреснут в памяти и сослужат свою службу, а без такого фундамента математической культуры ничего путного из нее не выйдет. Он нервничал, срывал и вновь водружал на нос гигантские роговые очки, но в конце концов махал рукой, усаживался за стол и через секунду забывал и Улу, и все на свете.

Ах, как давно минула эта безмятежная пора, как сложно стало жить!

Капулетти долго мялся, перебирал бумаги, а Ула, не желая помочь, бесстрастно следила за ним своими большими оранжевыми глазами. Только легкое дрожание век выдавало владевшее ею беспокойство.

— Видишь ли, девочка, в жизни бывают моменты... — начал он, запнулся и решил подойти с другого конца. — Я никогда не воспринимал тебя как несмышлениша, которого надо учить жизни. Ты взрослая девушка и умница, ты поймешь.

И опять он растерялся, ощущая на себе ее пристальный сосредоточенный взгляд. Капулетти отвернулся и продолжал, уставившись в потолок:

— Словом, я просто передам тебе содержание разговора, который состоялся у меня сегодня с ректором...

Приветствие ректора сразу его насторожило.

— Проходите, Капулетти, всегда рад вам и очень сожалею, что на сей раз беседа у нас пойдет о неприятных вещах. — Он пригласил гостя сесть, нервно поправил галстук, взлохматил пятерней свои пышные седые волосы.

— Я хочу прежде всего знать, как вы сами оцениваете происшествие на стадионе?

— Что вы имеете в виду? — осведомился Капулетти.

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду — поведение вашей дочери и то, что за этим последовало.

— Я не нахожу в нем ничего предосудительного.

— Вот как? Более чем странно. Мата демонстративно отдает свой мяч юноше из другого клана, а тот всенародно увенчивает ее короной. И вы находите, что это в порядке вещей?

— Ну, может быть, несколько необычно, не более того.

— Поразительно! — Ректор всплеснул руками. — Неужели я должен разъяснять вам, почтенному чело-

веку, что наше благосостояние покоится на системе профессиональных кланов?

— Мне это известно. Но мне известно также, что между кланами должно существовать полное равенство. И потом, почему мимолетний каприз своенравной девчонки (это место из своей беседы с ректором Капулетти со свойственной ему деликатностью отредактировал) должен потрясти нашу систему? Хороша она была бы, если б подобные пустяки могли нанести ей ущерб.

— В том-то и дело, что все начинается с пустяков! — воскликнул ректор. — Да поймите же вы: это не случайный эпизод, за ним стоит нечто серьезное. Впрочем, вам неизвестны некоторые факты, и мне следовало, конечно, сразу вас с ними ознакомить. Так вот, слушайте: профессор агрохимии Вальдес обнаружил, что этот агр, его зовут Ром Монтекки, штудирует азы математики. Видимо, ему удалось выкрасть учебник.

Капулетти побледнел.

— Вы хотите сказать...

— Делайте выводы сами. Он явно влюблен в вашу дочь и ищет способа с ней сблизиться. Ясно как дважды два, говоря вашим языком.

— Ну, это еще ничего не значит. Ула разумная девушка и настоящая мата, я за нее ручаюсь.

— Хотелось бы верить. Но ее поступок на стадионе говорит, что она не осталась равнодушной к ухаживаниям агра. Вы представляете, как это безумное увлечение может отразиться на ее судьбе? Впрочем, дело не только в ней и этом Монтекки. Будучи билом, я мог бы махнуть рукой, предоставив матам и аграм самим улаживать свои клановые междоусобицы. Но как ректор я обязан думать об опасных общественных последствиях этого небывалого в нашей истории инцидента. Вообразите, что произойдет, если, следуя их примеру, другие юноши и девушки начнут завязывать любовные отношения с партнерами из чужих кланов, да вдобавок

возьмутся осваивать их языки, пренебрегая собственной профессией? Результатом может стать только деградация профессиональной культуры, застой производства, распад налаженного социального механизма, нравственное разложение, всеобщее одичание! Вот куда ведет ниточка от безобидного на первый взгляд... гм... контакта между матой и агрономом. → Потрясенный нарисованной им гнетущей картиной, ректор вновь взлохматил свою шевелюру. И поторопился выложить еще один пришедший на ум аргумент. — Понимаете, в течение пятисот лет агроном или биолог, не говоря уж о матах, не приходило в голову, что можно искать себе пару вне своего клана. А раз появившись, такая мысль начнет неизбежно расплзаться. Дурной пример, как известно, заразителен.

Капулетти сидел окончательно подавленный.

— Что вы от меня хотите? — спросил он наконец.

— Примите меры, чтобы не допустить никакого общения вашей дочери с Ромом. Я, естественно, требую того же от его отца. Он занимает видное место в общине агронов — олдермен или нечто в этом роде. Не сомневаюсь, что Монтекки не меньше нас с вами заинтересованы удержать сына от безрассудства, которое грозит испортить ему жизнь.

— Но как?

— Это уж ваше дело. Раскройте ей глаза, пристыдите, на худой конец посадите под замок. Да, помнится, у нее есть суженый — так ожените их без промедления.

— Я подумаю, — сказал Капулетти, поднимаясь.

— Думайте, только советую не терять времени. Любовь — это как раковая опухоль: она дает метастазы, пока не поразит весь организм.

Капулетти опустил заключительную фразу ректора. Он все еще смотрел в потолок.

— И что же ты надумал, папочка? — В ее голосе прозвучала насмешка.

— Может быть, тебе действительно выйти замуж за Пера?

— Я не люблю его.

Он пожал плечами.

— Стерпится — слюбится. Твоя мать тоже не слишком любила меня, когда мы поженились.

— Она и сейчас тебя не слишком любит.

— Ула!

— Извини, отец.

Капулетти подсел к дочери, обнял ее за плечи.

— Дай мне совет, скажи сама, как с тобой быть?

Ула улыбнулась, вспомнив старенького школьного врача: он всегда вежливо спрашивал своих пациентов, какое им прописать лекарство. А уж если они не знали, чем себя лечить, кое-как решал сам.

— Знаешь, папа, сажай меня сразу под замок.

— Ты шутишь.

— Нет, не шучу. Иначе вы меня не удержите. Я люблю Рома.

— Опомнись, Ула! — сказал Капулетти, впервые за все время повышая голос.

— Да, да, — закричала она, разряжая всю накопившуюся за этот сумасшедший день обиду, — люблю назло твоему ректору, и тебе, и Перу, и Тибору, и всему нашему замечательному клану! Это вы заставляете меня любить его!

7

Олдермен Монтекки был в отвратительном настроении. Неприятности начались с самого утра, и казалось, им не будет конца. Он передержал на лице бритвенную губку, отчего кожа воспалилась и зудела. В гардеробе не оказалось чистой рубашки. Куда-то запропастилась запонка, и пришлось ползать в поисках ее по полу. Новые ботинки, которые он упрямо пытался разносить, саднили, и у него было предчувствие, что на большом

пальце правой ноги назревает изрядная мозоль. Выходя в сад, он поскользнулся на мокрой после дождя ступеньке, упал и больно ушиб плечо. Тосты были явно пережарены, а когда он упрекнул робота за нерадивость, тот, вместо того чтобы признать вину, надерзил ему, проворчав: «На всех не угодишь!» Он пригрозил отдать робота на слом и услышал в ответ, что дело хозяйское, ему жизнь вовсе не дорога, а вот как они обойдутся без прислужника — еще неизвестно. И, поворочав своими электронными мозгами, ехидно добавил, что нынче цены на роботов подскочили вдвое.

В сердцах махнув рукой, Монтеки выскочил на улицу и зашагал обычным своим маршрутом в управу агров. Прогулка несколько отвлекла его от мрачных мыслей. Стояла ранняя весна; воздух был на той нечастой грани, когда уже не холодно, но еще не жарко; распускались почки на деревьях, гомонили птицы, ссорясь из-за уютных местечек на ветках, чтобы их семейства могли с комфортом провести летний сезон; тонкий, еле уловимый аромат исходил от аккуратно высаженных вдоль улицы и только начавших цвести кустов черемухи. Монтеки подумал, что пару таких кустов нехудо бы высадить в своем саду. Пусть этим займутся Ром и Гель, ребята в последнее время обленились.

Вспомнив сыновей, он снова пришел в скверное состояние духа. Вчера олдермен пытался еще раз вразумить Рома, но из этого ничего не получилось. Парень замкнулся и с полнейшим безразличием воспринял отцовское предостережение. Дальше — хуже. Когда Монтеки спросил Рома, почему он решил отдать венок девушке из чужого клана, — Монтеки выяснил: это была некая Ула Капулетти, — Ром дерзко ответил, что он уже взрослый и не обязан отчитываться в своих поступках. Сдержавшись, отец высказал предположение, что Ром по-рыцарски вознаградит Улу за поданный ему мяч. Само по себе похвальное побуждение, но, ес-

ли эта девица оказывает Рому знаки внимания или даже вешается на шею, ему следует быть осторожным. Получилось нехорошо, вокруг них разрастается сплетня, и, если не пресечь ее в зародыше, могут накрутить такое, что потом всю жизнь не отмоешься.

— Что именно? — спросил Ром.

— Что у вас роман.

— А почему бы и нет?

Кончилось тем, что Монтекки накричал на сына, пригрозил выгнать его из дома, и тот, хлопнув дверь, убежал. Вот и деликатничай после этого с детьми! Нет, здесь нужна твердая рука. Этот болтун Сторти только сбивает его с толку да водит за нос, обещая подсунуть Рому некую сногшибательную агрянку. Нельзя исключать даже, что наставник втайне потворствует их флирту. Человек он нестойкий, не случайно его чуть не выставили из Университета.

Несколько утешил Монтекки разговор с младшим сыном. Гель — настоящий агр, преданный своему клану, ему незнакомы романтические бредни. Он безоговорочно осудил метания брата и обещал отцу принять свои меры. Но что он может? Мальчишеская похвальба! Все равно приятно найти в сыне единомышленника. А ведь Монтекки, гордясь Ромом, всегда относился к младшему равнодушно, хотя и корил себя за это. Поди в них разберись!

Правда, и Гель смутил его, заявив, что еще куда ни шло, если б Ром перетянул свою пессию к аграм: пусть она предаст свой клан, а не наоборот. Эта идея явно внушена ему Сторти. Мальчик не понимает, что здесь речь не о том, какой клан перетянет — вызов брошен самой первооснове нашего порядка!

Монтекки остановился, обратив внимание на пшеничный колос, случайно взошедший по соседству с кустом черемухи. Видимо, кто-то обронил зерно, и оно проросло без помощи человека. Добрый признак, быть в нынешнем году хорошему урожаю. Он сорвал стебе-

лек, бережно, чтобы не изломать, уложил его в широкий нагрудный карман своей куртки: надо будет показать находку коллегам.

И опять Монтеки омрачился. В последние дни отношение к нему в управе явно изменилось. Внешне все обстояло как прежде, никто не заговаривал с ним о неприятном инциденте, не пытался расспрашивать. Но это как раз самое худшее. Лучше уж они прямо выложили бы свои потаенные мысли, засвидетельствовав тем самым, что ему по-прежнему доверяют, сочувствуют. Вместо этого он ощущал сухость и отчужденность, время от времени ловил на себе косые взгляды. Похоже, его готовы списать в расчет, не дав объясниться и оправдаться. Впрочем, может быть, все это ему только показалось? Он потерял уверенность в себе, стал мнительным. Увы, есть еще один зловещий признак — вот уже третий день шеф не приглашает его к себе, а ведь раньше чуть ли не каждый час звал советоваться или просто так, облегчить душу.

«Теперь меня отошлют на пенсию, — с горечью размышлял Монтеки, — в лучшем случае затолкнут куда-нибудь в захолустье, на захудалую агростанцию, где я буду погребен заживо. Не вспомнят при этом ни десятилетий беспорочного служения делу, ни заслуг перед общиной. А признаться честно, разве сам я поступил бы иначе, случись такое с кем-нибудь из сослуживцев? Нет, у меня не дрогнула бы рука подписать приговор своему ближнему. Что же плакаться, неси свой крест. Порядок должен быть один для всех. Сын за отца не отвечает, отец за сына всегда в ответе. Говорят, грехи отцов падают на головы сыновей. Бывает, значит, и наоборот...»

Не менее мрачны были думы Капулетти. Он не мог взять в толк, почему судьбе понадобилось выбить его из привычной жизненной колеи, лишить драгоценного покоя. До сей поры все в жизни устраивалось само собой, без особых хлопот с его стороны. Получив

в наследство все, что только может пожелать человек, — безукоризненную родословную, родительскую ласку, классическое воспитание, недюжинные способности, ранний успех, благополучную семью, дом и средства, чтобы жить, не заботясь о них, он мог всецело посвятить себя любимому занятию — игре с формулами. Сравнимо ли что-нибудь с наслаждением манипулировать неподатливыми символами, искать в хаотических сочетаниях букв и цифр сокрытый в них смысл, приводить в гармонию, чтобы, отгадав загадку, обнаружить за ней другую, еще более увлекательную. Находясь в своем доме или институтском кабинете, Капулетти чувствовал себя в бесконечной экспедиции, где приходится взбираться на непокоренные горные пики и опускаться с аквалангом в морские пучины, ползти по горячему песку пустынь и пробираться на ощупь в пещерных лабиринтах. Погружение в этот удивительный мир позволяло ему переживать самые острые и необычные ощущения, испытывать свою волю и отвагу, отчаянно рисковать, повергать коварного врага и проявлять великодушие.

И вот теперь его насильно отозвали из экспедиции, извлекли из сферы прекрасных абстракций, бывшей для него единственной конкретной формой бытия, кинули в омут обыденной жизни. «За что? Почему именно меня?!»

О чем я думаю, ужаснулся Капулетти. Какой чудовищный эгоизм, ведь на карте судьба моей дочери, моей милой, маленькой, ласковой Улы. Бедная девочка! Захваченная чувством, она потеряла жизненный ориентир. Сейчас на нее набросится всякая шваль, крикуны и демагоги, ни на что не способные и потому спекулирующие на своей преданности клану. В последнее время таких развелось хоть пруд пруди. Иные из них и суперисчисления не в состоянии толком уразуметь, а верховодят в общине матов, пристроившись на теплые местечки, — кто в управе, кто в различных комиссиях.

Раньше было не так. Тогда считалось само собой разумеющимся, что клан должны направлять лучшие мозги, какими он располагает. Его отец, хоть и не очень рвался к власти, был единогласно избран лидером местной общины, лет двадцать представлял ее в сенате. Что-то нарушилось в нашей системе, все кричат о профессионализме, а профессионалов становится все меньше.

И опять Капулетти упрекнул себя за то, что сбивается на побочные темы. Сейчас он должен думать только об Уле, надо спасти ее от всех и от самой себя, пусть для этого придется прибегнуть к силе. Может быть, действительно посадить ее под замок, как рекомендовал ректор? Жена тоже настаивает любой ценой не позволить ей встречаться с этим юношей. Но Тибор, пожалуй, прав, надо пощадить нашу Улу и взять в оборот агра. Капулетти с теплотой подумал о сыне, — в этой жизненной передрыге он нашел в нем надежную опору. Когда Тибор твердо и логично изложил ему свой план, он с ходу с ним согласился.

Ром... Что они знают о нем? Для жены нет вопроса: он агр, и этим все сказано. Но сам Капулетти испытывал к нему двойственное чувство: и естественную неприязнь, и какую-то странную симпатию — ведь парень полюбил Улу, ради нее готов принести в жертву самое дорогое — свою профессию. Само по себе это достойно уважения, говорит о цельности натуры. Но что нам до него! Можно ведь уважать и робота, пусть только знает свое место. Я не желаю ему зла, но он должен оставить в покое мою дочь.

Возбужденный овладевшей им решимостью и инстинктивно боясь, что порыв скоро иссякнет, Капулетти бросился к телекому и приказал немедленно соединить его с олдерменом Монтекки из общины агров. Через несколько секунд на экране появилось волевое скуластое лицо с тяжелым подбородком и плотно сжатыми губами. Прищуренные синие глаза смотрели настороженно.

Лицо уверенного в себе человека, знающего, чего он хочет.

— Олдермен Монтекки?

Последовал утвердительный кивок.

— Я — профессор Капулетти из клана матов.

Опять безмолвный кивок.

— Догадываетесь, почему я решил вас побеспокоить?

Кивок.

— Не думаете ли вы, что нам следует поговорить?

Кивок.

— Желательно, конечно, не по телекому.

Кивок.

— Разумеется, если ваша супруга пожелает...

Монтекки кивнул, не дав договорить.

— Где? — Почувствовав, что ответа не дожидаться, Капулетти сказал: — Я предлагаю ресторан «Вектор». Это в центре, удобно для обеих сторон. — Что за нелепое словечко он употребил, словно речь идет о дипломатических переговорах двух воюющих держав. А впрочем... — Согласны?

Агр вновь ограничился кивком, и Капулетти выключил аппарат. Можно представить, как легко будет объясниться с этим молчальником!

Капулетти подъехали за несколько минут, чтобы выбрать укромный кабинет, где им не помешают. Да и не хотелось, чтобы их заметили. В принципе в этом нет ничего предосудительного, люди разных кланов нередко встречаются на деловой основе. Но уж, конечно, без жен. А главное — город полон пересудов, фамилии Капулетти и Монтекки уже завязаны в общественном мнении каким-то интригующим узлом, который должен быть раньше или позже, так или иначе разрублен. Если их увидят — пойдет новая волна слухов, их имена будут трепать самым нещадным образом. Монтекки, вероятно, на это наплевать, но честь нашего рода...

Капулетти подозвал старого метра-робота, который

прислуживал еще его отцу и на порядочность которого мог спокойно положиться, распорядился подать кофе на четверых, встретить Монтекки и провести их в кабинет, не привлекая внимания посетителей — к счастью, их было немного.

Они сухо раскланялись, обменялись ничего не значащими дежурными репликами: «Что будете пить?», «Да, весна ранняя», «У агров начинается горячая пора?» — и замолкли. Атмосфера была напряжена, как струна, которая, стоит потревожить воздух неосторожным словом, лопнет. Синьора Капулетти кидала на мужа выразительные взгляды, побуждая его взяться за дело, но он словно язык проглотил. Пришлось ей брать инициативу в свои руки.

— Давайте говорить начистоту. Мы ожидаем, что вы немедленно положите конец ухаживаниям вашего сына за нашей дочерью.

Капулетти чувствовал себя крайне неловко. Но в конце концов он сам виноват, нечего было тянуть.

Монтекки положил на стол большие натруженные руки и сказал:

— Мы вас слушаем.

— Мне нечего добавить, — в том же резком тоне ответила синьора Капулетти, — по-моему, я выразилась достаточно ясно.

— Но позвольте, их двое, почему вы не говорите, как намерены повлиять на вашу дочь?

— Это ваш сын не дает ей прохода, образумьте его, заставьте выкинуть из головы свою, смешно сказать, любовь!

— Зачем вы так, — впервые подала голос синьора Монтекки. — Что же здесь смешного, Ром, насколько я понимаю, действительно любит Улу.

Капулетти отметил про себя, что жена Монтекки назвала детей по именам, а до сих пор о них говорилось не иначе, как «ваш сын», «ваша дочь», будто речь шла о куклах, которыми можно управлять как забла-

горассудится. И еще он подумал, что у Монтекки, в общем, не слишком импозантного мужчины, замечательно красивая спутница жизни. Прямые черные волосы, разделенные пробором и гладко зачесанные назад, открывали выпуклый лоб, нос чуть вздернут, кожа на лице матовая, причем явно не так, как бывает от загара, скорее она мулатка, об этом говорит и легкая припухлость губ.

Его супруга между тем вспыхнула, как смоляной факел.

— Позвольте, я не знаю, что там чувствует ваш сын, мне на это, честно говоря, наплевать. Я требую, чтобы он перестал ее преследовать. Слышите! Иначе мы с вами будем разговаривать на другом языке.

— Марта, — попытался урезонить свою половину Капулетти, — спокойней...

— Оставь меня, — огрызнулась она. — Я не виновата, что приходится брать на себя мужское дело.

— Не знаю, какой язык вы имеете в виду, — сказал Монтекки, — мы ведь с вами можем объясняться только с помощью апов. — Капулетти не уловил, то ли он действительно простодушен, то ли иронизирует.

— Я имею в виду, что мы будем говорить в другом месте, и вам не поздоровится.

— Почему? — спросил Монтекки тем же тоном.

— Потому что ваш сын не только лишает покоя мою дочь, его поведение преступно с общественной точки зрения.

«Забавно, — подумал Капулетти, — моя жена почти дословно повторяет мысли ректора.

— Я не хочу вас обидеть, — продолжала она, — но поймите: агр не должен любить мату, и уж в любом случае не смеет рассчитывать на взаимность. Это противостественно.

— Мой Ром заслуживает самой преданной любви, — сказала жена Монтекки, и в голосе ее не было вызова, просто гордость за сына.

— Не спорю, возможно, и так. Так пусть поищет себе достойную пару в собственном клане. А главное, я поражаюсь, как вы миритесь с тем, что он начал заниматься математикой. — Синьора Капулетти презрительно фыркнула. — Не говоря уж о том, что это ему не по плечу, он у вас останется недоучкой... Скажешь ли ты, наконец, что-нибудь?! — обрушилась она на мужа.

— Да, конечно, — забормотал тот, — я тоже нахожу, что такой мезальянс невозможен.

Монтекки смерил его тяжелым взглядом и обернулся к своей супруге.

— Они правы, Анна, ничего не скажешь.

— Наконец-то нашелся один разумный человек! — вдохновилась Марта. — Так придумайте что-нибудь, синьор Монтекки, на моего муженька нечего надеяться.

Капулетти почувствовал себя оскорбленным, было особенно стыдно терпеть подобное обращение в присутствии синьоры Монтекки. Она взглянула на него и быстро отвела глаза; ему показалось, что в них промелькнуло сочувствие. Ничто не подстегивает воображение сильнее, чем задетое самолюбие, и Капулетти внезапно вспомнил совет Тибора.

— Послушайте, — сказал он, — я знаю, как следует поступить. наших детей надо разлучить, причем так, чтобы они не почувствовали, что над ними совершают насилие. Скажем, мы ушлим Улу к бабке в столицу, сославшись на то, что старушке нужен уход. Для убедительности моя мать даст телеграмму с просьбой срочно прислать внучку. А? — Он оглядел всех, ища поддержки. Монтекки оставался бесстрастным, у Марты было кислое выражение лица, и лишь прекрасная Анна поощрила его едва заметным кивком головы. — Ручаюсь вам, — с подъемом сказал Капулетти, — через полгода они друг друга забудут.

— Почему это именно мы должны отсылать Улу, пусть уж они отсылают своего сына! — сердито зая-

вила синьора Капулетти, избегая таким образом признания, что ее никчемный супруг подал дельную мысль.

— Я согласен, — сказал мрачно Монтеки, — они, то есть мы, отошлем Рома на дальнюю агростанцию. — Он уклонился встретиться взглядом с женой, смотревшей на него с немым укором. — Другого выхода нет. Да и мальчику будет полезно потрудиться на природе, без этого ему не стать настоящим агроном.

— Можно отослать их обоих, — робко заметил Капулетти, то ли из чувства справедливости, то ли желая сделать приятное расстроенной Анне.

— Чего ради, спрашивается? — немедленно взвилась Марта. — Какая разница, будет их разделять две тысячи километров или четыре? — Капулетти не мог не признать ее возражение резонным.

— Как ты думаешь, Анна? — обратился, наконец, Монтеки к жене. Она подняла на него глаза, заблестевшие от слез, и сказала усталым тихим голосом:

— Поступай, как считаешь нужным, дорогой, тебе решать.

Капулетти ощутил жгучую зависть к агро и подумал, какое это счастье — иметь такую подругу. Он тут же с испугом оглянулся на Марту: прищуренные глаза, плотно сжатые губы не оставляли сомнений, что та угадала его состояние. Теперь держись!

— Я обещаю вам, синьор Капулетти, — сказал Монтеки, подчеркнуто обращаясь к нему как к главе семьи, — что через три дня Ром уедет. Нужно время, чтобы договориться с факультетом, собрать парня, — пояснил он.

— Вот это мужской разговор! — восхитилась Марта. — Я в вас не ошиблась. — Неизвестно, чего было больше в этом возгласе — облегчения от того, что удалось настоять на своем, или мести своему супругу. Желая как-то угодить суровому агро, она продолжала шутливым тоном:

— Вы еще будете нас благодарить, не дай бог вам такую невестку, как Ула. У нее ужасный характер, она капризна, истерична, своевольна, быстро меняет привязанности. Хотя Ула моя дочь, скажу честно — это не сахар.

Муж смотрел на нее с откровенным изумлением, а синьора Монтекки улыбнулась.

— Вы что, не верите? — спросила Марта, вновь распаляясь.

— Почему же, — ответила та, — вам лучше знать свою дочь. А вот мой Ром — прекрасный юноша, скромный, отзывчивый, очень способный...

— Это уже женский разговор, — вмешался Монтекки, вставая. — До свиданья, синьоры, сожалею, что не могу сказать, будто встреча с вами доставила мне удовольствие. — Он взял жену под руку, и они удалились.

— Хам! — сказала Марта. — Таков же, должно быть, и сынок. Яблоко от яблони недалеко падает.

8

Дом Капулетти стоял в части города, застроенной старинными особняками, каждый из которых имел основание называться дворцом. Он был окружен высокой стеной каменной кладки, южная сторона которой примыкала к парку. Здесь Ром и решил занять наблюдательный пост. Как только стемнело, он взобрался на стену с помощью заранее заготовленной альпинистской веревки с крюком и, устроившись поудобней, приготовился ждать. Прямо напротив находилась комната Улы с двумя широкими окнами и дверью, выходящей, как догадывается, читатель, на балкон.

Время тянулось нестерпимо долго. В доме не слышно было никаких звуков, казалось, он покинут обитателями. Изредка из парка доносились смех и восклицания гуляющих пар. Глаза Рома привыкли к темноте,

а когда вошла одна из гермеситских лун, стало различимо внутреннее убранство комнаты. Начал накрапывать дождь, посвежело, но он не чувствовал ни холода, ни неудобства от напряженной позы, как охотник, готовый выстрелить, лишь только появится дичь. Ром громко усмехнулся собственному сравнению: какой он охотник, скорее загнанный зверек! Вальдес, отец, Сторти, Гель — все на него ополчились, требуют, чтобы он отказался от Улы, не позорил своего клана. Словно, кроме клана, и жизни не существует!

Особенно разозлил Рома Гель. Этот сопляк, которого он, как старший, опекал и защищал от агрессивных сверстников, теперь учит уму-разуму. Добро бы Геля заботила судьба брата, так ничего похожего, печется только о своей шкуре. Прямо так и врубил: «Я не намерен жертвовать своим будущим ради твоей идиотской страсти к этой оранжевой мачте». Ром хотел ударить его, но сдержался: какой-никакой, а все-таки брат, родная кровь. Главное, почему мачта? Ах да, ведь Гель, как все коротышки, завидует рослым мужчинам и терпеть не может высоких женщин, воспринимает их существование как личное оскорбление. Еще Гель грозился, что, если Ром не возьмется за ум, ему не поздоровится. Да что он может!

Потом он стал мечтать, как они с Улой поженятся и уедут подальше отсюда, где все враждебно их любви. Жаль лишь расставаться с матерью, но она будет их навещать. А чем они займутся? Ром построит дом и заведет сад, такой же, как у них теперь. Каждое утро он будет дарить своей жене... — это слово вызвало у него сладостное ощущение, — своей жене букет свежих цветов. Она устроится где-нибудь на вычислительной станции. С ее помощью он продолжит занятия математикой, и они смогут общаться без помощи апов. Они заведут новых друзей. У них пойдут дети, и это будут не маты и не агры, а какое-то новое, неведомое племя.

Что плохого, если у человека не одна, а две профессии, и он способен свободно говорить на двух языках? Правда, он уже не может считаться первоклассным специалистом, зато ему интересней жить. Ведь вот он, Ром, едва углубившись в математику за пределы таблицы умножения, входящей в комплекс смежных знаний, начал лучше понимать матов, они стали ему ближе. Он уже не склоняется перед этим высокомерным кланом, профессия которого ставит его в положение первого среди равных. Да и Уле не мешает освоить хотя бы начатки агрономии. В конце концов наше дело тоже не последнее, без нас, как правильно выразился Гель, все протянут ноги.

Дождь перестал. Теплая сырая земля отдавала теперь впитанную ею влагу, от нее один за другим отрывались и воспаряли к небу тонкие волнистые слои тумана. Ко времени, подумал Ром, земля хорошо уродит. Он с хозяйской озабоченностью вспомнил о своем саде: пора взрыхлить сохранившуюся там маленькую пустошь, посадить пару кустов черемухи. Вон как красиво она цветет в парке...

Отвлекаясь, Ром пропустил момент, когда Ула вошла к себе. Она включила лампу с зеленым абажуром и присела к туалетному столику. Убрав волосы и перевязав их лентой, Ула встала, подошла к стоявшей у окна широкой кровати, взбила подушку, расправила одеяло и начала раздеваться. Ром, с замиранием сердца следивший за каждым ее движением, хотел отвернуться, но шея ему не повиновалась; он успокоил свою совесть доводом, что однажды уже видел ее обнаженной. Ула накинула халат, вышла на балкон, оперлась руками на перила и стала всматриваться в темноту. Рому почудилось, что она его увидела. В ту же минуту он соскользнул вниз. Уловив шорох, Ула вздрогнула.

Пробираясь сквозь кусты, Ром услышал ее тихий тревожный шепот:

— Это ты, Ром?

«Неужели она меня ждала?» — мелькнуло у него в голове. Волнение помешало ему ответить сразу. Ула забеспокоилась.

— Кто здесь? — спросила она громче. Ром заторопился и через мгновение стоял под балконом в полосе лунного света. Их разделяло всего несколько метров.

— Ты ждала меня, Ула? — спросил он с ликованием и надеждой.

— Да, — ответила она просто, — я была уверена, что ты придешь. Ты давно здесь?

— Целую вечность.

— Смотрел, как я укладывалась?

— Да, — ответил он со стыдом.

Ула пожала плечами.

— Мне надо многое тебе сказать.

— И мне.

— Тогда начинай.

— Первое слово даме, — сказал он галантно.

— Ладно. Признаюсь, я часто вспоминала ту нашу первую встречу в бухте. Потом велела себе забыть и не могла. Поэтому я так грубо обошлась с тобой у нашего дома. Ты понял, что это от досады на самое себя, от собственной слабости?

— Понял.

— А сама я поняла позднее, когда почувствовала, что меня неудержимо тянет к тебе.

— Ула! — вырвалось у него.

— Подожди, я не сказала главного. Нам нельзя больше видеться.

— Что ты говоришь?

— Наберись мужества, Ром, и поверь — мне не легче.

— Так почему?

— Видишь ли, мы не созданы друг для друга. Жена должна понимать своего мужа, разделять его заботы, гордиться успехами. А я ничего не соображаю в том, чем занимаются люди твоей профессии. Не сер-

дись, кроме математики, меня ничто не интересует...

— Я изучу твою благословенную математику.

— Нет, Ром, это не так просто, ей надо посвятить всю жизнь. А кроме того, все будут против нас — твой клан, мой клан... Мои близкие разъярились, они готовы заточить меня в доме, чтобы не допустить встречи с тобой. Один только Тибор не сходит с ума. Но что он может! Представляешь, Ром, нас двое, а на той стороне весь мир — осуждающий, злобствующий, грозящий. Разве мы можем устоять? Мне страшно, я боюсь за тебя.

Она всхлипнула. И ее страх придал ему силу и уверенность.

— Успокойся, Ула, — сказал он мягко и твердо. Какая-то новая для нее нотка прозвучала в его голосе, словно именно в этот момент Ром превращался из юноши в мужчину. — Успокойся, милая, — повторил он, — я не дам тебя в обиду, мы выстоим. Скажи мне только, ты любишь меня?

— Я еще не слышала твоего признания, а ты уже требуешь его от меня. У агров такой обычай?

— Нет, — рассмеялся он, — у нас, как у всех.

— Мне кажется, Ром, я люблю тебя.

— Теперь моя очередь, Ула. Слушай меня внимательно.

— Я вся превратилась в уши.

— Ты перевернула мою жизнь, Ула. Что сильнее любви? Ничто. И только мы, люди, на нее способны. Скалы не рушатся добровольно, чтобы спасти другие скалы. Деревья не рубят себя, чтобы оставить больше влаги своим соседям. Горы не склоняют вершин перед товарищами. Звезды не гаснут, чтобы позволить другим светилам светить ярче. Все это может лишь человек, и я осознал себя им, полюбив тебя, Ула. Когда мы с тобой встретились впервые, ты сказала, что я не знаю теории вероятностей. Это правда. Зато ради тебя я дам изрубить себя на куски.

Ты боишься, что нас сломают. Нет, Ула, это не под силу даже всем кланам вместе взятым. Кроме того, будь уверена, найдется немало таких, кто будет на нашей стороне. Моих друзей, Метью и Бена, ты знаешь. Ты говорила о своем брате... да разве мало добрых людей на свете! Но, если даже все на нас ополчатся, с нами останется наша любовь.

Ула всматривалась в горящие глаза Рома, вслушивалась в его пылкое признание, и таяли мучившие ее страхи и сомнения.

— За что ты любишь меня, Ром? — спросила она.

— Не знаю, должно быть, за загадочность, а ты?

— За твою любовь ко мне. Я эгоистка?

— Ты просто отзывчива.

— Ты шутишь? Не думай, я тоже готова дать изрубить себя на куски ради тебя. Пусть будут прокляты те, кто хочет нас разлучить.

— Пусть будут прокляты все, кто разлучает влюбленных.

— Извини за теорию вероятностей.

— Не бойся, я и до нее доберусь. Подождешь?

— Нет, не хочу ждать. Поднимись ко мне, Ром.

Стена дома Капулетти была снизу доверху украшена медальонами с изображением математических формул и геометрических фигур. Воспользовавшись ими, как ступеньками, Ром буквально взлетел на балкон, схватил Улу в объятия и стал покрывать ее лицо поцелуями. Она отвечала ему с тем же исступлением. Потом, отстранившись, взяла его за руку, приложила палец к губам, и они на цыпочках вошли в комнату.

— Как ты прекрасна, любимая, какое у тебя гибкое тело и нежная кожа!

— Как ты прекрасен, милый, какие у тебя широкие плечи и ласковые руки!

— Ты самая красивая женщина на Гермесел!

— Тебе нет равных среди мужчин!

— Я твой навечно, Ула!

— Я буду всегда тебе верна, Ром!

— Ты не жалеешь? — спросил он.

— Как тебе не стыдно! — ответила она...

Несколько минут они лежали молча, переживая свершившееся таинство любви.

— Расскажи мне, Ром, о своей профессии.

— Знаешь, Ула, я люблю землю, она наша кормилица. Вы, маты, да и другие кланы, привыкли получать свой хлеб, не задумываясь, откуда он берется. А мы растим его, и это, поверь мне, не проще, чем суперисчисление твоего деда.

Она улыбнулась и взъерошила его волосы.

— Да, да, — продолжал он, горячась, — ты даже не представляешь, как много надо знать и уметь, чтобы подготовить почву к посеву, вовремя, не позже и не раньше назначенного погодой срока, оплодотворить ее зерном, заботливо выходить слабые, нежные ростки...

— Ром, кого ты любишь больше, меня или свою землю?

Он ответил ей поцелуем.

— Это не моя, а наша земля, Ула, попытайся увидеть в ней живое существо. Подумай сама, мы вносим в почву удобрения, то есть задабриваем ее, подкармливаем, чтобы она в ответ была милостива к нам. А если обращаться с ней скверно, не жалеть ее, не ублажать, не лелеять — она оскорбится и жестоко отплатит.

— Но ведь так с любым неодушевленным предметом. Кинь камень в скалу, он рикошетом может тебя искалечить. Закон противодействия. Что ж, по-твоему, и к скалам надо относиться, как к живым, и у них есть душа?

— У скал — не знаю, а у земли и у всего, что на ней растет, есть. Пшеничный колос, дубовый лист, куст рябины — им, как и нам, суждено родиться на свет, набраться соков, расцвести, а потом состариться, увянуть,

умереть. Они, как и мы, обожают ласку и терпеть не могут грубости. С ними, я это точно знаю, можно говорить по душам, тогда найдешь отклик.

— Без помощи апа?

Ром погрозил ей пальцем:

— Ах ты, насмешница. Скажи лучше, твои мудрые формулы — в них есть душа?

— Еще какая! — оживилась Ула. — Всеобъемлющая.

— Сама придумала?

— Если по-честному — это выражение моего отца.

— Почему всеобъемлющая?

— Потому что математика универсальна. Наш язык, язык количественных измерений и превращений, позволяет охватить все в природе. И для твоих любимых растений, кстати, можно отыскать свой алгоритм.

— А что это такое? Прости мое невежество.

— Система правил, с помощью которой можно решать задачи определенного круга. Найти ее — значит проникнуть в самую суть явления. Ну, чем алгоритм не душа?

— Мне все-таки думается, что формулы бездушны, мертвы.

Ула надула губы.

— Не смей обижать мои формулы! — сказала она полушутя-полусерьезно.

— Не сердись, — улыбнулся Ром, — ты ведь знаешь, что мне самому нравится постигать смысл вашей абракадабры. Раз я полюбил тебя, я люблю все, что имеет к тебе отношение, все, к чему ты прикасаешься. Просто мне кажется, что формулы или алгоритмы, как тебе больше нравится, отражают ум вещей, а не их душу. Подумай сама, разве можно выразить на нашем языке то, что мы с тобой сейчас ощущаем.

— Можно: Ром плюс Ула равняется любви.

— И вправду. Да здравствует математика!

— Нет, к черту математику и да здравствует любовь! Обними меня, Ром.

...Они по очереди шептали друг другу горячие бессвязные признания. Внезапно Рому захотелось услышать ее без перевода, и он велел апу отключиться.

Со смешанным чувством восхищения и досады Ром ловил и ощупывал на слух незнакомые слова и выражения. Видимо, то, что ему удалось усвоить из выкраденного учебника, было ничтожной частицей языка матов и почти не присутствовало в лексиконе взрослого человека. Резкие гортанные звуки, таившие в себе абсолютное всеведение, обволакивали сознание, одновременно возвышали и унижали, побуждали к покорности и сопротивлению. Они действовали на него, как песня сирены на мореходов из старинной легенды, которую пересказывала в детстве мать. И Ром знал, что нельзя поддаваться их обаянию, позволить усыпить себя, иначе его кораблю грозит разбиться о скалы. Должно быть, именно в магии знания, недоступного для других, заключено могущество племени, которое сумело поставить себя выше всех прочих и к которому принадлежит его Ула.

Его Ула — эта мысль успокоила Рома и вернула ему самообладание. Ведь он слышит объяснение в любви, пусть облеченное в причудливую форму. Его настороженность — не что иное, как атавизм, следствие исконной подозрительности ко всему чужому. Надо отбросить ее прочь, безбоязненно пойти на зов сирены, иначе он никогда не сумеет переступить порог, разделяющий их с Улой, слиться с ней не только телом, но и духом. И не следует ждать, пока она переступит этот порог. За ним, за мужчиной, решающий шаг.

Вслушиваясь в шепот Улы, Ром нашел подтверждение своим мыслям. Да, с ее уст слетали непостижимые формулы, и кто знает, сумеет ли он когда-нибудь проникнуть в их смысл. Но все они так или иначе сопрягались с его именем. Бесконечное множество и Ром,

вектор функционального пространства и Ром, комплексное переменное и Ром, конформные отображения и Ром, закон больших чисел и Ром, уравнения третьей группы и Ром, аксиоматический метод и Ром... — бесполезны попытки угадать, какая здесь подразумевалась связь. И не надо угадывать, ибо голос Улы озвучен чувством. Это была высшая математика любви, и, окончательно осознав ее содержание, Ром едва не задохнулся от счастья.

Ула замолкла. Слово было за ним, но Ром медлил, обдумывая неожиданно пришедшую в голову мысль. Ну, конечно, она должна пройти такое же испытание языком чужого племени, чтобы, услышав в нем голос любви, в конце концов понять и принять его.

— Я должен многое тебе сказать, Ула, но прошу тебя: отключи свой ап. — В ее глазах мелькнуло недоумение. — Не спрашивай, почему. Так надо. — Она кивнула без энтузиазма, покоряясь его воле.

Ром заговорил своим мягким певучим голосом, пытаясь по выражению ее лица угадать, как воспринимает она чуждую символику. В нем шевельнулся страх: что, если Ула поддастся панике и не сумеет преодолеть первоначального инстинктивного отвращения, если его дурацкий эксперимент нарушит ту тонкую нить взаимопонимания, которая протянулась между ними? Он уже готов был знаком попросить ее включить перевод, но взял себя в руки и постарался вложить в свои слова всю силу владевшего им чувства.

Сенокос и Ула, опыление цветка и Ула, пчелиный рой и Ула, запах травы и Ула, сок березы и Ула, окропление листвы и Ула, завязь плодов и Ула, топот копыт и Ула, земля, его любимая земля, и Ула... Морщинки, едва появившись на ее лбу, тут же растаяли, лицо Улы засияло лучистым светом. Как он был глуп, как плохо ее понимал! То, к чему он пришел через сомнения и отчаяния, далось ей сразу, без всяких усилий и внутренней борьбы. Ром переступил свой порог, побеждая в се-

бе недоверие к чужому клану, Ула свой — просто отбросив прочь всякую неприязнь, отдаваясь ему с тем беспредельным доверием, на какое способна только любящая женщина.

За дверью слышались шаги, влюбленные замерли в испуге.

— Ула, ты спишь? — раздался голос сеньоры Капулетти. — Открой, мне надо с тобой поговорить.

— Уже поздно, мама, поговорим завтра.

— Нет, сейчас. Отвори немедленно! Ты не одна?

В секунду собравшись, Ром последний раз поцеловал свою возлюбленную и выскочил на балкон. Не обращая внимания на мать, колотившую в дверь, Ула вышла за ним. В свете луны они оба сразу же увидели мчавшихся от ворот дома Тибора и его приятелей.

— Спасайся, Ром! — вскрикнула Ула. Он соскользнул вниз по тем же медальонам, пробежал расстояние до стены парка и, ухватившись за оставленную веревку, взлетел на нее буквально перед носом яростно распаленного Тибора. У Рома уже не оставалось времени прилаживать крюк; он спрыгнул в парк, отделался незначительным ушибом плеча и побегал что было духу.

Но как ни петлял Ром по пустынным улицам, ему не удалось уйти. Вскоре он стоял в центре плотного вражеского кольца и отовсюду в него, как плевки, сыпались изощренные ругательства.

— Ах ты, дисфункция переменного!

— Корень из нуля!

— Квадрат бесконечности!

И эхом отдавался в сознании хриплый шепот апа:

— Эрозия!

— Недород!

— Сорняк!

Ром чувствовал, что еще две-три минуты истязания и он не выдержит, свалится в беспамятстве.

— Тебя ведь предупреждали: оставь ее в покое!

Слышишь? Иначе не то еще будет. Это я тебе обещаю, ее брат.

Ром узнал резкий голос Тибора.

— И я, ее жених. На той неделе наша свадьба.

— Неправда! — Из последних сил Ром дотянулся до Пера, схватил его за грудь.

— Уж не ты ли помешаешь? — презрительно фыркнул тот и, уцепившись за ворот рубахи Рома, рванул его к себе, прокричал в ухо: — Семерка!

Черная волна накатилась на Рома, от нестерпимой боли в затылке он начал сползать на землю.

— Брось его, Пер, — посоветовал Тибор. — На первый раз с него хватит... Да, — сказал он Рому, — тебе будет интересно знать, что нас навел на след Гель, твой братец.

Тибор пристально посмотрел Рому в глаза, чтобы насладиться произведенным эффектом. И внезапно отвернулся, на лице его мелькнуло некое подобие жалости.

— Хуже нет, когда брат предает, — сказал он почти доброжелательным тоном. — Ты можешь ему отплатить, я лично даже порадуюсь. Но заруби себе на носу: тебе не на что надеяться, все против тебя — и наши, и ваши!

И они ушли, весело переговариваясь, как люди, исполнившие свой долг.

9

Ром долго добирался домой. Он был опустошен и растерян, в голове гнездилось одно желание: спать, скорее спать. Однако ему еще долго не пришлось сомкнуть глаз в ту ночь.

За несколько кварталов до жилища Монтекки он услышал тихий тревожный оклик. Мать, единственное живое существо на свете, которое никогда его не предаст! Или она тоже заодно со всеми? Эта мысль кинула

его в дрожь. Стремясь оттянуть момент объяснения, он присел рядом с ней на скамью, где она его поджидала, и уткнулся ей в колени. Мать молча перебирала в пальцах его мягкие волосы, Рому стало тепло и уютно, он больше не чувствовал себя одиноким и затравленным.

— Ты любишь ее? — заговорила она наконец.

— Да, мама.

— Она красивая, умная, добрая?

— Да, мама.

— И вы понимаете друг друга?

— Да, мама. — Уловив в последних словах матери нотку сомнения, он поднял голову и сказал с вызовом: — Она мата, а я агр. И все кругом твердят, что наш союз немыслим, чуть ли не преступен...

— Я этого не сказала, — поспешно возразила мать, но он не услышал ее возражения, торопясь излить свою горечь и обиду.

— Что из того, что мы принадлежим к разным кланам, разве она не женщина, а я не мужчина? Почему нас лишают права любить? Будь все они прокляты!

— Успокойся, Ром, не суди так строго. Среди тех, о ком ты говоришь с такой ненавистью, и твой отец.

— Мне не нужно такого отца! — вскричал он запальчиво.

— Замолчи. Послушай, что я тебе скажу. Все не так просто, как ты думаешь. Отец искренне хочет тебе добра, он боится, что эта любовь тебя погубит. Не забывай, пятьсот лет...

— И ты, мама! — прервал он ее с укором.

— Подожди. Пятьсот лет человечество не знало ничего подобного, и поэтому все воспринимают ваш роман как дикость, отступление от привычного порядка вещей. Что бы вы с Улой ни думали на этот счет, как бы ни считали несправедливым — такова жизнь, и ничего тут не поделаешь.

— Значит, и ты с ними?

— Нет, мальчик, я с тобой. Но, признаюсь честно, я боюсь, очень боюсь за вас. Ты даже не представляешь, что вам придется вынести! Вас не примет ни одна община — ни агронов, ни матов, вы будете жить изгоями, вам будет трудно найти работу и пристанище. А ведь оба вы привыкли жить в достатке, особенно Ула. Ты уверен, что она согласится на такие лишения?

— Да, я в ней уверен. Она моя жена и пойдет со мной на край света.

Мать посмотрела на него испытующе.

— Что ж, тебе лучше знать. Почему бы мате не быть хорошей женой такому отличному парню? У тебя упрямый отцовский характер, может быть, вы выстоите.

— Так ты согласна, — спросил он с надеждой, — ты благословляешь меня?

— Да, сын. Я знала заранее, что ты не отречешься от своего чувства.

— Милая, великодушная моя мама! — воскликнул Ром в порыве благодарности, целуя ей руки. — Ничего не бойся. Я найду себе работу, буду трудиться как вол, а Ула, не сомневаюсь, тебе понравится.

— Боюсь, нам не придется жить вместе. Слушай, Ром, сегодня чета Капулетти пригласила нас с отцом, они потребовали, чтобы тебя немедленно удалили из города. Отец вынужден был согласиться. Через два дня ты должен будешь уехать на отдаленную агростанцию в Свинцовых горах.

— Решили, значит, отправить в ссылку!

— Подозреваю, что и Улу отошлют отсюда, кажется, к бабке в столицу.

— Подлые заговорщики! — сказал он со злостью. — И ты с ними?

— Я тебе уже сказала, дурачок: я с тобой. Думаешь, почему я тебя поджидала подальше от дома?

Он посмотрел на нее вопросительно.

— Если ты захочешь, то сможешь бежать. Сторти поможет.

— Сторти?

— Он самый. Как видишь, мир не без добрых людей.

Ром покачал головой.

— Один я никуда не уеду.

— Сторти укроет тебя на несколько дней где-то в городе. Может быть, вы придумаете, как вызволить Улу. Я дам тебе денег на первое время. И вот, — она сняла с шеи старинную золотую цепь, — на черный день.

И опять он припал к ее рукам.

— Прости, мама, что я в тебе усомнился.

У нее навернулись слезы.

— Удачи тебе, Ром. Когда вы устроитесь, я к вам приеду. С отцом как-нибудь объяснюсь. А теперь беги к наставнику, он ждет тебя.

Они обнялись на прощание. Отойдя на несколько шагов, Ром оглянулся и помахал ей рукой. У него защемило сердце: мать сидела в той же позе, с опущенными плечами и сложенными на коленях руками, с вымученной улыбкой на лице. Он подумал, что еще много жертв придется принести ему на алтарь своей любви.

Сторти жил неподалеку в маленьком скромном домике. В окнах горел свет, и наставник появился в дверях, заслышав шаги Рома. Он был в своем обычном бодром настроении и держался так, словно ему чуть ли не каждый день приходилось устраивать побегі влюбленных.

— Привет, малыш, ты наверняка голоден. Одной любовью сыт не будешь. Уж я-то это знаю по собственному опыту. — Сторти повел Рома к накрытому столу, пустившись рассказывать об одной из своих многочисленных любовных авантюр. Он добродушно отшутился, когда Ром высказал предположение, что это — очередная басня, и вскоре они весело болтали, уплетая бутерброды и запивая их отличной ячменкой. Право же, нет ничего на свете лучше надежного товарища! А Ром

принял и Сторти за предателя — сколько ему еще учиться понимать людей?

Однако заряд бодрости начал иссякать, уступая место тревоге и нетерпению. Сторти сразу почувствовал эту перемену в его настроении и завел разговор об Уле. Сначала Ром был скуп на слова, ему не хотелось делиться ни своими интимными переживаниями, ни позорным для него, как он считал, эпизодом расправы. Потом, откликаясь на доброжелательное участие и испытывая потребность исповедаться, он разговорился. А детали наставник ловко из него вытянул безобидными наводящими вопросами. Единственное, чего Ром не выдал, — сговора Геля с Тибором. Расчет с братом он считал делом семейным, никого не касающимся.

Сторти не стал затрагивать запретную любовную тему, зато порассуждал всласть об избиении руганью на чужом языке. Он похвалил Рома за выдержку, и тот ощутил себя чуть ли не героем, стойко вынесшим пытку и унизившим своих палачей. А вообще, прием это чрезвычайно пакостный, нормальные люди просто быют в морду, и только изуверы пытаются чужим словом. Был случай, когда группа хулиганов из клана билов насмерть заговорила какого-то несчастного иста. В другой раз техи схватились с аграми, и с обеих сторон полегло по дюжине ораторов. И так далее.

Ром спохватился: уже третий час ночи, а они даже не приступили к обсуждению проекта похищения Улы. Сторти сказал, чтобы он не беспокоился, у него заготовлен гениальный план, все будет в порядке, а эти подонки Капулетти сдохнут от досады. Но Ром на этот раз не дал себя провести, взволновался и стал упрекать наставника в коварстве. Видимо, они сговорились с матерью отправить его одного. Может быть, и отец участвует в этом заговоре. Так вот, без Улы он никуда не поедет. И вообще не позволит себя больше дурачить, сам отправится к Уле, разнесет все и вся, а ее вызовет из плена. Сторти поймал его в коридоре, на-

силу удержал, обещав, что ровно через полчаса их рискованная экспедиция примет старт.

Они погрузили в старенький экомобиль наставника изрядное количество провизии, теплые вещи и много других предметов, необходимых в дальнем странствии. Убедившись, что дело задумано всерьез, Ром успокоился. Сторти запустил мотор на малые обороты, чтобы не потревожить соседей, но шум все равно был такой, будто по улице двигалась колонна танков. В окрестных строениях стали зажигаться огни, и наставник поддал газу, чтобы убраться от неприятностей. Его тарактелка оказалась на удивление проворной. Она с натугой набирала скорость, зато потом мчалась как стрела, бесшабашно отравляя всю окружающую среду клубами ядовитого белого дыма, Ром не мог понять, кому пришлось в голову окрестить эту модель экомобилем.

Всю дорогу Сторти без умолку болтал о всякой всячине, не давая Рому вклиниться с расспросами. По опыту Ром знал, что наставник ничего не делает просто так, за его показным простодушием скрывается ум деятельный и целеустремленный. Оставалось довериться и ждать. Между тем они пересекли широкую кольцевую магистраль, которая опоясывала город, и выехали на тихую проселочную дорогу. Сторти изредка поглядывал на часы, он вновь скинул скорость, словно не желая прибывать к месту раньше назначенного срока.

— Куда мы едем? — не выдержал Ром, прервав очередное повествование своего старшего товарища.

— Наберись терпения, дружок, скоро все узнаешь. Так вот, вообрази, что с ней было, когда в гостиный появился твой покорный слуга, элегантный, подтянутый, в превосходной черной тройке с цветком в петлице. Моя надменная пассия чуть не кинулась мне на шею. Уж как она вокруг меня увивалась, но я держал марку: холодный, неприступный вид, полнейшее безразличие. Ну а потом — сам знаешь...

Они подъехали к ограде приморского пляжа, Сторти выключил мотор и погасил огни.

— Узнаешь?

Ром кивнул.

— Будем купаться? — попытался пошутить он, его глаза слипались.

— Почему бы и нет? Ты подремли, пока я схожу на разведку.

Ром настолько устал, что даже не спросил, что именно собирается разведывать Сторти на побережье в середине ночи. Он откинул голову на сиденье и мгновенно заснул. Ему снились алгебраические уравнения, стройные и изящные, но он никак не мог установить, с каким знаком должно быть решение — плюсом или минусом. Ему безумно хотелось отгадать эту загадку, и Сторти стоило большого труда его растормошить. Выйдя из экомобиля, Ром потянулся, глотнул свежего морского воздуха и ощутил прилив сил.

— Что мы здесь делаем? — накинулся он на Сторти. — Я теряю драгоценное время...

— Потеря времени компенсируется приобретением пространства, — философски заметил наставник. — Ну, иди. — Он подтолкнул Рома в спину.

— Куда?

— Купаться. В ту самую бухту, куда вы от меня в тот раз подло удрали.

Ром собрался было выразить возмущение этим нелепым в их обстоятельствах предложением, а потом вдруг передумал. Отчего действительно не освежиться в прохладной морской воде? В конце концов, это займет с десяток минут, а там подумаем, как быть дальше. Он двинулся к знакомому местечку на берегу, по дороге стаскивая с себя запыленную рубашу. Заметив, что Сторти за ним не последовал, Ром кинул через плечо:

— А ты, старик?

— Боюсь простудиться.

Чем дальше шел Ром по тропинке, утоптанной среди

песчаных дюн, тем больше всплывали в его памяти подробности их первой встречи с Улой. Какой недоступной была она тогда, какой близкой и родной стала теперь. «Ты не знаешь теории вероятностей», — передразнил он и с улыбкой подумал, что и сейчас не знает, и вряд ли когда-нибудь дотянется до такой премудрости, но это отнюдь не помешает им любить друг друга. Ах, если б он мог ее сейчас увидеть!..

Ром начал продираться сквозь полосу кустов, а выйдя на чистое место, замер, пораженный. Перед ним, на том же самом месте, где и в первый раз, стояла Ула. Он решил, что у него галлюцинация, тряхнул головой, чтобы отогнать видение. Но нет, Ула осталась, она улынулась и протянула ему руки.

Ром кинулся к своей возлюбленной, они обнялись и долго стояли, задыхаясь от наплыва чувств, словно не виделись целую вечность, а не расстались всего несколько часов назад. И в самом деле, столь многое произошло за эти часы. «Потеря времени компенсируется приобретением пространства», — всплыла в его памяти туманная сентенция Сторти. А ведь она не лишена смысла.

— Ула, родная, как ты оказалась здесь? — спросил Ром, когда наконец обрел способность говорить.

— Как, ты не знаешь? А я-то думала, что это ты все устроил. Значит, они меня обманули.

— Кто «они»? Расскажи толком. Конечно, я собирался тебя похитить, но, видишь, меня опередили.

— Бен и Мет прокрались ко мне на балкон и сказали, что ты просил меня немедленно приехать на место нашего первого свидания. Потом мы спустились по веревочной лестнице, перемахнули через ограду парка. О, это было настоящее приключение!

— И ты не колебалась?

— Капулетти никогда не были трусами, — сказала Ула с достоинством. — Кроме того, Ром, ты не забыл, что я люблю тебя?

Он прижал ее к своей груди.

— Ой, Ром, ты меня задушишь! Так вот, — продолжала она оживленно, — нам на редкость повезло: родители спали мертвым сном, а Тибор не возвращался. Кстати, — спохватилась она, — я забыла спросить главное: они ведь не догнали тебя?

Он неопределенно кивнул, решив, что расскажет ей об истязании как-нибудь в другой раз.

— И скажи наконец, что мы будем делать?

— Плавать наперегонки.

— Ты шутишь, Ром.

— Ничего подобного.

— А впрочем, с удовольствием!

Через минуту, взявшись за руки, они вошли в море, плескались и резвились, забыв обо всем на свете.

Потом, присев на траву, Ула начала расчесывать свои длинные волосы. Ром взял ее за руку.

— Слушай меня внимательно, Ула. Против нас готовится заговор. Наши родители условились отослать меня куда-то в Свинцовые горы, а тебя в столицу. У нас остается один выход — бежать, если мы хотим быть вместе. Мы поженимся, и тогда никто больше не сможет нас разлучить. Не скрою, Ула, на нашу долю выпадет немало испытаний, придется, по крайней мере поначалу, жить без привычных удобств. Все, что я могу обещать тебе наверняка, это моя любовь.

Боясь уловить в ее глазах хоть тень колебания, Ром отвернулся. С тревогой и напряжением ждал он своего приговора.

— Неужели ты сомневался во мне, Ром? — Она взяла его голову в свои руки и, заглядывая в глаза, сказала жалобным тоном: — Ну что еще я должна сделать, чтобы ты понял: я — твоя функция, куда ты, туда и я...

Когда они вышли к экомобилию, там стоял еще один экипаж. А в стороне, на полянке, Сторти, Бен и Мет,

расстелив скатерку, подкрепляли свои силы. Ром с чувством пожал друзьям руки, Ула кинулась их обнимать.

— Ну, ну полегче, — сказал Ром. — Это неприлично: мата обнимает агров.

— Посмотрите на этого собственника! — сказал Бен.

— Не будь скупым, Ром, от нее не убудет, — сказал Мет.

— Не ревнуй, — сказала Ула, — Бен и Метью уже видели меня в чем мать родила, да вдобавок выносили на руках из дома.

Сторти зачихнул в рот огромный кусок ветчины и сказал извиняющимся тоном:

— Не сердитесь, дети мои, мы вынуждены были позаимствовать припасенной для вас снеди, но, клянусь, самую малость. Я, признаться, не предполагал, что участие в побеге до такой степени возбуждает аппетит.

— По-моему, он у тебя никогда не иссякает, — съязвил Мет.

— Ром, Ула, подбирайте остатки, пока Сторти отдыхит, — посоветовал Бен.

Дожевав ветчину, Сторти поднялся.

— Пора в путь, иначе нас хватятся. Вам что, на худой конец разлучат, только и всего. А вот меня на этот раз наверняка выставят из Университета. Короче, Ром, берите мой шикарный лимузин и дуйте по направлению к Мантуе. Это в двух часах пути от Вероны. Там найдете моего старинного приятеля Ферфакса, он вас приютит и поможет устроиться. Такой же оригинал и творческая натура, как я. Эх и погуляли мы с ним в свое время. Помню, однажды...

Бен и Метью дружно засвистели.

— Вы правы, надо торопиться, я доскажу эту занимательную историю по дороге.

Бен и Метью дружно вздохнули.

— Вот адрес, Ром. И еще: постарайся быть ласковым с моей колымагой. — Он нежно погладил эконо-

бил по капоту. — Я заметил, что ты слишком резко переключаешь передачи, а она не выносит грубости. Если б вы только знали, как мне дорога эта старушка, в каких только передрыгах мы с ней не бывали. Как-то раз...

Бен и Метью подхватили наставника под руки и поволокли к другой машине.

— Пойдите, дьяволы, надо ведь попрощаться, кто знает, когда доведется увидеться. — Он обнял Рома, похлопал его по спине, а затем облапил Улу и со вкусом чмокнул ее в обе щеки.

Ром сел за руль, Ула прижалась к его плечу, мотор затарахтел, и они покатили, то и дело оглядываясь, чтобы еще и еще раз помахать друзьям, кричавшим вслед:

— До свиданья!

— Счастья вам и удачи!

Дорога петляла вдоль берега, море в этот предрасветный час было тягостного для глаз серого цвета, так же безжизненно и тоскливо смотрелись горы по другую сторону; опять заморосил мелкий нудный дождь.

Ула задремала. Ром ощущал тепло ее тела и думал, что отныне он за нее в ответе. Ему было хорошо и страшно — впервые они оказались совсем одни, и кто знает, что уготовила им судьба.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Весь путь с места посадки космолета до города Тропинин пристально вглядывался в облик незнакомой жизни. Ему не впервые приходилось выполнять роль посла, и каждый раз начальная стадия контакта была самым увлекательным переживанием, оставлявшим в памяти неизгладимый след.

Конечно, нельзя сказать, что все подряд бывало в таких случаях внове. Скорее наоборот: в массе узнаваемых, привычных вещей изредка встречалось нечто неведомое, порой несуразное, по крайней мере — на посторонний взгляд. Угадать его назначение доставляло своего рода интеллектуальное удовольствие. Да и понятно: у дочерних цивилизаций одна основа — человек, расселившийся по Вселенной. Повсюду он сохранял свое первородное естество, и везде местная природа лепила его на свой

лад, заставляла приспособливаться, лишала одних качеств и прививала другие, так что через столетия это были все те же люди и уже не те. В данном случае — гермеситы, не земляне.

Тропинин односложно отвечал на замечания сопровождавшего его чиновника, не очень вслушиваясь в монотонные пояснения относительно сооружений, мимо которых они проезжали. В конце концов, не имело ровно никакого значения, что гигантский конусообразный дворец с пышной колоннадой служил помещением высших математических курсов; что приземистое серое здание, напоминавшее старопрусскую казарму, вместило философскую академию; что паривший в воздухе стеклянный мост тянулся на шестьдесят километров, а туннель, выложенный фосфоресцирующими плитами из неизвестного ему материала, пролегал на глубине пятисот пятидесяти четырех метров. Все эти сведения еще не дают ответа на главный вопрос: каков уровень здешней материальной и духовной культуры по сравнению с Землей и другими обитаемыми планетами — звеньями Великого кольца? По первому впечатлению Гермес находился где-то в пределах XXII—XXIII земных веков. Но первое впечатление обманчиво, кто знает, что обнаружится, когда он поближе познакомится с этой колонией. Так, ему уже известно, что у гермеситов отличная робототехника, зато у них нет космоплавания: какой поразительный пробел!

Многое зависит от того, насколько благожелательно местные власти отнесутся к его миссии. Разумеется, они кровно заинтересованы, чтобы он дал положительное заключение о возможности подключить Гермес к кольцу со всеми вытекающими отсюда преимуществами. Это, однако, еще ничего не значит. Могут утаивать информацию, подсовывать выгодные для себя сведения, препятствовать нежелательным, с их точки зрения, встречам — каких только приемов не существует, чтобы укрыть пороки и выставить на обозрение добродетели! Впрочем, не следует настраиваться на такой лад, нет у истины большего вра-

га, чем предвзятость. И лучший способ проникнуть в характер общества — это познать человека.

Тропинин прервал очередное разъяснение своего спутника и, положив руку ему на плечо, спросил:

— Как вас звать?

— Уланфу.

— Можно, я буду называть вас по имени?

— Разумеется.

— Скажите, какая у вас принята вообще форма обращения?

— Синьора, синьор.

— Ага, это от итальянцев.

— Может быть, но имейте в виду: мы давно преодолели национальные различия. Пожалуй, никто, кроме историков, и понятия не имеет, что такое нация.

— Следовательно, вы историк?

Тропинину показалось, что в тоне собеседника проскользнула нотка досады.

— О нет, я математик.

— Вам можно позавидовать, — сказал Тропинин. — У нас на Земле давно покончено со всеми видами неравенства наций, дело постепенно идет к их слиянию, но пока они существуют, и с этим связано немало проблем. Вообразите, к примеру, сколько сил и средств приходится расходовать на изучение иностранных языков, перевод литературы. Вы избавлены от подобных потерь.

Уланфу смутился.

— Не совсем, — сказал он с явной неохотой. — Обратите внимание, справа от нас новейшее предприятие по производству роботов. Здесь нет ни одного человека, они сами выполняют всю работу — от конструирования до упаковки продукции. Единственное, что им требуется, — заказ с указанием назначения и основных параметров будущего изделия.

— Любопытно, — отозвался Тропинин, кидая взгляд на элегантное сооружение из стекла и бетона.

— А слева можно видеть пригородный парк.

Тропинин не позволил себя отвлечь.

— Скажите, Уланфу, что вы подразумевали, сказав «не совсем»?

— Ну, к сожалению, и у нас существует проблема перевода.

— Вот как? А я простодушно полагал, что вы сконструировали этот замечательный прибор, — он указал на переносной ап, врученный ему сразу по выходе из космолета, — специально для контактов с пришельцами вроде меня.

— Видите ли, синьор, вы затронули вопрос, касающийся принципов нашего общественного устройства, и вам лучше получить информацию на этот счет от более компетентных лиц.

— Вас что-то смущает? — спросил Тропинин, кивая на водителя, не проронившего за всю дорогу ни слова.

— О, ни в коей мере! Чтобы у вас не сложилось ложного впечатления, я могу в общих чертах познакомить вас с устройством гермеситского общества. Но учтите — это будут объяснения дилетанта.

— Неважно, иногда дилетанты предпочтительнее профессионалов. У нас, на Земле, есть даже поговорка: специалист подобен флюсу.

У гермесита округлились глаза.

— Не понимаю.

Тропинин взглянул на него с интересом и пояснил:

— Ну, когда человек углубляется в детали, он порой теряет общую перспективу.

— Ах, так... — протянул Уланфу. — Это, конечно, шутка.

— Да, шутка, но в каждой шутке есть доля правды. Итак?

— Вы сейчас поймете, почему меня поразил ваш скепсис в отношении специалистов. Дело в том, что профессионализм — высший принцип гермеситского общества. — Уланфу посмотрел на Тропинина так, словно тот должен был рухнуть от этого сообщения.

— Доскональное знание своего предмета повсюду в почете, — вежливо возразил Тропинин.

— Не считите за похвальбу, но мы сумели достичь совершенства на этом пути.

— Поздравляю, однако и у нас на Земле весьма ценится профессионализм.

— На Гермесе все до единого профессионалы, — торжественно объявил Уланфу.

— В какой-то мере то же самое можно сказать обо всех обществах, достигших высокого уровня развития, — отпарировал Тропинин. Его забавляло это соревнование, а, кроме того, подзуживая собеседника, он надеялся вытянуть из него как можно больше полезных для себя сведений.

— Я вам еще не сообщил самого важного, — сказал Уланфу с видом человека, наносящего сопернику решающий удар. — Специализация у нас достигла столь высокого уровня, что произошло обособление профессиональных языков. Конечно, это породило некоторые неудобства — как я уже сказал, и нам приходится использовать переводные устройства. Но они с лихвой возмещаются грандиозным прогрессом в развитии производительных сил. Впрочем, у вас будет возможность убедиться в этом лично.

Тропинин не смог скрыть своего удивления.

— То есть как, вы хотите сказать, что люди разных профессий вообще перестали понимать друг друга?

— Ну почему же, мы отлично взаимодействуем при помощи автоматического переводчика. Причем если вас снабдили переносной моделью, то каждому гермеситу миниатюрный ап вшивается в годовалом возрасте под ключицу, и мы можем включать и выключать его соответствующим мозговым импульсом. Так что хлопот с ним никаких, мы просто забываем о его существовании. Что касается вашего апа, то в него введена дополнительная программа, рассчитанная на перевод с любого земного языка.

Тропинин хотел было продолжить свои расспросы, но передумал. В таких ситуациях не следовало проявлять поспешности и настораживать хозяев. Нет сомнений, что Уланфу скрупулезно доложит все, что им говорилось, да и в экомобиле, как ему назвали их экипаж, наверняка имеется записывающее устройство. Поразительно: профессиональные языки! Конечно, у специалистов повсюду своя терминология, свой жаргон, понятный только посвященным. Но ведь, кроме производственных интересов, есть сфера быта, личной и общественной жизни, просто человеческих коммуникаций, символика которой едина для всех. Наконец, должно же у них быть искусство, или и его ухитрились разобрать по профессиям: математики слушают алгебраические фуги, биологи читают генетические романы, а химики смотрят на театре периодическую систему Менделеева.

Тропинин улыбнулся. Искоса наблюдавший за ним Уланфу принял это на свой счет.

— Вы не верите, что гермеситы легко общаются между собой? Уверяю вас, между кланами нет никаких перегородок и они прекрасно сотрудничают.

— Какими кланами? — спросил Тропинин. Еще новость! Поистине на Гермесе скучать ему не придется.

— Разумеется, профессиональными.

— Так у вас есть еще и кланы?

— Это логический результат доведенной до совершенства специализации. Знаете, логика, особенно математическая, жесткая вещь. Если вы довели значения левой части уравнения до бесконечности, то вам по неизбежности приходится искать аналогичное выражение для правой.

— Иначе говоря, абсолютный профессионализм в труде и культуре равняется кланам в социальном устройстве?

— Вот именно! — сказал Уланфу с энтузиазмом.

— Интересно, очень интересно. — Тропинин решил сменить тактику: комплименты развязывают языки не

хуже, чем скепсис. — И какие же у вас сложились кланы?

— Их насчитывается девять: маты, физы, химы, би-
лы, филы, исты, агры, техи.

— Вы назвали восемь, — сказал Тропинин, загибав-
ший пальцы.

— Разве? Что же я упустил... исты были?

— Были.

Уланфу начал пересчитывать заново, бормоча назва-
ния себе под нос.

— Ах да, я забыл юров.

— Это, очевидно, юридический клан?

Уланфу кивнул.

— А би-лы, несомненно, биологи?

— Да, как видите, названия легко расшифро-
вываются.

— Но, честно говоря, я не нахожу в вашем перечне
некоторых важных родов деятельности.

— Пусть это вас не смущает, синьор. Речь ведь идет
об основных кланах, в их составе немало различных
подкланов, объединяющих специалистов в отдельных
сферах.

— И у них также свои языки?

— Этого нельзя сказать, скорее диалекты, нечто вро-
де местных наречий, не мешающих им общаться без
помощи апов... Специализация не зашла настолько да-
леко, — добавил Уланфу, как показалось Тропинину,
с известным сожалением.

— Однако тенденция идет в таком направлении, на-
сколько я понимаю?

— Боюсь, что не смогу ответить на этот вопрос, вам
лучше дождаться встречи со специалистами.

— Ну а как обстоит дело в количественном отноше-
нии? Видимо, численность кланов неоднозначна?

— Естественно. Самые большие кланы — техов и аг-
ров, а меньше всего нас, матов. Впрочем, есть точные

статистические подсчеты, с которыми вы получите возможность ознакомиться.

Тропинин кивнул и откинулся на сиденье, давая понять, что больше не станет пытаться своего сопровождающего. Теперь уже мимо них проносились не отдельные строения, а кварталы и архитектурные комплексы. Заметно увеличился поток машин в обоих направлениях. Через ветровое стекло можно было видеть вырастающую на горизонте сплошную громаду высотных зданий, над нею, однако, не стелилась дымка, которая обычно сопутствует мегаполисам, воздух был чист и прозрачен, — видимо, гермеситы добились больших успехов в защите среды. Не случайно их экипаж именуется экомобилем. Вероятно, он движется электрической энергией.

— Скажите, Уланфу, по какому принципу устроен двигатель нашей машины?

Уланфу покраснел.

— Это не моя сфера, пусть вам ответит водитель.

Не отрывая глаз от дороги, водитель лаконично пояснил:

— Мотор водородный.

— Разве вы сами, Уланфу, не управляете машиной? — спросил Тропинин.

— Почему же, у нас обучаются вождению в школе. Однако нет нужды забивать себе голову излишними сведениями, это отвлекало бы от глубокого освоения своего дела.

Тропинин изобразил на лице понимание и одобрение.

Наконец они въехали в городскую черту, движение резко замедлилось. Впереди возвышалась грандиозная арка, над нею парило панно с девятикратно повторенной надписью. Насколько успел уловить Тропинин, шрифт во всех случаях был различный и ему совершенно незнакомый, хотя начертание отдельных знаков напоминало латинские буквы, китайские иероглифы,

арабскую вязь и другие земные письмена. Буквы перемежались цифрами и формулами.

«Рим — столица Гермеса», — прочитал с гордостью Уланфу.

Через несколько минут экомобиль подкатил к небольшому, но весьма импозантному зданию в стиле дворцовых сооружений XVIII века. У гостеприимно распахнутых дверей их встречала группа людей во главе с маленьким невзрачным гермеситом; единственной достопримечательной чертой его наружности была роскошная черная борода. Тропинин про себя так сразу его и окрестил: бородач.

— Разрешите приветствовать вас, синьор легат*, в нашей столице и выразить уверенность, что ваша историческая миссия завершится полным успехом. — Он приложил руку к сердцу и изысканным жестом вручил Тропинину букет свежих роз. — Меня зовут Мендесона, я начальник канцелярии Сената этой планеты.

— Благодарю за теплый прием и добрые пожелания, — ответил Тропинин в соответствии с дипломатическим ритуалом.

— Позднее мы обсудим программу вашего пребывания. Сейчас управляющий этим зданием покажет отведенные вам апартаменты, вы сможете привести себя в порядок после дороги. Часа будет достаточно?

Тропинин кивнул.

— Прекрасно. Не предлагаю закусить, поскольку вам предстоит обедать в другом месте. — Бородач сделал паузу и, придав своему голосу патетическое звучание, объявил: — Вы приглашены, легат, нанести визит для первого знакомства Великому математику.

2

«Странно, — размышлял Тропинин, стоя под горячим душем, — ведь до самого последнего времени мы почти

* Посол (латин.).

ничего не знали об устройстве гермеситского общества. На протяжении многих столетий гермеситы вообще не давали о себе знать, и все попытки установить с ними связь заканчивались неудачей. Было немало предложений направить сюда экспедицию, чтобы выяснить, что приключилось с нашими собратьями, но дело это постоянно откладывалось. То не доставало средств — шутка ли, каких затрат стоит путешествие в такой отдаленный от Земли уголок Галактики! То возникали другие, более неотложные проблемы, связанные с планетами Великого кольца, с которыми у нас давние и добрые отношения. Когда пришлось выручать население одного из спутников альфы Эридана, которому грозила гибель в результате форсированного затухания тамошнего солнца, на это были брошены все ресурсы космоплавания и чуть ли не на два века отменены всякие другие проекты. Потом объявились щепетильные умники, утверждавшие, что неэтично без спроса соваться в чужие дела, надо ждать, пока гермеситы сами не запросятся на контакт. А если они все там вымерли? Неважно, главное — соблюсти деликатность.

Тотальный профессионализм, кланы, Великий математик — черт знает что! Однако не спеши с выводами, сказал он себе, может быть, во всем этом есть свой смысл. Ведь, судя по тому, что он видел до сих пор, на Гермесе создана развитая техническая цивилизация и его население благоденствует. Тропинин вспомнил излюбленное выражение своего отца: всякий раз, когда сын, по его мнению, из упрямства не желал соглашаться с авторитетным суждением родителя, тот говорил: «Распахни глаза, Анатолий, распахни глаза!»

Тропинин насухо растерся махровой простыней и приложил к лицу ароматическую губку: двух секунд было достаточно, чтобы начисто снять щетину. Затем достал из чемодана свежую сорочку и парадный черный сюртук с нашивками командора первого ранга межпланетной связи. Пора бы им, между прочим, произвести

его в очередной чин. В конце концов, ему доверяют самые сложные поручения, а пока он мотается по Вселенной, службисты в аппарате преспокойненько получают повышения. Впрочем, шеф намекнул, что, если переговоры с гермеситами приведут к успеху, Тропинин может рассчитывать на полного командора. Выходит, у него своя корысть допустить их в Кольцо. Вот вам и беспристрастность.

Взглянув на часы, он заторопился, сунул в карман ап и спустился к выходу. Там его поджидал начинавший нервничать Уланфу. По дороге они почти не разговаривали: Тропинин соображал, как следует вести себя на предстоящей встрече, — взять официальный тон или держаться попроще, чтобы расположить собеседника к откровенности. В том и другом есть свои сильные и слабые стороны. Посмотрим, однако, что за человек этот Великий математик.

Экомобиль остановился перед большим строгим зданием, лишенным архитектурных украшений, — идеальная геометрическая фигура, приспособленная для деловых целей. Встретивший их чиновник провел гостя в лифт и произнес какое-то односложное заклинание (назвал этаж, догадался Тропинин). Умная машина плавно вознеслась, а затем двинулась в горизонтальном направлении. Створки дверей разъехались, они очутились в просторной приемной. Сидевший за письменным столом чиновник, видимо, секретарь, почтительно их приветствовал и пригласил присесть. Только со второго взгляда Тропинин понял, что перед ним робот высокого класса. Придав механизму человеческий облик, конструктор снабдил его деталями, позволяющими обнаружить его природу, например, маленькой антенной, смешно торчащей из плеча. Весьма разумно, подумал Тропинин. На некоторых других планетах, руководствуясь ложно понятым совершенством, додумались полностью идентифицировать роботов с живыми существами, отчего произошло немало инцидентов с трагическим исходом.

На Земле принят даже специальный закон, запрещающий опыты подобного рода.

Портьера, прикрывавшая одну из стен, раздвинулась, и в приемную, простирая руки навстречу Тропинину, буквально влетел высокий худощавый человек.

— Прошу прощения, что заставил ждать столь желанного гостя! — воскликнул он. — Ваш приезд, синьор легат, — событие эпохального значения для Гермеса, а в какой-то степени, вероятно, и для Земли, которую мы глубоко чтим как планету-мать, прародительницу человеческого рода.

— Для меня большая честь, синьор Великий математик, что вы сочли возможным встретиться со мной в первый же день моего пребывания на Гермесе. Земляне никогда не забывали своих братьев, поселившихся на этой планете. И вы можете быть уверены, что у нас нет большего желания, чем восстановить утраченные связи.

— Прекрасно. Можете называть меня по имени — Ганс Эйлер. Я не сторонник строгого дипломатического этикета и придаю мало значения своему пышному титулу.

Теперь все ясно: надо придерживаться официального тона.

— Позвольте и мне назвать себя: Анатолий Тропинин, командор межпланетной связи. Меня радуют ваши слова, я и сам не любитель китайских церемоний, предпочитаю вести переговоры без лишних формальностей, как говорят у нас на Земле — без пиджаков.

— Без пиджаков? Лучше не придумашь. Тогда приглашаю вас отобедать, с нами будет только известный уже вам Мендесона — начальник канцелярии Сената и мой помощник. Кстати, некоторые утверждают, что контакт надо начинать как раз со знакомства с туземной кухней. У наших биллов в ходу поговорка: человек есть то, что он ест.

Через несколько минут они сидели за богато сервированным столом, уставленным всевозможными яствами,

часть которых была землянину неизвестна. Хозяин радушно потчевал гостя, разъяснял происхождение и питательные свойства различных гермеситских блюд, с энтузиазмом рекламировал ячменку — напиток, который, на вкус Тропинина, был гибридом пива с медом. Мендесона держался в присутствии своего шефа почти-тельно, но непринужденно. Несколько раз, когда Эйлер затруднялся ответить на гастрономические вопросы Тропинина, он приходил на помощь и приводил исчерпывающие сведения. Бородач явно был незаурядным эрудитом. Прислуживали им роботы.

Покончив с обедом, они перешли в кабинет Великого математика — небольшую, по-домашнему обставленную комнату, в которой, за исключением уже знакомого Тропинину телекома, не было никаких атрибутов, свидетельствующих, что отсюда исходят импульсы власти. Пригласив гостя занять удобное кресло и устроившись напротив, Эйлер начал беседу:

— Как долетели, легат, не трясло?

— Благодарю. На наших космических кораблях перегрузки практически не ощущаются.

— Да, отсутствие космоплавания наша ахиллесова пята. У вас, должно быть, удивляются, как гермеситы, смею сказать, не слишком отсталые в техническом отношении, не смогли до сих пор создать свой межпланетный транспорт?

— Признаюсь, нам это показалось странным.

— Так вот, тому причиной наша нерасторопность. С точки зрения теоретических знаний и материальной базы Гермес давно созрел для выхода во Вселенную. Но на протяжении длительного времени наши законодатели скупились выделять необходимые средства, считая это излишней роскошью. К слову, Мендесона сыграл здесь не последнюю роль, поскольку занимает ключевой пост в Сенате целую вечность. Он уже пережил трех Великих математиков, пересидит и четвертого, будьте уверены...

— Помилуйте, ваше превосходительство... — запротестовал бородач.

— Ладно, не оправдывайся, — отмахнулся от него Эйлер. — Конечно, мы в состоянии форсированно решить проблему собственными силами, однако это надолго притормозит реализацию других насущных проектов. Вот почему говорю вам как на духу: мы крайне заинтересованы получить лицензию на производство современных космолетов и готовы для начала закупить несколько штук. Видите, легат, со мной легко вести переговоры, я никудышный коммерсант, сразу выкладываю карты на стол.

— Я все больше нахожу, что у нас с вами много общего, — в тон ему сказал Тропинин. — Открытая игра и в моем характере. Поэтому напомним, что согласно уставу Великого кольца продажа космической техники и особенно передача технологии требуют предварительного заключения, что вступающие в Кольцо созрели для постоянного общения и не представляют опасности своим галактическим соседям. Мне поручено подготовить материал для такого заключения.

— О, это меня не беспокоит, — рассмеялся Великий математик, — у вас будет возможность убедиться, что гермеситы не дикари и есть никого не собираются. Мы хотим приобщиться к достижениям научно-технической мысли других обществ и, в свою очередь, поделимся тем, что знаем. Кстати, вы не останетесь внакладе.

Тропинин улыбнулся при мысли, что земляне могут позаимствовать нечто полезное для себя у гермеситов. Надо разъяснить это хозяевам, по возможности не оскорбляя их патриотические чувства.

— Не забывайте, синьор, что ваша планета долгое время находилась в состоянии изоляции, — вежливо сказал он. — Кроме того, мы не подходим к отношениям с дочерними цивилизациями с торгашеской меркой. Разрешите задать вам несколько вопросов?

— Я к вашим услугам. А если моих знаний недостаточно, Мендесона поможет. Он у нас, вероятно, единственный выживший универсал и знает все, кроме того, что никто не знает.

— Как раз с этого я и хотел бы начать. Мне уже объяснили в общих чертах, что на Гермесе существует доведенный до совершенства профессионализм, результатом чего стало разделение общества на кланы с собственными языками.

— Да, это так.

— Каковы отношения между кланами?

— Самые дружеские. Все они равноправны и располагают практически одинаковыми возможностями влиять на положение вещей. Судите сами. Сенат, высший законодательный орган Гермеса, формируется из представителей кланов — по пятьдесят человек от каждого. Исполнительная власть принадлежит Совету великих, или, в просторечии, Великарию. Иногда его именуют «девяткой». Секрет прост: это лидеры кланов, то есть Великий математик, Великий физик, химик, биолог и так далее. Я уже говорил, легат, что мне не по душе эта напыщенная титулярность. Но так повелось с давних времен, и мы не хотим менять традицию.

— Прошу прощения, синьор Эйлер, но, кажется, я где-то уже встречал нечто похожее.

— Вы не ошиблись, — сказал Мендесона, — мысль о том, что в идеальном обществе должны управлять представители различных наук, принадлежит Анри де Сен-Симону, французскому социалисту-утописту. Правда, он почитал лишь естественные науки, а среди них отдавал пальму первенства той, которой посвятил себя синьор Эйлер. Согласно Сен-Симону не только во главе всего общества должен быть поставлен Великий математик, но и его собратья меньшего ранга призваны управлять местными общинами.

— Так вы живете по Сен-Симону?

— О, нет, — возразил Мендесона. — У нас матема-

тики исполняют роль первых скрипок в оркестрах, где все музыканты играют на равных. На практике это сводится к тому, что, начиная с Великария и кончая объединенными местными управами, функции председателя исполняются служителями математических наук.

— Хочу обратить ваше внимание, легат, — вмешался Эйлер, — что это не официально установленный и освященный законом порядок вещей, а скорее обычай, продиктованный объективными обстоятельствами. Дело в том, что наше производство до предела насыщено электронными устройствами, едва ли не все технологические процессы протекают под их бдительным контролем, вычислительная техника с успехом используется и в сферах потребления, обслуживания, быта, просвещения. В таком, можно сказать, высоко математизированном обществе наибольшая ответственность с неизбежностью ложится на тех, кто занимается программированием, дает волевой импульс сотням миллионов механизмов, обслуживающих человека с его реальными нуждами и, увы, прихотями. Маты и выполняют эту важнейшую функцию, проистекающую из природы их знаний, не требуя взамен особых привилегий. Нас называют первыми среди равных... Если я не ошибаюсь, Мендесона, это классическое определение восходит к античной древности?

— Вы правы, ваше превосходительство, — подтвердил бородач, — так велел именовать себя Юлий Цезарь.

— Вот видите, как полезно иметь под боком сведущего человека. Итак, инспектор, что вы можете сказать о нашем образе жизни?

— О, я пока слишком мало знаю, чтобы высказывать свои суждения.

— Так спрашивайте, не стесняйтесь.

— Если позволите, я бы хотел знать, как вы сами оцениваете клановую систему, считаете ли ее безупречной?

Эйлер улыбнулся.

— Вы загоняете меня в угол, вынуждая заняться самобичеванием либо выставить себя хвастунишкой. Но если говорить серьезно, истина лежит где-то посередине. Не стану лукавить: мы высоко ценим свою систему, основанную на принципе профессионального кланизма. Не буду сравнивать ее с другими — мы слишком долго были оторваны от развития вселенской цивилизации и имеем весьма смутное представление о порядках, утвердившихся на других планетах. Вполне вероятно, что там немало образцов для подражания. Однако, если брать абсолютное измерение, наше устройство обеспечивает благосостояние для всех плюс динамичный прогресс в покорении природных сил.

Есть еще одно существенное обстоятельство: профессиональный кланизм никем не выдуман, он отнюдь не представляет собой счастливой находки некоего гениального преобразователя. Этот принцип, можно сказать, ниспослан нам самим провидением, если под последним иметь в виду неумолимую внутреннюю логику производства, слившегося с наукой. По мере того как промышленная и познавательная деятельность людей шли на сближение, поколение за поколением специализировались и группировались по профессиям. Законодателям не оставалось ничего иного, как придать юридическое оформление результатам этого исторического процесса.

— Что и было сделано около пяти веков назад, — вставил Мендесона.

— И целых пять веков, — подхватил Эйлер, — засвидетельствовали, что судьба распорядилась гермеситами милостиво. Всю эту бездну времени наш общественный механизм работал как идеальный двигатель, не нуждающийся в заправке, своего рода *perpetuum mobile*. Разумеется, это не значит, будто у нас вовсе не возникает никаких осложнений, — их более чем достаточно, при том самого разнообразного свойства. Как всякий

здоровый организм с завидным аппетитом и превосходным пищеварением, наше общество хочет увидеть больше, чем в состоянии взять в руки, и взять в руки больше, чем способно проглотить. Отсюда бесконечная гонка с препятствиями: едва кому-нибудь придет в голову новая идея, как все требуют немедленно ее реализовать, и едва она начинает приносить плоды, как все жаждут их иметь. Да мало ли где и почему возникают проблемы! Определение «безупречный», которое вы употребили, подходит, увы, только к трупу.

Тропинин развел руками и склонил голову, признавая, что выразился крайне неудачно.

— Так вот, — продолжал Великий математик, — мыслимый предел совершенства состоит в том, чтобы не было нужды останавливать конвейер всякий раз, когда пришел в негодность какой-то винтик. Короче, это — саморегулирующаяся машина, которая сама себя смазывает, разбирает пришедшие в негодность узлы, чинит их и потому не знает износа, а ухода за собой почти никакого не требует.

— Послушать вас, так мы здесь бьем баклуши, — проворчал Мендесона тоном доверенного слуги, которому разрешаются некоторые вольности.

— У вас на Земле, легат, тоже так дерзко возражают начальству, да еще в присутствии инопланетного гостя?

— Ни в коем случае, — в тон ему сказал Тропинин, — за подобные выпады у нас отрубают голову. Если, конечно, она не столь ценна, как у синьора Мендесоны.

Бородач поклонился.

— Учись, Пабло, — сказал ему шеф. — Не знаю, как в чем другом, а в умении вести тонкую беседу земляне явно нас обставили.

— Вы себя недооцениваете, синьор Эйлер, — вежливо сказал Тропинин. — Если я вам еще не окончательно надоел, меня страшно интригует...

Он замолчал, пораженный: стена с окнами, бывшая прямо перед ним, исчезла, в образовавшемся проеме на голубом небесном фоне появился незнакомый человек; он как бы въехал в кабинет на своем стуле и присоединился к их компании.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство?

— Что-нибудь экстренное? — спросил недовольно Великий математик.

— Да, синьор.

— Ладно, валяйте. — Уловив настороженный взгляд незнакомца в сторону Тропинина, Эйлер добавил: — У меня нет секретов от нашего гостя.

— Жалоба из Вероны от общины матов. Молодой агр похитил их девушку...

— Повторите!

— Да, синьор, похитил и увез в неизвестном направлении.

— Как фамилия девушки?

— Капулетти.

При звуке этого имени Тропинин вздрогнул, Эйлер с Мендесоной обменялись быстрыми взглядами.

— А агра?

— Монтекки.

— Вам говорит что-нибудь это имя? — спросил Великий математик у своего помощника. Тот отрицательно покачал головой. — Положение? — обратился Эйлер к вошедшему.

— Олдермен местной общины. Еще один момент...

— Да? — неторопливо бросил Эйлер.

— По непроверенным данным, они любят друг друга.

— Что вы сказали?! — Эйлер захохотал, откинувшись на спинку кресла; по-своему, скромно захихикал и Мендесона.

— Извините, синьор, — стал оправдываться незнакомец, — я понимаю... но обязан был доложить вам всю поступившую с места информацию. Что прикажете

ответить лидерам общин — они как раз проводят сейчас согласительную комиссию?

— Ничего, пусть разбираются сами.

— Однако вы не находите, что без нашего вмешательства... — начал Мендесона.

— Нет, не нахожу, — сухо прервал его Эйлер. — Вы свободны, — сказал он незнакомцу, и тот исчез столь же странным образом, как и появился.

— Поразительно! — не удержался выразить свое восхищение Тропинин.

— Что именно? — рассеянно спросил Великий математик, занятый своими мыслями. — Ах да, вас удивило внезапное появление информатора. Мы действительно достигли кое-каких успехов в голографии, и мне следовало заранее предупредить вас... впрочем, так получилось эффективнее. Но вот что интересно: вам повезло, легат, вы, что называется, поспели к огоньку. Одно из тех самых осложнений, о которых я вам только что говорил. Притом весьма необычное. Я, признаться, не припомню случая, когда юноша из одного клана умыкал бы девушку из другого. А вы, Мендесона?

— Такой случай имел место при вашем предшественнике. Тогда удалось предотвратить насилие. Преступник находился в состоянии сильного опьянения.

— Видите, легат, происшествия подобного рода исключительны, но клановые стычки тем не менее случаются, и приходится их улаживать. Для этого существует стройная и эффективная процедура, включающая прямые переговоры между соответствующими общинами. Если им не удастся прийти к полюбовному соглашению, спор переходит в арбитраж. Ну а роль высшей инстанции принадлежит Великарию. Вам, очевидно, любопытно будет знать, чем кончилось это неприятное дело — так мы непременно вас проинформируем. Молодость, безрассудство, — вздохнул он.

— Прискорбно, — присоединился к нему бородач,

придав своему лицу постное выражение, — что среди наших молодых людей, в целом племени здорового и физически и нравственно, попадаются отдельные негодяи.

Эйлер взглянул на часы.

— Надо дать нашему гостю отдохнуть с дороги, Пабло. Ведь он пересек полвселенной, а мы сразу взяли его в оборот. Программа пребывания подготовлена?

Мендесона подал шефу папку, и тот, раскрыв ее, пробежал глазами.

— Мои сотрудники предлагают осмотр достопримечательностей нашей столицы, посещение двух крупных предприятий, встречу с сенаторами, выступление в Академии истории. Последнее, разумеется, при вашем согласии. Не скрою, мы заинтересованы получить как можно больше информации о Земле и других планетах Великого кольца. Ну и, наконец, заключительную беседу у меня. Насколько я знаю, вы намерены пробыть на Гермесе около двух недель?

— Да, это сопряжено с благоприятной расстановкой небесных тел. В противном случае пришлось бы задержаться у вас еще на полгода.

— Мы были бы только рады. Мне кажется, вам стоит побывать и в провинции. Может быть, Неаполь? — обратился он к Мендесоне. — Или Венеция?

— Здесь упоминалась Верона, — сказал Тропинин.

Великий математик взглянул на своего помощника, и тот еле заметно кивнул.

— Что ж, можно съездить и туда, хотя Верона ничем особенно не славится. Разве что отличной кухней. Впрочем, вы сможете определиться позднее. Вообще, легат, вам, как было условлено, будет предоставлена любая информация, и если у вас возникнет желание изменить программу по своему усмотрению — милости просим.

— Благодарю вас.

— Что ж, отдохните и беритесь за дело. Мендесона

поступает в полное ваше распоряжение. И тот чиновник, который встречал вас... Как его?..

— Уланфу, — подсказал Мендесона.

Они встали. Великий математик пожал руку гостю и проводил его до дверей.

— Да, — вспомнил он, — ведь у вас был какой-то интригующий вопрос.

— Не смею более отнимать у вас драгоценное время.

— Не стесняйтесь, спрашивайте.

— Видите ли, синьор Эйлер, мне хотелось знать, как у вас с искусством, оно тоже разобрано по кланам?

— Искусство? — переспросил Великий математик, наморщив лоб, явно пытаясь вспомнить, где он слышал это слово. — Искусство? А что это такое?

3

Тучи, разогнанные южным ветром, разбежались по уголкам небосклона. Горизонт запылал. Розовое и голубое, сойдясь в противоборстве, придали всему окружающему нежный фиолетовый оттенок. Ром, следуя инструкциям Сторти, нажал кнопку, и крыша их экомобиля, собравшись в гармошку, ушла в кузов. Скрип разбудил Улу. Она виновато улыбнулась и, словно извиняясь за то, что оставила своего возлюбленного на час в одиночестве, поцеловала его в щеку. Он обнял ее одной рукой и погнал машину, наслаждаясь ощущением всемогущества и вседозволенности.

— О чем ты думаешь, Ром?

— О тебе. А ты?

— О нас. Я пытаюсь угадать, что сейчас делают наши родители.

Он беспечно махнул рукой.

— Теперь мы не в их власти.

— А меня гложет беспокойство.

— Тебе их жалко?

— Нет, я их боюсь. Ты не знаешь мою мать, у нее решительный и волевой характер.

— Вся в тебя.

— Не шути, Ром, мать ни перед чем не остановится, чтобы настоять на своем и вернуть меня домой.

— Мой отец тоже. Но ведь есть еще моя мать и твой отец.

— И еще есть Тибор и Пер. Никогда не ожидала от Тибора такого предательства.

— Добавь к ним моего брата. А ведь знаешь, Ула, они все хотят спасти нас от самих себя. Глупцы!

— Все равно, нам надо быть настороже. Может быть, пообедем Мантую, заберемся куда-нибудь подальше?

— Не паникуй. Мы уже въезжаем в город.

Они остановились у мотеля на окраине Мантуи, позавтракали в уютном ресторанчике. Ром спросил обслуживавшего их робота, как проехать к дому Ферфакса, но тот сказал, что такими сведениями не располагает, и отослал его к администратору. Последний оказался роботом новейшей конструкции, какого Рому еще не приходилось видеть. Гораздо крупнее своих собратьев, настоящий верзила, с квадратным лбом и неприятно бегающими глазами. На вопрос о Ферфаксе администратор мгновенно дал исчерпывающие пояснения: в его бездонной электронной памяти хранились данные обо всех обитателях города.

Затем Ром осведомился, не могут ли они снять в мотеле комнату на пару дней. Эта мысль пришла ему в голову внезапно: неизвестно еще, как встретит их приятель Сторти, не мешает на всякий случай иметь при себе убежище.

— Отчего же нет, — ответил робот, — достаточно предъявить паспорта. — Он взял документы и достал из конторки гроссбух, чтобы зарегистрировать постояльцев. Любопытно было наблюдать, как ловко управляют с бумагами его щупальцеобразные пальцы. Ром

полез за деньгами, с благодарностью вспомнив мать. А когда он протянул купюру администратору, тот ее не взял. Рому показалось, что в глазах робота мелькнули настороженность и смущение, если, конечно, линзы обладают способностью выражать подобные чувства.

— В чем дело? — спросил он.

— Прошу прощения, синьор, но вы и ваша спутница принадлежите к разным кланам.

— Ну и что?

— Боюсь, что мы не сможем предоставить вам комнату в мотеле.

— Позвольте, любезный, — сказал Ром с раздражением, — кто вам дал право распоряжаться по своему произволу?

— Не сердитесь, синьор, — вежливо ответил вышколенный администратор. — Я действую в соответствии с заложенной в меня программой.

— У вас что, есть инструкция на этот счет?

— Разумеется, синьор.

— Но это чепуха, у нас установлено равенство кланов и возможность их общения... — Ром спохватился: бессмысленно вступать в полемику с механизмом. Однако администратор не усмотрел в этом ничего странного. Он метнул в Рома быстрый взгляд, в котором явственно ощущалось сочувствие, и сказал:

— Вы правы, если иметь в виду юридическую сторону дела, но, помимо законов, существуют традиции. — И добавил, понизив голос: — Другой вопрос, насколько они справедливы.

Ром взял протянутые администратором паспорта, испытывая унижение от того, что его пожалела машина, которой полагается быть бездушным исполнителем воли человека. Эти техи в своем стремлении к совершенству переступают все дозволенные границы. Если так пойдет дальше, скоро роботы будут вести себя с людьми на равных, а там додумаются образовать свой клан, десятый, и неизвестно еще, за кем останется последнее сло-

во: ведь по численности думающие механизмы уже в тысячи раз превосходят людей.

С другой стороны, ничего не скажешь, это электронное устройство мыслит разумней тех, кто мешает им с Улой обрести свое счастье. И ведь среди них самые близкие люди. Какая-то непостижимая дикость! Ясно одно: их положение значительно хуже, чем он мог предполагать.

В препаршивом настроении Ром вышел на улицу, где у «тарактелки» поджидала его Ула. Но стоило ему взглянуть в ясные улыбающиеся глаза своей подруги, как тягостные мысли и страхи улетучились. Он не стал расстраивать ее рассказом о случившемся и подумал даже: дела не так уж плохи, если и роботы нам сочувствуют. Великая это способность: толковать в свою пользу и самые дурные предзнаменования!

Через несколько минут они подъехали к маленькому домику, до удивления напоминавшему обиталище Сторти: похоже, приятели, как близнецы, отличались общим вкусом до мелочей. Если так, им будет легко с Ферфаксом. Ром поднялся на крыльцо и, не найдя звонка, постучал в дверь. В доме царила тишина. Он постучал сильнее, а затем принялся барабанить что было мочи.

— Погоди, Ром, — урезонила его Ула, — может быть, хозяина нет дома. Сейчас ведь рабочее время, не забывай.

— Ты права, — сказал он со вздохом, — придется нам помотаться до вечера. Но нет худа без добра, осмотрим Мантую, — решил он.

Они прекрасно провели время: бродили по улочкам старинного города, заглядывали в музеи, осматривали храмы. Повсюду доброжелательно встречали юную красивую пару, принимая их за молодоженов, совершающих свадебное путешествие. На рынке, вдоволь насмотревшись на заваленные дарами щедрой природы Гермеса торговые ряды и подивившись расторопности стоявших

за прилавками роботов в белых халатах, Ром и Ула нашли харчевню для простого люда, где решили пообедать. К их столику подседа словоохотливая пожилая женщина, представившаяся туристкой из Милана. Судя по манере держаться и некоторым профессиональным сленгам, она принадлежала к клану физов. Соседка болтала без умолку, посвятив их во всевозможные истории, услышанные еще во время странствия по городам и весям Гермеса.

Когда Ром вышел на минутку, миланка неожиданно прервала свою болтовню и спросила Улу, почему она общается со своим спутником посредством апа.

— Разве неясно, почему, — спокойно ответила Ула, — мы из разных кланов.

Тогда назойливая старая дама, сняв очки, прищутив глаза и поджав губы, заквакала, что молодой девушке надо беречь свою репутацию, что путаться с парнем другой профессии в высшей степени постыдно и так далее. Ула вспылила, послала ее к черту и выскочила на улицу. Ром нашел ее в слезах и успокоил, как ни странно, тем, что пересказал содержание своего разговора с администратором мотеля. Они посмеялись над своими невзгодами и отправились досматривать достопримечательности Мантуи.

Уже в сумерках, усталые и полные впечатлений, Ром и Ула вернулись к дому Ферфакса. Ром постучал, и опять безрезультатно: дом был пуст. Из-за заборчика, отделявшего его от соседней виллы, появилась женщина.

— Если вы к Ферфаксу, молодые люди, то не теряйте времени, его здесь нет.

У Рома упало сердце.

— Что-нибудь с ним случилось?

— Что может случиться с таким человеком! — сказала женщина тоном, свидетельствующим, что Ферфакс не пользовался особой популярностью у соседей. — Просто он укатил в Рим по каким-то своим делишкам.

— Спасибо, синьора.

— И послушайте доброго совета, не связывайтесь с этим забулдыгой, он и ангела собьет с пути истинного.

На этот раз подала голос Ула:

— Благодарим вас, синьора, за радение о наших душах, но мы и сами не ангелы.

У женщины вытянулось лицо, и она молниеносно исчезла, решив, видимо, что не стоит связываться с хулиганами.

Ром и Ула уселись на ступеньках крыльца.

— Что будем делать? — спросила она.

— Мыслить, — ответил он, беря ее за руку. — И целоваться.

Это занятие отняло у них добрых полчаса.

— У меня есть идея, — сказала вдруг Ула.

— Давно пора, — пошутил Ром, — ты же мата, да еще из семейства Капулетти, да к тому ж вундеркинд, тебе только и генерировать идеи.

— Не смей потешаться над моим кланом, презренный агр! Так вот, когда мы с тобой блуждали по городу, помнишь, нам повстречалась гостиница «Дважды два»?

— Помню.

— Под таким названием во всех крупных городах есть дома для ночлега заезжих матов.

— Что из того, и у нас есть такие дома под вывеской «Спелое зерно».

— А то, что мы снимем там номер.

— Будет то же, что и в мотеле. Инструкции для роботов везде одни.

— Конечно, если мы сунемся в открытую.

— То есть ты предлагаешь...

— Вот именно. У вас, мужчин, никакой смекалки. Сначала я снимаю номер, причем прошу на первом этаже, — кто посмеет отказать внучке великого Капулетти! — а потом ты влезаешь в окно.

Ром загорелся.

— Ты гений, поехали. — Уже в экомобиле его охватили сомнения: следует ли оставлять следы, ведь знатная фамилия Улы сразу привлечет внимание? Хотя им всего лишь переночевать.

Первая часть плана Улы прошла как по маслу. Когда она предъявила паспорт, администратор-робот чуть было не разломился в пояснице и отвел ей люкс с шикарной балюстрадой, куда забраться такому атлету, как Ром, не стоило никакого труда. Ром спрятался в кустах, окружавших гостиницу сплошной стеной, и стоило Уле подать условный сигнал — трижды выключить и включить свет, как через минуту он был в номере.

Они сразу же погасили огни, чтобы никто из служителей не мог обнаружить столь вопиющего нарушения общепринятых правил. Им и не нужен был свет, тьма была для них желанным прибежищем, надежным покровом для неистовых любовных ласк. Тогда, в первый раз, в комнате Улы, их сдерживало и опасение быть застигнутыми, и природное целомудрие, и ощущение греховности связи, в которую они вступили, бросив вызов всем порядкам и установлениям, воле родителей, предостережениям наставников. Теперь все было иначе: они избавились от первой стыдливости, ощущали себя мужем и женой, были предоставлены самим себе.

И опять Ром и Ула, повторяя свою игру, отключили апов, чтобы слышать друг друга на родных языках, и в лишенных эмоций математических формулах, в пахнущих землей грубых и сочных символах земледелия искать и находить одну всепобеждающую проникновенную мелодию любви.

...Ула проснулась первой, услышав шум за дверью. Она разбудила Рома, и несколько секунд они лежали молча, пытаясь понять, что происходит. В коридоре кто-то громко разговаривал, затем в дверь номера постучали — сначала робко, потом настойчиво. Ула показала

Рому глазами на балюстраду, он мигом оделся и, тихо выбравшись из комнаты, прыгнул в кусты. Здесь его ожидал сюрприз: Ром чуть не столкнулся с притаившимся там роботом. Погашенный фонарь, который обычно монтировался в поясной части этих механизмов, не оставлял сомнения, что он поставлен часовым на случай бегства из здания. Только две линзы, заменявшие глаза, мерцали слабым зеленоватым светом, и Ром замер, как человек, замороженный взглядом змеи. Он лихорадочно взвешивал свои шансы. Вступать в борьбу с этой грудой металла было бессмысленно. Он знал, что робот не причинит ему вреда, а просто охватит своими клещами и доставит куда следует. Ему не раз приходилось наблюдать, как действуют роботы-полицейские. Оставалось одно: перехитрить машину. Но как?

И тут случилось невероятное: робот повернулся к нему спиной, явно давая понять, что не собирается его задерживать. В порыве признательности Ром похлопал его по плечу и кинулся вон из ловушки, какой оказались гостеприимные на первый взгляд «Дважды два».

Ула с трепетом наблюдала за всей этой сценой из окна комнаты. Убедившись, что Ром в безопасности, она накинула халат и открыла дверь. В номер ввалился незнакомый ей толстый усатый человек в сопровождении администратора и той самой физы, которая в обед наставляла ее на путь истинный.

— Приношу извинения, синьорита, — елеинно сказал толстяк, — но мы обязаны проверить поступивший сигнал общественности.

— Эта мегера и есть ваша общественность? — спросила Ула, указывая на жительницу Милана.

— Я никому не позволю себя оскорблять, — завопила та, — особенно потаскушке, якшающейся с вертопрахами из чужих кланов!

Ула молча подошла к ней и ударила по лицу.

— Что же это делается?! — окончательно разъяри-

лась миланка, хватаясь за щеку. — Я выследила молодых развратников, заботясь о морали вашего клана, — накинулась она на усатого, — а вы молча смотрите, как надо мной совершается безобразная расправа! Я буду жаловаться самому Великому математику, вам не поздоровится.

— Возьмите себя в руки, — хладнокровно сказал толстяк, — вы первая ее оскорбили, и поделом вам. Синьорита Капулетти, — обратился он к Уле, — я попечитель этой гостиницы в местной общине матов и прошу вас только сказать: вы одна в номере?

— Вы все спелись, — продолжала кричать миланка, — клановая солидарность, но я вас выведу на чистую воду!

Усатый просто от нее отмахнулся и даже подмигнул Уле, давая понять, чтобы она не обращала внимания на эту спятившую ханжу.

— Я понимаю, синьор, что вы исполняете свой долг, — вежливо сказала Ула. — Вы можете убедиться сами, что в номере никого, кроме меня, нет.

— Да, я вижу, — с поспешностью сказал попечитель. И обернувшись к миланке, заявил: — Вы будете отвечать за гнусный навет. Я сообщу об этом возмутительном происшествии в миланскую общину физов.

— Вы ее покрываете! — крикнула та. — Вы даже не хотите осмотреть комнату, он, вероятно, спрятался в шкафу.

— Смотрите сами, — с презрением сказала Ула и стала распахивать дверцы многочисленных шкафов люкса. Миланка следовала за ней по пятам, потом опустилась на колени, чтобы обследовать пространство под кроватью. Вдруг ее осенило: — Посмотрите на постель, смяты обе подушки.

— Я имею обыкновение спать на двух подушках сразу, — отпарировала Ула, — Вы что-нибудь имеете против?

— Тогда остается одно: он ушел через балкон.

— Это невозможно, — вмешался попечитель, — там стоял на страже робот.

— Допросите его.

— Хорошо, я сделаю это в вашем присутствии, чтобы у вас не осталось никаких оснований для обвинения местных властей в пристрастии. — Он подошел к окну и кликнул робота. Через секунду тот вошел в комнату, почтительно поклонился и застыл у дверей.

— Ваш порядковый номер?

— 327-й серии М.

— Вы были поставлены у балюстрады люкса с поручением не выпускать никого?

— Да, синьор.

— Выходил кто-нибудь отсюда?

У Улы екнуло сердце. Ей показалось, что робот промедлил с ответом. Эти механизмы не умеют лгать, как люди.

— Не знаю, синьор.

— То есть как «не знаю»? Вы хотите сказать, что человек мог и выйти?

— Да, синьор.

— Вот видите! — торжествующе воскликнула миланка.

— Погодите радоваться, — брезгливо бросил ей попечитель. — Но вы никуда не отлучались со своего поста?

— Нет, синьор, как вы могли такое подумать!

— Ладно, не обижайтесь. Следовательно, если б кто-нибудь вышел, вы бы его наверняка увидели?

— Да, синьор.

— Вы удовлетворены? — спросил толстяк с ехидством. Миланка только негодующе мотнула головой. — Инцидент исчерпан, — объявил он. — Примите, синьорита, мои глубочайшие извинения. Мантуанская община матов будет рада, если вы задержитесь у нас в гостях.

— Нет, синьор попечитель. Я принимаю ваши изви-

нения и заверяю, что не сохраню дурной памяти об этом досадном происшествии. Но не останусь здесь дольше ни одной минуты. — Ула стала собирать чемодан. Миланка, уверившись, видимо, что напрасно возвела поклеп на порядочную девушку из знатной фамилии, и опасаясь последствий, незаметно исчезла.

— Поверьте, мне чрезвычайно прискорбно...

— Не трудитесь, — сказала Ула с достоинством, — повторяю: я на вас ничуть не в обиде. Просто я не смогу спокойно спать на этом месте и хочу перебраться к своим друзьям.

— Подвезти вас?

— Благодарю, но это совсем рядом.

Попечитель помог Уле вынести чемодан и вместе с безмолвными роботами проводил ее до выхода из гостиницы. Пройдя несколько сот метров, Ула вышла к упрятанному в укромном местечке экомобилию и кинулась в объятия Рома, с беспокойством ее ожидавшего.

Она поведала ему свою историю, и они долго хохотали над незадачливой доносчицей.

— Видишь, Ром, добрых людей в нашем списке становится все больше. Я убеждена, что толстяк попечитель все понял: зная, что роботы не умеют лгать, он допрашивал твоего спасителя так, чтобы тот не проболтался

— Во всяком случае, роботы на нашей стороне, это точно!

— Вот так приключение! — с восторгом сказала Ула. — Мне начинает нравиться эта бродячая жизнь. — Ром вдруг опять засмеялся. — Что ты закатываешься, дурной?

— Мне пришло в голову, что каждый раз, когда мы ложимся с тобой в постель, дело заканчивается бегством и преследованием. Если так будет продолжаться дальше, я научусь удирать не хуже зайца.

Уныние и раздор царили в доме Монтекки. Обнаружив исчезновение Рома, олдермен кинулся к жене, но Анна спокойно заявила, что этого следовало ожидать, они сами виноваты, вынудив мальчика бежать. Ты понимаешь, закричал он, чем все это может для него и всех нас кончиться?! А ты понимаешь, что можно сделать с человеком, если вырвать из его груди сердце? Разговаривать с ней было бесполезно, и Монтекки, хлопнув дверью, пошел в управу.

Что до дома Капулетти, то там разразился ураган. Неистовая Марта била посуду, ломала мебель, кричала, что все, начиная с собственного мужа, сговорились сжечь ее со свету, падала в обмороки, которые заканчивались вызовом неотложной помощи. Миновав этап истерии, она, как обычно, ощутила прилив сил и жажду деятельности. Синьора Капулетти собрала домашних, включив в их число своего любимчика и будущего зятя Пера, и потребовала немедленно организовать вооруженную экспедицию, поймать беглецов и доставить Улу домой, а этого мерзавца агра пристрелить как бешеную собаку.

— Ты с ума сошла, — попытался урезонить разбушевавшуюся супругу Капулетти. — Мы живем в цивилизованном обществе, кто же позволит самоуправствовать?..

— Я всегда знала, что ты трус! — отрезала Марта, не стесняясь присутствия сына и его товарища. — Но вы, молодые, неужели и у вас не хватит духу вырвать мою дочь из рук насильника и восстановить честь нашего старинного рода?

Капулетти подумал, что это его род старинный, а Марта не сумеет проследить свою родословную дальше деда, скромного программиста. Но почел за лучшее не делиться этим соображением. В конце концов, она его

жена и имеет право считать себя полноценной Капулетти.

— Я понимаю тебя, мать, — сказал Тибор, — и готов задушить его собственными руками. Но отец прав, надо сначала попробовать легальные средства.

— А ты, Пер, что скажешь ты? Ведь он умыкнул твою невесту!

— Я готов отдать за Улу всю свою кровь, — сказал Пер. — Однако, синьора, умоляю вас прислушаться к мнению Тибора. Взяться за оружие никогда не поздно.

— Неправда, — вскричала Марта, — может стать и поздно! Как вы не хотите понять: если они поженятся, ничего уже нельзя будет изменить.

— Ни в одной префектуре не согласятся зарегистрировать брак между матой и агрономом, — возразил Капулетти. — Тем более не рискнет обвенчать их ни один священник. Это исключено.

— Много ты знаешь! — презрительно бросила Марта. — Кроме своих вычислений, ничем никогда не интересовался. Ис-кю-че-но,—передразнила она,—а если такой найдется, мало ли подлецов на свете?

Капулетти подумал, что она права. Согласно теории вероятностей не существует абсолютной детерминации событий. Закономерности не отменяют случайностей. Особенно в такой деликатной сфере, как человеческая психика. Применимы ли к ней вообще строгие категории математической логики? Эта проблема его заинтриговала, и он вполуха слушал очередную реплику жены.

— Я вижу, все против меня. Что ж, пошлите за четой Монтекки, облобызайте ее, устройте торжественную встречу новобрачным, отпразднуйте свадьбу под звуки фанфар, и пусть агроном поселится в нашем дворце, а Ула рождает ему ублюдков агрономов.

Даже Пера покорило от подобной безвкусицы. Почувствовав, что она перегнула палку, синьора Капулетти прибегла к испытанному средству — ударилась в слезы.

— Решайте, как хотите, вы мужчины, я слабая женщина...

— Послушай, — перебил привычный к ее стенаниям Капулетти, — а ведь это идея; надо послать за Монтекки и потребовать от них немедленно разыскать и вернуть сына домой. В конце концов, это их вина, пусть они и думают.

Марта тут же прекратила рыдать.

— Тебе, разумеется, хочется пофлиртовать с этой сонной уродиной Монтекки, — сказала она язвительно. — И потом, что толку взывать к его родителям, они в таком же положении, как и мы.

И опять Капулетти вынужден был признать правоту жены. В чем, в чем, а в здравом смысле ей не отказать.

— В таком случае, — сказал он, — остается одно средство: обратиться в арбитраж и получить официальное решение, запрещающее этот брак.

— Я советовался с юром, — подал голос Тибор, — он утверждает, что дело совсем непростое. Не существует закона, запрещающего браки между представителями разных кланов. Всего лишь обычай.

Капулетти поразился сообразительности сына. Хватка у него явно материнская.

— При чем тут обычай? — заявила Марта. — Надо требовать не запрещения брака, а наказания похитителя. Агр выкрал Улу обманом и увез ее вопреки желанию. Его следует обвинить в изнасиловании. — Пораженная собственной находчивостью, Марта торжествующе посмотрела на мужчин. Она заметила, что Пера передернуло, и поспешила добавить: — Конечно, ничего подобного не случилось, я уверена. Но ради святого дела можно и слукавить раз в жизни.

Капулетти подумал, что **подобное** наверняка уже случилось, и что Марта лукавила в жизни добрую тысячу раз, притом далеко не всегда ради святого долга.

— Мне это не нравится, — осмелился сказать Пер.

— Ты же грозился отдать за Улу всю свою кровь.

— Это разные вещи.

— Ну, хорошо, все вы хотите быть чистенькими, так я возьму грех на себя. Бог мне простит, — она перекрестилась, — он понимает материнское сердце.

— Простите, синьора, вы знаете, как я привязан к вашей семье, но честь не позволяет мне участвовать в таком деле. — Сделав это заявление, Пер почувствовал, как возвышается в собственных глазах. Эх, если б Ула могла сейчас его слышать!

— И мне тоже, мать, — неожиданно присоединился к другу Тибор.

Капулетти тоже хотел сослаться на честь, но Марта метнула в него предупредительный взгляд такой силы, что он стушевался.

— Пусть мальчики останутся в стороне, — сказала она примирительно. — Для изобличения преступника в арбитраже достаточно и прислуги.

На том семейный совет закончился, и через полчаса Капулетти с большой неохотой передал по телекому продиктованную женой жалобу, обвиняющую Рома Монтекки, сына олдермена местной общины агров, в насильственном похищении Улы Капулетти, дочери профессора Веронского университета. Если бы обвинение было доказано, виновнику грозила пожизненная каторга. В последний момент Марта отказалась от формулы «изнасилование», вынужденная признать, что Ула останется тогда опозоренной на всю жизнь. Так Ром, сам того не ведая, избавился от угрозы умереть на электрическом стуле.

В тот же день в соответствии с установленной процедурой собралась согласительная комиссия в составе полномочных представителей двух кланов — по пять человек с каждой стороны. В специально приспособленном для подобных заседаний зале дворца Правосудия заняли места друг против друга олдермены общин ма-

тов и агров. В центре справа возвышалось кресло арбитра, функции которого исполнял лидер местных юров, а слева — трибуна для свидетелей. На двух отдельных скамьях размещались истцы и ответчики. Журналисты привели в состояние боевой готовности свои автописцы.

Арбитр начал с традиционной формулы, рекомендуемой спорящим общинам искать согласия, отвечающего принципам профессионального кланизма, интересам общественного порядка и спокойствия. Он привел к присяге свидетелей, потребовав от них говорить правду, только правду, ничего, кроме правды, и предупредив об ответственности за дачу ложных показаний. Затем слово для зачитания жалобы было предоставлено помощнику арбитра — квестору*.

— Имеет ли истец что-нибудь добавить к своей жалобе? — спросил арбитр.

Капулетти взглянул на сидевшую рядом Марту, которая отрицательно качнула головой.

— Нет, ваша честь.

— Тогда слово ответчику.

Монтекки медленно поднялся с места. Анны с ним не было: она не пожелала присутствовать на процессе.

— Что я могу сказать... Вся эта затея мне не нравится.

В зале раздались смешки. Олдермен обвел публику суровым взглядом.

— Зря смеетесь. Решается ведь судьба моего сына. Он не насильник. Они с синьоритой Капулетти любят друг друга.

— Это к делу не относится! — выкрикнула Марта. — Мы обвиняем вашего отпрыска в том, что он похитил нашу дочь.

— Как не относится? — удивился Монтекки. — Если они решили пожениться, так при чем здесь похищение? Ула уехала с Ромом по доброй воле.

* Должностное лицо в Древнем Риме.

— Вам это доподлинно известно? — спросил арбитр.

— Я знаю своего сына, — сказал Монтеки, — он просто не способен насильничать, понимаете? Раз они уехали, значит, оба того захотели.

— Видите, — опять вмешалась Марта, — ответчик уходит от вопроса.

— Так ведь вопрос-то какой, на него вправе ответить только ваша дочь, синьора. А вы сами готовы поручиться, что она не любит Рома?

— Мата не может любить агра, — быстро нашлась сообразительная Марта.

— Вот и вы крутите. Все мы говорим: «не должны», «не могут», а они взяли да полюбили. Что ж теперь делать, не поверить? Как тот посетитель зоопарка, который, увидев жирафа, сказал: «Не может быть!»

— Не приплетайте сюда жирафа, — сказала Марта в раздражении, — вам анекдотами не отделаться... Я требую, — обратилась она к арбитру, — чтобы мне вернули мою дочь и наказали насильника!

— Убедительно прошу вас, синьора, не нарушать установленных правил. Здесь не суд, следствие ведется не формально, допускается прямой разговор, но не перебранка же! Наша цель — достичь согласия, а не окончательно разругаться.

Негодующая синьора вынуждена была сдержать свой темперамент. Впрочем, она отыгралась на муже, высказав ему на ухо все, что о нем думает. Это легко угадывалось по лицу Капулетти, которое побагровело.

— У вас все? — спросил арбитр у Монтеки.

— Если позволите, ваша честь, я бы добавил несколько слов. Хочу, чтобы ни у кого не было сомнений насчет моего отношения ко всей этой истории. Я защищаю сына от зряшных обвинений, но не оправдываю его. Когда он признался, что влюбился в девушку из другого клана, для меня это было большим ударом — все равно что известие о засухе или потопе. Ведь он, как

ни поворачивай, изменил своим, аграм. А его с детства в семье учили превыше всего хранить верность своему клану.

Полномочные представители агроов одобрительно закивали.

— Я принимал меры, пытался образумить Рома, но он закусил удила. И сейчас нет у меня большего желания, чем вернуть их да развести по домам. Так что, синьор Капулетти, у нас с вами одна забота, нам бы не ссориться, а вместе подумать, как спасти наших детей.

— Я не против, — сказал Капулетти, вставая, — для этого и существует согласительная комиссия.

Атмосфера несколько разрядилась. Арбитр предложил истцу и ответчику занять свои места и приступил к опросу свидетелей. Первым был приглашен Метью.

— Вы близкий друг Рома Монтекки?

— Да, ваша честь.

— Знаете, когда он познакомился с Улой Капулетти?

— Я при этом присутствовал. Летом, на пляже.

— Догадывались о его чувствах к ней?

— Ром и не скрывал.

— Считаете ли вы, что Ула отвечала ему взаимностью?

— Конечно, иначе бы они не смылись на пару.

— Отношу ваш жаргон на счет плохого перевода. Вы абсолютно уверены или вам только кажется?

— Еще как уверен!

— Можете привести какие-нибудь доказательства?

Метью замешкался: не мог же он признаться, что сам участвовал в побеге, а главное — косвенным образом выдать Сторти, которому ох как бы не поздоровилось.

— Чего тут доказывать, — сказал он наконец, — это и слепому было ясно.

Арбитр предоставил свидетеля представителям общин.

— Известно ли вам, что ваш приятель начал заниматься математикой? — спросил лидер общины матов.

— Ничего подобного не слыхивал.

С тем Метью был отпущен, и место на свидетельской трибуне заняла полная пожилая дама с затейливой высотной прической.

— Вы синьора Клелия, экономка в доме Капулетти?

— Признаюсь, это я. — Присутствующие заулыбались.

— Чем вы можете нам помочь?

— Я расскажу всю правду и даже больше. Вам все сразу станет ясно.

— Прекрасно, начинайте.

— Итак, позавчера в нашем доме случился грандиозный переполох. Вечеру я, как всегда, велела роботам отправляться в свою конуру, оглядела помещения и, найдя все в полнейшем порядке, вышла проветриться. Погода стояла преотличнейшая, после дождя дышалось полной грудью, — экономка фигурально проиллюстрировала это утверждение, вызвав в зале оживление, — и я загляделась на звезды в небе, размышляя, живут ли там люди...

— Подробности ваших размышлений можете опустить, — сказал арбитр.

— Иду я, значит, вокруг дворца и вдруг замираю как вкопанная. Вам, синьор, должно быть, известно, что мы примыкаем к стене городского парка. Так вот, на этой самой стене вдруг появилась мужская тень. Неужели грабители, думаю я и немедленно отгоняю эту мысль: не может быть грабителей в нашем славном городе с его честными и учтивыми жителями. Но тут же на ум пришла новая мысль: а если он из другого города? Скажем, из Мантуи. За мантуанцев я ручаться не могу, хотя не хочу сказать о них ничего дурного...

— Что же было дальше? — перебил арбитр.

— Перебрав таким образом все версии, я пришла к заключению, что это скорее всего не вор, а злоумышленник. И решила не поднимать шума раньше времени, чтобы поймать его с поличным. Тень прыгнула к нам во двор, подобралась к дому и с фантастической скоростью взобралась по стене прямо в комнату, где живет наша бедная девочка. Тут бы мне кричать на помощь, но, поверьте, синьоры, я стою как в столбняке и от страха не могу выдавить из себя ни звука. Через секунду тень появилась на балконе с каким-то тюком под мышкой, привязала к перилам веревку и ловко соскользнула во двор. Ясно, думаю я, все-таки грабитель, и начинаю соображать, что можно похитить из Улиной комнаты: трюмо, старинный гобелен, шубу, ковер... В этот момент тень попадает в полосу лунного света, поворачивается ко мне лицом, и я узнаю... кого бы вы думали?

— Кого именно?

— Конечно, его, Рома Монтекки. Тут меня озарило: да ведь он уносит нашу Улу! И голос сразу прорезался, я закричала во всю силу легких. Прибежали домашние, брат Улы Тибор кинулся в погоню, да вора и след простыл.

Этот драматический рассказ настолько заинтриговал слушателей, что они перестали посмеиваться над своеобразием речи экономки, и в зале царил мертвая тишина.

— Как вы узнали Рома Монтекки, синьора Клелия, вам приходилось до этого его встречать?

— А как же! — победоносно заявила экономка, кинув довольный взгляд на свою хозяйку. — Я видела его, как вот сейчас вас, ваша честь, когда этот парень короновал Улу на мотокеглях.

— Как он выглядит?

— Высокий, стройный, черноволосый, синеглазый, в общем хорошенький, хоть и агр, — сказала Клелия с

восхищением, но, поймав сердитый взгляд синьоры Капулетти, осеклась.

— Вы имеете что-нибудь против агров?

— Да нет, пусть себе живут, лишь бы на чужое не зарились.

Монтекки насупился: неужели Ром и в самом деле мог решиться на такой поступок? Положение осложнялось. Он лихорадочно перебирал в памяти показания Клелии, пытаясь обнаружить, за что можно зацепиться.

— Прошу задавать вопросы свидетельнице.

— Скажите, синьора, — спросил один из полномочных агров, — когда человек, которого мы приняли за Рома Монтекки, вошел в комнату, доносился ли оттуда какой-нибудь шум, звуки борьбы?

— Ничего такого не было.

— Почему же она не сопротивлялась? Это выглядит весьма странно.

— Чего ж тут странного? Он ее, бедняжку, схватил спящую, сунул в мешок и поволол.

В зале прокатился смешок.

— Почему она потом не звала на помощь?

— Почем я знаю, может быть, он ей кляпом рот заткнул.

— Могу я задать вопрос свидетельнице? — спросил Монтекки.

— Отчего же, это ваше право.

— Синьора Клелия, вы сказали, что мой сын черноволос. Как же вы могли в кромешной тьме определить цвет его шевелюры?

— Так я же говорила, что хорошо разглядела Рома на стадионе.

— Ах, да... — протянул олдермен разочарованно. А потом добавил: — Только, помнится, на стадионе он был в шлеме.

Экономка растерялась и воззрилась на хозяйку, отчаянно двигавшую бровями.

— Я — по бровям, он ведь у вас и чернобровый, — сообразила она.

Монтекки сел, удовлетворенный: по выражениям лиц олдермен почувствовал, что ему удалось посеять сомнение в правдивости Клелии. Каков хитрец, подумал Капулетти, цепкий крестьянский ум, а Марта считала его дубиной. Он еще раз выругал себя за то, что не воспротивился ее интриге, которая могла плохо кончиться. Правда, лично он не принимал участия в натаскивании экономки. стыдно, но бояться нечего.

— Вызывается профессор агрохимии Вальдес, — объявил арбитр.

Не ожидая вопросов, профессор заявил:

— Единственное, что я могу сообщить уважаемым членам комиссии, это подтвердить известный уже многим факт: Ром Монтекки начал изучать математику. — На стороне матов раздались негодующие возгласы. Не обращая на них внимания, Вальдес продолжал: — Я сделал ему надлежащее внушение, разъяснив, что благосостояние нашего общества покоится на профессионализме и долг каждого гражданина свято следовать этому принципу.

— Вы полагаете, что этого достаточно? — воскликнул лидер общины матов.

— Я счел также своим долгом поставить в известность о таком экстраординарном происшествии ректора Университета, родителей и наставника студента. Больше мне нечего добавить.

С этими словами Вальдес сошел с трибуны, а ее поспешил занять профессор Чейз.

— Позвольте мне, ваша честь?

Арбитр кивнул.

— Мы уделили здесь много времени детективному жанру, пытаясь установить, похитил Ром Монтекки Улу Капулетти или она бежала с ним добровольно. Между тем это должно заботить только два заинтересованных семейства, ну и, разумеется, наших друзей юров, кото-

рым предстоит собрать все улики и наказать Рома, если он действительно виновен в похищении, или оставить его в покое, если будет доказано обратное. Нас же гораздо больше должны волновать общественные последствия этого экстраординарного случая, как определил мой почтенный коллега. Кстати, меня поразило его хладнокровие. Ведь речь идет об опаснейшей политической диверсии, о попытке, пусть бессознательно, я это допускаю, подорвать сами устои клановой системы.

Агр не должен любить мату — это противостоит естеству. Агр не должен пренебрегать своим кровным делом и покушаться на математику или химию, или юриспруденцию — это преступно. Тем не менее то и другое, вопреки всем законам и обычаям, случилось. Вот чем мы должны быть озабочены в первую голову. Как могло произойти такое, в чем корень зла, где порок: в нашей системе воспитания, в отсутствии необходимого контроля за досугом молодежи, в пробелах законодательства, регулирующего межклановые отношения? Я не берусь дать сейчас ответ на все эти вопросы, но ясно одно: надо бить в набат и любыми средствами воспрепятствовать распространению опасной эпидемии.

И последнее: я утверждаю, что дело это не веронских и даже не провинциальных, а общегермеситских масштабов. Мы не имеем права, руководствуясь соображениями местного патриотизма, упрятать концы в воду и свести все к шаткому компромиссу между общинами матов и агров. Сама идея компромисса и согласия, любовной сделки вопиющим образом противоречит характеру происшествия. Мы обязаны немедленно проинформировать о нем Великарий, добиваться рассмотрения его в Сенате и принятия чрезвычайных мер в защиту основы нашей цивилизации — профессионального кланизма. Благодарю вас, синьоры.

Экспрессивная речь Чейза произвела сильное впечатление, поднялся разноголосый гул, и арбитру, чтобы

навести порядок, пришлось пригрозить очистить зал.

— У нас остался последний свидетель, наставник Сторти. Прошу внимания.

Перешептывание все-таки продолжалось, спорили за и против доводов Чейза, и, когда Сторти начал давать показания, его почти никто не слушал.

— Что вы можете сказать о характере своего воспитанника?

— Только то, что это благородный и прямодушный человек, если б у меня был такой сын, я гордился бы им.

— Когда вы узнали об его увлечении синьоритой Капулетти?

— Если позволите, ваша честь, я перейду к самому существенному. — Арбитр кивнул. — Я свидетельствую, — заявил Сторти, повысив голос и привлекая тем внимание публики, — что Ула любит Рома так же, как и он ее, и что она добровольно отправилась с ним в изгнание, чтобы избежать разлуки.

— Чем вы можете доказать свои слова?

— Очень просто. Я сам организовал их побег.

В зале поднялся невообразимый шум, арбитру пришлось вторично пустить в ход колокольчик и свою угрозу.

— И вы не стесняетесь говорить об этом с бравадой?

— Да, потому что я совершил благое дело.

— Негодяй! — закричала Марта. — Гнать из Университета такого наставника, судить его! — Ее поддержали многие.

— Я сам уйду! — сказал Сторти с вызовом. — А суда я не боюсь, в моих действиях, достопочтенная синьора, нет состава преступления. Преступники те, кто хочет разлучить влюбленных, растоптать их чувство и сделать на всю жизнь несчастными.

— Вы с ума сошли! — воскликнул лидер общины агров. — Это именно нелепая страсть лишит их профессии и сделает раньше или позже несчастными! Как они могут объясняться между собой, с помощью апа?

Монтекки отметил, что его шеф употребляет дословно те же выражения, с помощью которых он вразумлял Рома. А Сторти-то, Сторти, вот он каков, этот пристрастный к ячменке добродушный толстяк!

— Они прекрасно объясняются на языке, известном только им двоим, заверяю вас, — сказал Сторти.

— Чепуха! — прокричал лидер общины матов. — Он нас дурачит.

— О, нет, — сказал наставник, — и если вы в молодости не знали этого языка, синьор, то мне вас просто жаль. — Небольшая группа молодых людей неистово зааплодировала, Сторти помахал им рукой и поклонился, как артист, дождавшийся наконец своего звездного часа. Обстановка накалилась до такой степени, что в зале вот-вот грозила вспыхнуть потасовка. Арбитр надрывался, пытаясь утихомирить публику. К нему подлетел взъерошенный, как всегда, ректор Университета.

— Немедленно прервите заседание! Вы понимаете, что происходит?

— Обыкновенный скандал, я за свою практику видел и почище.

— В том-то и дело, что не обыкновенный! — Ректор прошептал ему на ухо: — Впервые они разделились не по клановой принадлежности, а совсем на другой основе — одни за Чейза, другие за этого проходимца.

Арбитр встревоженно покачал головой. Дело действительно нешуточное, как бы ему самому не пришлось отвечать за допущенное безобразие.

— Объявляется перерыв, — заорал он громовым голосом, — публику удалить из зала, комиссия завершит работу в закрытом заседании!

Тибор с нетерпением ожидал возвращения родителей и переживал заново все перипетии скандального заседания согласительной комиссии. Он и Пер с группой

приятелей славно порезвились, когда в зале разразилась буря. Тибор хорошо врезал в челюсть одному из голосистых сторонников Сторти и с удовольствием намял бы бока ему самому. Наставник! Жирная свинья! Ну, погоди, ты от нас не уйдешь, мы тебе покажем, как сводничать и похищать девушек! Здорово им всем выдал Чейз. Хоть и выскочка, а светлая голова. Он один понял, что надо не распускать нюни по поводу несчастных влюбленных, а трубить тревогу и всеми средствами защищать кланизм. Не то что мой благодушный папаша, который и рта побоялся раскрыть. Он за здорово живешь отдаст аграм и наш дом, и наши привилегии, лишь бы его оставили в покое.

Чета Капулетти вернулась домой в сильном возбуждении. Перебивая друг друга, родители посвятили сына в подробности закрытого заседания. Началось с того, что большинство потребовало последовать настояниям Чейза и обратиться за советом в Центр. Оттуда сообщили резолюцию Великого математика: пусть разбираются сами. Потом обсудили возмутительное поведение наставника и единодушно вынесли частное определение — рекомендовать ректору уволить Сторти из Университета, а общине агров — предать его суду чести. Самая горячая схватка состоялась по вопросу об ответственности Рома Монтекки. Маты добивались признания его виновным в насильственном похищении Улы, агры не давали согласия на такую формулировку. Их сторону принял и арбитр, заявив, что материалы слушания не подтверждают факты учинения насилия.

— А как же показания Клелии? — спросил Тибор.

— Эту дуру не приняли всерьез, — в сердцах сказала его мать.

— Слава богу, что никто не потребовал привлечь ее к ответу за ложные показания, — сказал Капулетти. — Я тебя предупреждал...

— Ах, оставь, если б мы следовали твоим советам, так остались бы при своих интересах. Здесь не до чисто-

плюйства. Наше дело правое, и надо отстаивать его любым способом!

Тибор одобрительно кивнул, и Капулетти, оставшийся в меньшинстве, решил, как обычно, придерживаться языка.

— Чем же кончилось?

— С грехом пополам согласились ограничиться похищением без насилия. Уж этого никто не мог отрицать. Полиции передано объявление, обязывающее всех, кому попадется на глаза Ром Монтекки, задержать его и передать властям.

— В таких случаях печатаются фотографии...

— Я понимаю, Тибор, что тебя беспокоит. Не тревожься, мы с отцом решительно воспротивились, чтобы и Ула красовалась в роли преступницы.

— Правда, арбитр заявил, что это ровно вполровину уменьшит шансы на их поимку, — осмелился заметить Капулетти.

— Тебе, я вижу, совершенно не дорога честь дочери!

— Что уж теперь скрывать, в зале было полно журналистов.

— Одно дело газета, и совсем другое — объявление о поимке. Это и дураку должно быть ясно.

— Ладно, не ссорьтесь. — Тибор решил вступить за отца, заметив, что у того дрожат губы. — Будете ждать?

— Ничего другого не остается. Ты что-нибудь предлагаешь?

— Посмотрим, — уклончиво ответил Тибор.

В комнату вошла Клелия.

— Тут вас, — сказала она младшему Капулетти, — спрашивает какой-то юноша не из нашего клана.

Выйдя в вестибюль, Тибор увидел щуплого паренька, который нервно мямл в руках свой берет.

— Что тебе?

— Ты Тибор Капулетти?

Тибор кивнул.

— Я Гель Монтекки, брат Рома. Помнишь, я послал тебе записку об их свидании?

— Разумеется. Явился ходатайствовать за братца? — спросил он враждебно. — Не надейся, от расплаты ему не уйти, и родственниками нам никогда не стать.

— Я не меньше тебя заинтересован, чтобы этого не случилось.

— Так чего же тебе от меня надо?

— Хочу предложить сделку. Я скажу тебе, где они укрываются, но с условием, что вы не сделаете брату ничего плохого. Забирайте свою Улу, и дело с концом.

— Вот как! — Тибор смерил его подозрительным взглядом. — Значит, ты и сам участвовал в побеге.

— Я узнал о месте, где они должны быть, час назад.

— От кого?

— Это тебя не касается.

— Если мы отпустим твоего брата, ему ведь все равно держать ответ перед властями.

— И это не твоя забота. — После секундной паузы Гель добавил: — Кроме того, когда Ула вернется домой, страсти поулягутся, и все дело можно будет спустить на тормозах. Думаю, и вам не слишком выгодно раздувать вокруг своей фамилии вселенский шум.

— А ты смысленный парень, как я погляжу, — ухмыльнулся Тибор. — Ладно, выкладывай.

— Условия принимаются?

— Что с тобой поделаешь! Хотя, откровенно говоря, я бы с удовольствием выдал твоему родственничку по первое число.

— Еще неизвестно, кто бы кому выдал! — возразил Гель, оскорбившись за Рома.

— Твой брат такой же мозгляк, как и ты! Земляные черви! А ты еще к тому же подлый доносчик!

— Сам ты дерьмо! — сказал Гель. — Тебе не понять, что я не продаю брата, а спасаю его.

— Заботясь больше всего о собственной шкуре.

— Я не намерен вступать с тобой в перебранку. Не хочешь — как хочешь. — И Гель пошел к выходу.

— погоди, — догнал его Тибор. — Черт с тобой, заключим дьявольский союз, и так уже вымарались, дальше некуда.

— Ты твердо обещаешь сделать, как я сказал?

— Да, да, клянусь честью Капулетти!

— Ладно, проверим, какая у вас честь. Так вот слушай: они в Мантуе.

— А точнее?

— Адреса у меня нет. У приятеля Сторти Ферфакса. Найдете, городишко небольшой. Я пошел. Понятно, никто не должен знать о нашей сделке. И помни: ты поклялся честью своего рода.

Оставшись один, Тибор несколько минут обдумывал, как быть. Посвящать родителей явно не стоило. Отец начнет канючить относительно самоуправства, а мать увяжется за ними и наделает глупостей. Нет, он должен принять все на себя, взяв в компанию Пера и несколько дружков из самых надежных.

Тут ему в голову пришла блестящая идея. В зале заседания комиссии Тибор видел группу молодых агров, которые, как ни странно, выражали одобрение Чейзу, а бесноватый Голем грозился собственноручно прибить Сторти. Что, если предложить ему принять участие в поимке беглецов? Тогда никто не посмеет сказать, что маты творят произвол, обвинить их в намерении затеять межклановую драку. Тибор кинулся к телефону.

Через час команда была собрана: восемь матов, два агра и одна агрянка — Розалинда. Тибор сомневался, стоит ли брать на такое дело бабу, но Голем заверил, что на нее можно положиться, а кроме того, она может пригодиться, когда «будем брать твою Улу». Выражень-

ице Голема несколько покорило младшего Капулетти, но довод он признал резонным. Собравшись на окраине, они коротко посоветовались, погрузились в машины и на предельной скорости помчались в Мантую. Настроение у всех было приподнятое, одними владел охотничий азарт, другие просто предвкушали возможность повеселиться.

Первую остановку отряд сделал уже на окраине у мотеля. Пока робот в баре подавал закуску с ячменкой, Тибор и Голем, как два жоака, отправились к администратору, чтобы разузнать место нахождения беглецов.

— Чем могу служить? — спросил тот, поклонившись.

— Скажи-ка, хозяин, у тебя здесь вчера не останавливалась пара — она мата, он агр?

— Нет, синьоры, согласно инструкции мы не сдаем номера людям из разных кланов.

— Правильно, — одобрил Тибор. — Но они к вам могли зайти подкрепиться в баре.

— Да, пробыли здесь полчаса и уехали.

Тибор и Голем возбудились, как гончие, напавшие на след зверя.

— Куда?

— Этого я не знаю.

— Послушай, ты, образина, если утаишь от нас хотя что-нибудь, тебе несдобровать, я с тебя стружку сниму! — пригрозил Голем, заподозривший, что робот не склонен откровенничать.

Тибор подумал, что этот дурак испортит им все дело. С роботами тоже надо уметь обходиться. Он успокаивающе похлопал администратора по плечу.

— Не бойся, выкладывай все, что знаешь, и тебя никто пальцем не тронет.

Голем скривился, явно не одобряя заискиванья перед механизмом.

Роботы не умеют бледнеть, и страх, охвативший администратора, выразился в том, что его бегающие

глаза забегали пуще прежнего. Тибора даже передернуло от этого зрелища.

— Синьоры не могут не знать, что мы говорим только правду.

— Вот и отлично. Скажи нам тогда, где проживает некий Ферфакс.

Администратор молчал.

— Ты что, и этого не знаешь?

— Мне известны адреса всех жителей города Мантуи, — сообщил робот с гордостью.

— Так говори.

— Не могу.

— Ах ты... — грязно выругался Голем и, развернув плечо, со всей силы ударил его кулаком в подбородок. Администратор пошатнулся, на лице у него образовалась вмятина, а из глаз посыпались электрические искры. Сам же Голем взвыл от боли и запрыгал по комнате, прижимая к животу окровавленную руку.

— Извините, синьор, что причинил вам боль, — сказал робот. — Я немедленно вызову нашу медицинскую сестру, чтобы оказать вам помощь. — Он нажал кнопку на пульте мотеля, и через секунду в дверях появилось еще одно металлическое существо в белом переднике с красным крестом. Как Голем ни чертыхался, ему пришлось довериться роботессе, ловко наложившей повязку и давшей ему на всякий случай противостолбнячную пилюлю.

Тибора унижение агра, хотя и союзного, только позабавило. Он опять подступился к администратору с расспросами.

— Я бы мог вовсе не отвечать, сославшись на полученное повреждение, — сказал тот с достоинством. — Но вы, синьор, обошлись со мной не так грубо, как ваш спутник. Поймите, нам категорически запрещено совершать поступки, угрожающие людям. А вы пытаетесь выведать место пребывания молодой пары с явно недобрыми намерениями.

— С чего ты взял, дурачок? Да мы условились с ними встретиться, эта девушка — моя сестра.

— Если вы условились встретиться, то должны знать адрес, — логично возразил администратор. — Нет, я чувствую, что вы за ними охотитесь.

— Ах, ты чувствуешь! — Тибор взбеленился не хуже Голема, но поостерегся пускать в ход кулаки. Он поискал глазами тяжелый предмет, чтобы изувечить наглую машину, но не нашел ничего подходящего, смачно плюнул в рожу администратору и пошел к выходу. Голем, охая, поплелся за ним, а два робота молча наблюдали эту позорную ретираду. Если б они умели хохотать!

На улице, где их ждала команда, Тибор, щадя чувства верзилы, сказал, что Голем упал и ушиб руку. Они начали обсуждать, где искать дальше.

— Я знаю где, — заявила Розалинда.

Тибор взглянул на нее с интересом. Чем больше он присматривался к этой рослой красивой девушке, тем больше она ему нравилась. Черт возьми, одернул он себя, еще доставало самому втрескаться в агрянку! Какая-то эпидемия межкланового секса.

— Знаешь, так говори, — сказал он грубо.

— Надо ехать в гостиничные дома матов и агров. Наш называется «Спелым зерном», а ваш?

— «Дважды два». А почему ты решила, что они могут быть там?

— Вычислила, — с вызовом ответила Элия. — Ты воображаешь, что только у вас, матов, мозги ворочаются?

В другом случае Тибор огрызнулся бы, но теперь, встретив упорный взгляд ее бархатных черных глаз, смолчал. Положительно, ему надо взять себя в руки. Хотя простая интрижка между матом и агрой не так уж предосудительна. Главное — не доводить до женитьбы.

В «Зерне» им не удалось обнаружить никаких сле-

дов Рома и Улы. Зато в отеле матов администратор не скрыл, что синьорита Капулетти оказала честь остановиться здесь на ночь. Однако по неизвестной причине она поспешно покинула «Дважды два». В каком направлении — им неизвестно. Потеряв охоту связываться с роботами, Тибор и Голем удовлетворились этой информацией и, удрученные, покинули гостиницу. Правда, кое-что они все-таки теперь знали: раз Ула искала пристанища в отеле, значит, им почему-то не удалось найти приют в доме Ферфакса. Куда, однако, провалилась сестра со своим любовником?

Они зашли перекусить в небольшую харчевню, и тут, наконец, им повезло. К столику, за которым устроились Тибор, Пер, Голем и Розалинда, подошла пожилая дама.

— Простите, синьоры, но я случайно слышала ваш разговор и, кажется, могу быть полезной. Вы ищете синьориту Капулетти и ее спутника?

Тибор вскочил:

— А вы можете сообщить, где они находятся?

— Догадываюсь. Я туристка из Милана и встрети-лась с вашими знакомыми в этой же ресторации. Меня до крайности возмутила подобная безнравственность: мата якшается с агром, и они ничуть не стесняются афишировать свою любовную связь. О времена, о нравы! Когда я была молодой, никому и в голову не могло прийти, что такое возможно. Какой разврат, куда мы катимся! Если вся молодежь вступит на такую скользкую дорожку...

— Послушайте, синьора, мы с вами полностью солидарны, но не теряйте времени, ведите нас к их укрытию. — Розалинда решительно взяла инициативу в свои руки, и Тибор подумал, что она того гляди отберет у него роль жока.

Посадив блустительную нравов во флагманский водомобиль, процессия устремилась к дому Ферфакса.

— Не ручаюсь, что парочка здесь, но это тот самый

дом, куда, по моим сведениям, они дважды наведывались.

— Очень хорошо, — сказал Тибор, потирая руки. — Оставим здесь двух часовых, а сами пошатаемся по городу.

Он отвел машину метров за сто и нашел укрытое место для парковки. Остальные, не зная, в чем дело, последовали за лидером.

— Что такое? — заорал Голем, с трудом вытаскивая из кабины свое мощное тело. — Почему мы уехали, когда могли взять их?

— Потому что надо дожидаться темноты. Не в наших интересах привлекать внимание прохожих, — объяснила Розалинда, и Тибор опять восхитился сообразительностью агрянки.

— Чепуха! Они там, это точно, я заметил во дворе тарактелку Сторти.

— Ценное наблюдение, — согласился Тибор. — Но лезть на рожон все-таки не следует. Не бойся, никуда они от нас не денутся...

Ром проснулся не столько от дурного предчувствия, сколько от засевшей в голове собственной полшутки: каждую ночь ему надо быть готовым уносить ноги.

Он взглянул на часы: было около одиннадцати вечера, но на улице только сгущались сумерки, в это время года темнело поздно. Как хорошо, что ему пришлось в голову не стучать в дверь, а просто отворить ее! После приключения в отеле «Дважды два» они долго просидели в машине и порядком замерзли. Не веря в возможность неожиданного возвращения Ферфакса, просто так, чтобы что-то предпринять, вернулись в третий раз к его дому. И какая удача: дверь, оказывается, была не заперта. Ферфакс и в легкомыслии не уступал своему веронскому другу.

Они быстро освоились в бедно обставленной холостяцкой квартире; не обнаружив роботов, сами вскипя-

тили на кухне воду и нашли на полке галеты. После чаепития еще некоторое время делились впечатлениями от первого дня своей вольной жизни, но Улу быстро смогло. Она и сейчас безмятежно спала на узкой жесткой кровати хозяина. Ром полюбовался на свою подругу и подошел к окну. Улица была пустынна, только на противоположной ее стороне можно было разглядеть мужскую фигуру, прислонившуюся к дереву. Видимо, прохожий, остановившийся отдохнуть, или возвращающийся с вечеринки гуляка, решивший выпустить алкогольные пары, чтобы не получить нагоняя от домашних.

Ром прошелся по комнате, разглядывая вещи. Высокий шкаф, во всю стену, был забит книгами. Хорошо бы посмотреть, должно быть, здесь много интересных работ по агрономии, но света включать не следует: и Улу можно разбудить, и привлечь внимание злоязычной соседки. А вот болотные сапоги, двустволка, патронташ, сумка — словом, все необходимое для охоты. Ром, сам любивший поохотиться и не раз ходивший с отцом на кабана, взял ружье, повертел в руках, взвел и тихо опустил курок. В рабочем состоянии, так что мы теперь вооружены, голыми руками нас не возьмешь!

Он вернулся к окну. Стало еще темней, но фигуру у дерева все еще можно было различить. У него шевельнулось смутное чувство беспокойства. Ром вышел в коридор, убедился, что дверь заперта, и задвинул для покоя массивный железный засов. Хорошо, что и окна защищены снаружи решетками. Не дом, а крепость. Странный тип этот Ферфакс, укрепился, словно для осады, а дверь не запер. А может быть, это специально для нас? Получил письмо Сторти, но вынужден был срочно уехать по делам и любезно предоставил нам свою обитель.

Ром хотел уже вернуться в комнату и улечься на своем диванчике, но его остановил робкий стук в дверь. Он замер, прислушался. Нет, ему не показалось — стук

повторился, а затем негромкий женский голос произнес:

— Отворите.

— Кто там?

— Ром, это я, Розалинда.

— Розалинда? Как ты сюда попала?

— Мне надо сообщить тебе важную весть.

Он колебался.

— Речь идет о твоих родителях.

Ром отодвинул засов и взялся уже за ключ, но в этот момент снаружи донесся сильный шум, за которым последовало приглушенное проклятье. Это Голем ухитрился потерять равновесие и свалиться с крыльца, придавив Тибора.

— Ты не одна? — спросил Ром, быстро возвращая засов на прежнее место.

— Нет, она не одна, — закричал Тибор, — отворяй двери!

— Розалинда, — сказал Ром, повысив голос, — я всегда знал, что ты дрянь, но не подозревал, что до такой степени.

— Ладно, кончай разглагольствовать! Отворяй, тебе говорят, не то будет худо!

— Что тебе нужно?

— Мне нужна Ула, а сам можешь отправляться ко всем чертям!

— Ты ее не получишь.

С улицы раздался рев в несколько голосов. «Сколько их там?» — подумал Ром с тревогой и почувствовал, что его берут за руку. Ула в одной сорочке, босая, стояла с ним рядом.

— Тибор, — сказала она, — это ты?

— Я. Сейчас мы тебя вызволим.

— Оставь нас в покое, Ром мой муж.

— Глупости, никогда тому не бывать.

— Прошу тебя, Тибор, уходите.

— Эй, Монтекки, кончай прятаться за женскую юбку. Если ты мужчина, выходи, поговорим!

— Сколько вас там на одного? — спросил Ром.

— Не трусь, я дал слово твоему братцу оставить тебя в живых.

Значит, Гель знал об их затее и не попытался помешать! Ах брат, брат мой...

— Зато я никому не давал никакого слова! — с угрозой сказал Голем.

— И ты здесь, Голем, — сказал Ром, — выходит, агры объединились с матами, чтобы помешать мате соединиться с агром.

На секунду воцарилась тишина. Нападавшие осмысливали ситуацию. Раздался нервный смешок.

— Это Пер, — прошептала Ула.

— Ты нам зубы не заговаривай! — крикнул Тибор, чувствуя, что медитации могут ослабить наступательный пыл его армии.

— Пер, как ты мог примкнуть к этой бандитской компании, тебе не совестно? — сказала Ула.

— Ах, мы бандиты?! — взревел Голем. — Ну, берегись, шлюха!

— Не смей обзывать сестру!

— Заткни глотку!

Ром с Улой переглянулись. Судя по всему, они там сейчас передерутся. Но тут послышался звонкий голос Розалинды:

— Тибор, Голем, вы что, с ума посходили? Не забывайте, ради чего мы сюда приехали. От нас зависит честь двух кланов. Надо брать дом штурмом.

Взяв на себя командование, Розалинда стала распоряжаться как опытный полководец. Она велела окружить дом, выламывать двери и решетки на окнах. Вооружившись чем попало — палками, тяжелыми гаечными ключами, камнями, атакующие взялись за дело. Голем несколько раз обрушил на дверь свои телеса, но она не поддавалась. «Нам бы дубинку, может быть, сру-

бить дерево?» — предложил кто-то из матов. «Нельзя рубить деревья, это последнее дело!» — рассердился великан — в нем заговорил агр. С бóльшим успехом действовал Тибор, пытавшийся выломать оконную решетку с помощью ключа: несколько толстых прутьев уже выскочили из гнезд. Еще две-три минуты, и они ворвутся в дом.

Ром сбросил с себя оцепенение, вбежал в комнату, схватил ружье и зарядил его двумя патронами с дробью. Он подошел к окну и закричал:

— Отойти всем, иначе буду стрелять!

Нападавшие в испуге отпрянули. Один Тибор, не дрогнув, продолжал выдергивать прутья. Ром дулом разбил стекло и прицелился ему прямо в грудь. Тибор остановился и с презрительной усмешкой сказал:

— Духу у тебя не хватит, агренок, смотри, не наложи в штаны!

Взбешенный Ром нажал спусковой крючок. Но в ту же секунду Ула навалилась на него с криком:

— Опомнись, Ром, это же мой брат!

Приклад дернулся вниз, и Тибор остался невредим. Грозно прозвучавший выстрел заставил всех на миг замереть; экспедиция, обещавшая веселенькое приключение, грозила завершиться трагедией.

Ула, прильнув к Рому, прошептала:

— Прости, я не могла поступить иначе.

Усилив воли он унял охватившую его дрожь.

— Нет, это ты прости, ты спасла не Тибора, а меня. — Ром отшвырнул ружье. Придя в себя и поняв, что стрельбы больше не будет, осаждавшие с удвоенной энергией кинулись на приступ.

Ром с отчаянием огляделся. Взгляд его задержался на коридорчике, ведущем в кухню. У него блеснул луч надежды: когда они хозяйничали, он обратил внимание на другую дверь, которая могла вести либо в погреб, либо во внутренний дворик, где стоял экомобиль. В последнем случае у них был шанс на спасение.

Нельзя было терять ни секунды. Ром схватил Улу за руку и увлек за собой. Подбежав к двери, он попытался открыть ее, но она была заперта. Ром выругал про себя ни в чем не повинного Ферфакса и стал изо всех сил бить по двери ногой. После нескольких ударов хилый замок не выдержал, дверь распахнулась, и тотчас им в ноздри ударил запах гари. Тарахтелка Сторти жарко полыхала, а рядом с ней, освещенная пламенем, уперев руки в бока, стояла улыбающаяся Розалинда.

— Сдавайтесь, — сказала она, — сопротивляться бесполезно. Глупенькие, мы ведь все хотим вам добра. — И крикнула: — Сюда, они здесь!

Вновь Ром оказался во враждебном кольце. Только теперь рядом с ним была Ула, а на той стороне — рядом с матами агры.

Вперед вышел Тибор.

— Ты, подонок, хотел меня пристрелить, и это освобождает меня от слова, данного твоему родичу. — Он замахнулся для удара, но Ула, став впереди Рома, сказала:

— Сначала тебе придется ударить меня!

— Отойди в сторону, сестренка! — сказал Тибор, но, видя, что она не трогается с места, схватил ее в охапку и кинул на руки своим друзьям. — Держите эту дуреху крепче! — приказал он. А сам без лишних слов развернулся и ударил Рома в лицо. Ром успел отшатнуться, кулак Тибора лишь слегка задел его. Но тут с другой стороны на него набросился Голем, крича:

— Постой, постой, у меня с ним свои счеты!

Ула рвалась в руках своих стражей, ей удалось укусить одного из них в плечо. Взыв от боли, тот ударил ее по щеке.

— Эй, вы, — сказала Розалинда хладнокровно. — Я против кулачной расправы. Оставьте его в покое.

— Какая же тут расправа, прекрасная синьорита?

Я не насильник, как твой соплеменник. Я предлагаю честный поединок. — Тибор явно наслаждался возможностью порисоваться. — Потерпи, Голем, сначала я с ним побеседую, а потом уж придет твой черед.

Голем, ворча, отошел.

Тибор молча мерил Рома глазами, не то растягивая удовольствие, не то пытаясь подавить противника психически. Напряжение нарастало, и Ула не выдержала:

— Ударь его, Ром, слышишь, ударь его!

Тибор обернулся, словно был уверен, что Ром этим не воспользуется, и сказал с кривой усмешкой:

— Продаешь брата любовнику?

А затем резко развернулся и нанес Рому второй удар.

Ром пошатнулся, из рассеченной губы потекла кровь. Зато совесть теперь у него была чиста: не он первым ударил **ее брата**. Выбросив вперед правую руку и отвлекая тем внимание Тибора, Ром вложил всю тяжесть своего тела и владевшее им озлобление в хук левой. Тибор оторвался от земли и упал на товарищей, которые еле устояли на ногах.

— Браво! — сказала Розалинда. — Что ни говори, а мат агру в боксе не партнер.

Эта реплика окончательно взбесила самолюбивого Тибора. Пригнув голову, он кинулся на Рома как бык, бодающий тореро. Но Ром ловко увернулся, и Тибор, пролетев круг, врезался в Голема, вызвав у того возглас досады и боли.

— Будет с тебя, — сказал Голем, шагнув в центр кольца.

Ром с Тибором были одного роста, их бой воспринимался как схватка равных соперников. Ром с Големом соотносились, как мышь с кошкой, между ними не могло быть драки, а только избивание. Ула в ужасе закрывала глаза. Но Ром не растерялся.

— Что ж, Голем, твой клановый патриотизм не

помешал тебе стакнуться с матами против своего, — сказал он дерзко.

— Сам ты предатель! — огрызнулся Голем.

— Не ты ли громче всех орал, что все маты свои лочи?

Среди матов поднялся возмущенный ропот.

Голем смутился и не нашел ничего лучшего, как повторить:

— Сам ты предатель.

— Я никого не предавал, вся моя вина в том, что я полюбил Улу. Будешь бить меня за это?

— И за это тоже, — сказал Голем.

— А как ты потом посмотришь команде в глаза?

— Что ты его слушаешь, он же над тобой издевается! — закричал Тибор, и Голем, словно ждавший такого понукания, рванулся с поднятыми кулаками вперед. Но в ту же секунду раздался предостерегающий голос Розалинды:

— Голем, не советую тебе бить агра.

И он застыл в нелепой позе, раздираемый противоположными импульсами, переводя глаза с Розалинды на Тибора и обратно.

Неизвестно, чем бы кончились его терзания, если б не появление нового лица, выросшего среди них словно из-под земли. Войдя в круг, крупный плотный мужчина в форме заявил:

— Синьоры, я, префект города Мантуи, беру вас всех под стражу по обвинению в нарушении общественного порядка и вторжении в дом местного жителя Ферфакса. Предупреждаю, что вы окружены.

В подтверждение его слов со всех сторон вспыхнули прожекторы роботов-полицейских. Стало светло как днем.

Ула подбежала к Рому и платком вытерла кровь с его лица. Она хотела сделать то же для Тибора, но он передернулся и демонстративно повернулся к ней спиной. С удивлением и обидой смотрела Ула, как Ти-

бор подошел к Розалинде, и та охотно оказала ему первую помощь.

— Вы не имеете права нас задерживать, префект, — заявил Пер, который ничем себя не проявил во время предшествующих событий.

— Это почему же, молодой человек?

— Мы из Вероны и прибыли в Мантую, чтобы вернуть домой пару, — он кивнул в сторону Улы и Рома, — сбежавшую против воли родителей. Это наше право.

— Вот как? А жечь машины и разрушать дома — тоже ваше право?

— Досадное недоразумение. Разумеется, ущерб будет полностью возмещен. Я могу подписать обязательство.

— И я, — сказал Тибор, — моя фамилия Капулетти.

— Хорошо, на таких условиях я согласен отпустить вас. Садитесь по машинам и чтобы духу вашего здесь не было.

Тибор облегченно вздохнул. Ром и Ула задрожали.

— Кроме этих двух, они будут отвечать за нарушение права собственности.

У Тибора вытянулось лицо. Вперед выступила Розалинда.

— Но позвольте, префект, вы отнимаете у нас нашу добычу.

— Ах, вот в чем дело, синьорита! Я и забыл, что вы на них охотились. Сожалею, но ничего не могу поделать. Соседка Ферфакса официально уведомила префектуру, что в его дом забрались неизвестные. Я обязан провести расследование.

— Но вы можете отпустить их на поруки.

— Не могу, даже ради ваших прекрасных глаз, — сказал учтивый префект, с интересом оглядывая аппетитные формы Розалинды. — Закон есть закон. Не огорчайтесь, через пару дней вы их получите. У меня из камеры они никуда не денутся.

Поняв, что с гранитным хранителем закона спорить бесполезно, Розалинда вздернула плечами и направилась к месту, где они запарковались. Тибор последовал за ней, даже не оглянувшись на сестру, Голем и остальные поплелись за ними. Один Пер задержался. Он подошел к Уле.

— Не бойся, я сделаю все, чтобы тебя освободили завтра же.

— Не трудись, Пер, я не нуждаюсь в помощи, у меня есть муж. — Она положила руку на плечо Рому.

Пер посмотрел на нее взглядом, полным горечи, и, понурив голову, пошел за своими. У Рома шевельнулось даже чувство жалости к своему поверженному сопернику. Но ему надо было в первую очередь жалеть самого себя. Под конвоем двух полицейских роботов их препроводили в префектуру, в подвале которой были оборудованы камеры для задержанных. Префект собственноручно задвинул решетку, навесил замок и удалился. За всю дорогу он не проронил ни слова, а Ула и Ром, потрясенные драматическими событиями этой ночи, не пытались ни о чем его расспрашивать.

Так влюбленные закончили свой первый вольный день на тюремном ложе.

Ранним утром Рома разбудили и повели к префекту. Тот спросил, как они попали в дом Ферфакса. Ром объяснил, что это друг его наставника, он готов был их приютить и, вынужденный срочно уехать по делам, специально оставил дверь незапертой, чем они и воспользовались. К великому облегчению Рома, префект не стал расспрашивать дальше и подозвал его к себе подписать протокол допроса, составленный автописцем. Склонившись над столом, Ром увидел лежавший чуть в стороне листок, на котором красовалось его изображение. Под ним шло набранное жирным шрифтом объявление, обязывавшее всех, кто встретит Рома Монтекки, похитителя Улы Капулетти, задержать его и

доставить местным властям. Ром испуганно взглянул на префекта, но тот безмятежно разглядывал узоры на потолке.

— Подписал?

— Да.

— Тогда забирай свою милую и ступай на все четыре стороны. Впредь будь осторожней и не попадайся к нам в лапы.

Префект пододвинул к себе протокол и начертал резолюцию: «Освобождены за отсутствием состава преступления».

6

Первые дни пребывания Тропинина на Гермесе были до отказа заполнены осмотром столицы и ее окрестностей, посещением предприятий, лабораторий и учебных центров. Возвращаясь к себе поздно вечером, он работал еще несколько часов — с помощью считывающего устройства ознакомился со статистическими данными, листал энциклопедические издания и справочники, пытался составить представление о местной жизни по телепередачам. Постепенно из обрывков разношерстной информации у него начинало складываться более или менее цельное представление о здешней цивилизации.

Внешне она выглядела вполне респектабельно, и если у нее имелись какие-то пороки, то они гнездились (или были упрятаны) в недоступной поверхностному наблюдению глубине общественного организма. Насколько мог судить Тропинин, гермеситы располагали неплохой техникой и сумели переложить на плечи машин всю сферу производства и обслуживания. Роботы добывали железную руду и рубили уголь, прокладывали дороги и возводили здания, прилежно трудились на заводах и фабриках, изготавливая все, в чем нуждается человек. Роботы конструировали и производили себе подобных.

Роботы учили детей в школах, лечили больных в клиниках, заведовали канцеляриями, стояли за прилавками магазинов, подавали еду в ресторанах, регулировали движение на автомагистралях, водили железнодорожные поезда, корабли и самолеты. Кстати, тот молчаливый водитель, что вез их в день приезда, тоже оказался механическим. Домашние роботы стирали, убирали, готовили, ходили за покупками, нянчили детей.

Избавленные от повседневных житейских забот, гермеситы целиком посвятили себя наукам. Казалось бы, имея подобное преимущество, они должны были достигнуть на этом поприще невиданных высот. Но, если не считать отдельных выдающихся открытий вроде суперисчисления, уровень фундаментальных исследований не поразил Тропинина. Он существенно уступал земному. В чем тут загадка, не в том ли, что чрезмерная специализация сужала горизонт мышления, обедняла воображение, мешала охватить природные феномены в их взаимосплетении и целостности? Или следствием тотальной механизации стали некая вялость и леньность мысли?

Тропинин пытался расспрашивать специалистов, с которыми встречался. Неотлучно находившийся при нем Мендесона не вмешивался в такие разговоры, демонстрируя, что инспектору, как и обещал Великий математик, будет предоставлена возможность беспрепятственно собирать всю интересующую его информацию и вступать в прямые контакты с гермеситами. В таком вмешательстве, однако, не возникало и нужды, рассудил Тропинин. Пока речь шла о специальных вопросах, ему отвечали с увлечением, раскрывая подробности, которых он подчас не в состоянии был уразуметь. Но стоило ему коснуться тех или иных аспектов общественного устройства, как энтузиазм улетучивался, из собеседников не удавалось вытянуть ничего, кроме трафаретных похвал по адресу профессионального кла-

низма. При этом отнюдь не возникало впечатления, что они придерживают языки в присутствии высокого чиновника — вообще Тропинин не ощущал в гермесах скованности или робости, держались они открыто и с достоинством, как свободные и уверенные в себе люди. Просто специалисты, пояснявшие, как устроена установка по производству водотоплива или какие принципы заложены в основу электронного мозга, имели весьма туманное представление обо всем, что находилось вне круга их профессиональных знаний и интересов.

Самое главное, пожалуй, состояло в том, что их ничуть не смущала собственная ограниченность. Напротив, когда Тропинин задавал вопросы, не относящиеся, так сказать, к делу, то это воспринималось с легким недоумением, как проявление бестактности или отсутствие должной культуры, которое можно простить только инопланетянину да вдобавок важной персоне. Нормальный человек не должен выяснять у физика строение клетки, а у била — архитектонику атома. В такой же мере нелепо выпрашивать у химика то, что обязан знать юр, а у мата выведывать профессиональные секреты иста. Объем так называемых «смежных сведений», входивших в программу школьного обучения, и определялся, по всей видимости, тем, чтобы каждый клан представлял, чем заняты другие, к кому за чем следует обращаться. Поэтому в ответ на свои расспросы Тропинину чаще всего приходилось слышать: «Это не мой предмет, обратитесь к тем-то и тем-то».

В хирургической клинике инспектор впервые смог познакомиться с микроспециализацией по-гермеситски. При осмотре глазного отделения главный врач с гордостью представил ему двух молодых специалистов, разработавших новейшую методику имплантации хрусталика. Хрусталистов, как он их представил, попросили объяснить гостю, в чем суть нововведения. Несколько минут они с жаром совещались между собой, отчаянно

жестикулируя. Тропинин прислушался, но ап нес какую-то белиберду. Тогда он спросил врача, о чем они толкуют. Тот развел руками, сказав, что понимает очень мало, поскольку они пользуются своим диалектом. Инцидент разрешился самым забавным образом. Молодые специалисты пригласили в операционную своего ассистента-робота, который, поднатужившись, сумел найти нужные слова на доступном апам языке биллов.

По дороге в особняк Тропинин пошутил: «Если специализация будет и дальше углубляться, то теоретически следует предположить, что когда-нибудь на Гермесе люди вообще перестанут понимать друг друга». Мендесона улыбнулся и со вздохом признал, что это — один из немногих изъянов безупречного в других отношениях социального порядка. По крайней мере, на наш взгляд, поспешил добавить бородач.

Когда они приехали, он осведомился, намерен ли инспектор и сегодняшний вечер посвятить домашним занятиям, и, получив утвердительный ответ, откланялся. У Тропинина был свой план: пора вступить в неофициальный контакт с гермеситами, не исключено, что случайная встреча поможет ему узнать гораздо больше, чем предоставленная в его распоряжение обильная статистика. Внушительные показатели производимой продукции и данные об удовлетворении потребностей населения ровным счетом ничего не говорят о том, чем дышат здесь люди.

Он принял ванну и побрился. Как всегда, в этот час появился управитель дворца — робот, чтобы спросить, не нужно ли чего высокому гостю. Отпустив его, Тропинин переоделся в костюм, приобретенный вчера при посещении римского супермаркета, тщательно упрятал своего переносного переводчика во внутренний карман, переложил в бумажник пачку местных кредиток, врученную хозяевами «для приобретения сувениров». Придирчиво оглядев себя в зеркале, инспектор решил, что не будет слишком выделяться из местных жителей.

Какая-то деталь все-таки бросалась в глаза. Он перебрал в памяти гермеситов, с которыми общался в эти дни, и догадался: ну, конечно, сейчас у них в моде короткая стрижка. Пришлось доставать из саквояжа ножницы и, исхитрившись, обрезать себе космы.

Закончив приготовления, Тропинин спустился в вестибюль, где постоянно дежурил полицейский робот. Это был настолько хорошо вымуштрованный служака, что умел даже, как показалось Тропинину, вытягиваться и есть глазами начальство. Во всяком случае, он, безусловно, был обучен демонстрировать почтение, с лязгом приставляя ногу к ноге. Робот поклонился и спросил:

— Что прикажете, синьор?

— Я хочу прогуляться.

— Подать машину?

— Не надо, — ответил Тропинин заготовленной заранее фразой, — я похожу здесь рядом, подышу свежим воздухом.

Робот с пониманием кивнул и растворил перед ним дверь. Тропинин выбрался на улицу и облегченно вздохнул: первую часть плана, кажется, удалось реализовать. Но он поторопился, ибо в ту же минуту чья-то рука подхватила его под локоть, а знакомый голос произнес:

— Разрешите сопровождать вас, синьор легат?

Разумеется, было наивностью полагать, что его отпустят без присмотра.

— Разве я нахожусь под стражей, любезный Уланфу? — спросил он с нескрываемой досадой.

— Как вы могли такое подумать! — воскликнул чиновник с жаром. — Единственная наша цель — обеспечить вашу безопасность. Ведь вы понимаете, что в большом незнакомом городе с вами может случиться всякое, а последствия трудно даже вообразить!

Уланфу был прав. Тропинин выполнял функции чрезвычайного и полномочного посла. Любое происше-

ствие с такой особой неизбежно повлекло бы осложнения космического масштаба. Узнай начальство, что он прибегает к подобным рискованным методам, не видать ему полного командора как своих ушей.

— Правда на вашей стороне, Уланфу. Сознаюсь, у меня был соблазн побродить по ночному Риму, посмотреть, как народ развлекается.

— Так за чем же дело стало? Мы с вами можем подъехать в центр и заглянем в какой-нибудь кабачок. Там у вас будет возможность понаблюдать за моими соплеменниками в натуральной обстановке.

Этот скромный чиновник не так прост, как показалось. Впрочем, много к нему и не приставили бы.

Центральная часть столицы немногим отличалась от других районов, где ему уже довелось побывать. Те же просторные улицы, добротные многоэтажные дома, разве только более причудливой архитектуры, залитые светом витрины магазинов, цветастая торговая реклама. Все по-своему привлекательно, но безлико, лишено индивидуальности. Тропинин со вздохом вспомнил тот, первозданный Рим с его узкими улочками, Колизеем, базиликой Святого Петра, аркой Тита, виллой Боргезе, фонтанами Бернини... Беда гермеситов, что им недоступно лицезреть эту бессмертную красоту; оторвавшись от родной почвы, они потеряли право на свое прошлое.

Уланфу предложил заглянуть в ресторан под вывеской «Вам у нас понравится». Ниже было начертано: «5×5».

Тропинин вопросительно взглянул на своего спутника. Тот пояснил, что в заведениях, предназначенных для матов, таким образом оповещают о качестве обслуживания и, естественно, цене, которую вы должны за него платить. Самые дешевые носят символ: «Дважды два», самые дорогие — «Семью семь».

— Значит, вход сюда для прочих заказан?

— Отнюдь, сейчас вы сами в этом убедитесь. Просто

такие ресторанчики служат местом общения для людей какого-то клана. Химики предпочитают встречаться в своих, обозначаемых символом «H₂O», у агрономов символ «Зерно» и так далее. Но, повторяю, вход для всех и повсюду свободен.

Почему бы и нет, подумал Тропинин. Были же на Земле итальянские, китайские, японские рестораны с национальными блюдами.

— А что, — спросил он, — у вас и кухню растащили по кланам?

— Да, у каждого свои гастрономические вкусы и пристрастия, хотя от такого многообразия все только в выигрыше.

— Уланфу, — сказал Тропинин, — я не оскорблю вашего патриотизма, предложив зайти в другой кабачок, скажем, к тем же химикам?

Гермесит явно смутился.

— Не обижайтесь, — добавил Тропинин, — но мне захотелось отведать чего-нибудь химического. Например, синтетических котлет или газового компота.

— Вы не подозреваете, насколько близки к истине, — со смехом сказал Уланфу. — Ну, ладно, рискнем. Но предупреждаю, у химов самая острая пища, они обожают всевозможные приправы.

Им не стоило труда разыскать заведение с маркой «H₂O» и завлекательным названием «Заходите, не ошибетесь». Здешние рестораторы были горазды на выдумку, вот, пожалуй, что можно перенять у гермеситов в порядке возмещения за секреты космоплавания. Почему, однако, Уланфу сказал «рискнем». Только ли из-за пикантности кухни химов?

Внутри было довольнолюдно, свободных столиков не нашлось, и им пришлось подсесть к молодой паре, выяснявшей отношения и потому встретившей посторонних без восторга. Юркие роботы-официанты сновали между столиками, разнося заказанные блюда. Из аппарата, напоминавшего стационарный магнитофон, лилась

тихая музыка, и несколько пар танцевали на маленькой круглой площадке. В центре зала журчал небольшой фонтанчик, подсвеченные струйки воды отливали всеми цветами радуги. Помещение освещалось приглушенным светом развешанных по стенам фонариков, в нем было тепло и уютно.

Прислушавшись, Тропинин пришел к заключению, что все посетители разговаривают без помощи апов и, следовательно, относятся к клану химов. Он поделился своим наблюдением с Уланфу. Тот утвердительно кивнул и посоветовал в порядке эксперимента на минуту выключить автопереводчики. Ощущение было до крайности необычным. Привыкая к апу, вы воспринимали его внятный шепот как своего рода внутренний голос, он отвлекал от посторонних звуков, делал их почти неразличимыми. Отключив прибор, можно было четко слышать чистую иноклановую речь. В обрывках доносившихся до него фраз Тропинин улавливал формулы элементов, повторяемые в разных сочетаниях. Их сосед с раздражением говорил своей спутнице:

— Электролитическая диссоциация здесь ни при чем. Нужен люминесцентный анализ, и термостойкие полимеры адсорбируются. Я ведь не изотоп с низким атомным весом. Будь, наконец, валентной. Некомплексные соединения изометричны.

А она отвечала:

— Флогистон. Трансурановый элемент катализируется, а в результате одни коллоиды да дисперсные системы.

Поежившись, Тропинин включил свой ап и подумал, что без этого благословенного механического толмача жизнь на Гермесе была бы невыносимой. Пока он занимался лингвистическими опытами, его спутник обсудил с метром меню, и через несколько минут перед ними были расставлены обильные закуски, а к ним подана бутылка вина. Разлитое по бокалам, оно оказалось ядовито-зеленого цвета. Заметив, что гость смо-

трет на него с некоторым подозрением, Уланфу рассмеялся.

— Но тревожьтесь, это не серная кислота, а кормить нас здесь намерены не химикалиями. Отведайте, уверен, что пища химов придется вам по вкусу.

Ужиная и обмениваясь с Уланфу оценками сравнительных достоинств земной и гермеситской кухни, Тропинин краем уха прислушивался к разговору соседей. Насколько можно было понять, молодому человеку предложили интересную работу в исследовательском институте, но подруга или жена настойчиво отговаривала. Тропинин горячился, доказывал, что может упустить благоприятный шанс, всегда чувствовал призвание к научной деятельности, вне всяких сомнений, сумеет прославиться каким-нибудь сногшибательным открытием. Она отвечала, что верит в его способности, но, перейдя в институт, он потеряет выгодное место в фирме, кроме того, ему не следует быть эгоистом и забывать об их ребенке, который скоро появится на свет, а открытие можно сделать и в производственной лаборатории, где он сейчас трудится.

Извечная жизненная ситуация, повторяющаяся миллиарды раз на всех обитаемых мирах и во все эпохи, подумалось Тропинину. Он потерял интерес к этой банальной истории и перенес внимание на большую компанию, которая сидела за банкетным столом и вела себя все более шумно.

— Свадьба, — пояснил Уланфу. Почему-то он говорил здесь вполголоса. Вероятно, чтобы не привлекать внимания к чужой речи.

Невеста была как невеста — в белом кружевном платье и под фатой. Жених как жених — в черном костюме и сорочке с накрахмаленным воротником. Вообще Тропинин заметил, что гермеситы сохранили многие традиции и формы бытового уклада, вывезенные из XXI земного века. Технический прогресс не сопровождался у них радикальной ломкой образа жизни, и еще

неизвестно, хорошо это или плохо. Если б мне пришлось вновь пережить брачный обряд, решил Тропинин, я бы предпочел видеть свою невесту в праздничном платье, а не в джинсах и вельветовой курточке.

Впрочем, какое значение имеет вся эта символика, если мужчину и женщину сводит призрачное, хилое чувство, неспособное выдержать жизненные испытания? Он с горечью вспомнил свое последнее свидание с женой, когда вышло наружу копившееся годами отчуждение и они обменялись резкими обидными словами, после которых стыдно и больно смотреть друг другу в глаза. Конечно, можно было предотвратить окончательный разрыв, согласившись навсегда расстаться с космосом. Но принести такую жертву было выше его сил. К тому же, отказавшись от того, что Тропинин считал своим призванием, делом жизни, он всегда видел бы в жене виновницу своего несчастья. Нет, ненадолго хватило бы согласия, обретенного столь непомерной ценой.

Итак, он поступил правильно. Тогда почему же вновь и вновь ему приходится убеждать себя в этом? Почему всякий раз, когда он видит счастливую пару, приходят на память не первые солнечные дни его любви, а мрачная сцена прощания? Откуда это неизбывное ощущение вины перед женщиной, с которой он легко расстался десять, нет, девять с половиной лет назад, а главное — сочувствие к самому себе? Сколько ни думай над этими проклятыми вопросами, на них не найти ответа.

Тропинина отвлек от грустных размышлений шум за банкетным столом. Речь держал пожилой человек с брюшком. По тому, с каким подобострастием ему внимали, подхватывая аплодисментами каждый его пассаж и бурно откликаясь на остроты, нетрудно было понять, что это важная персона, исполнявшая роль свадебного генерала.

— Мои юные друзья, — говорил он, наслаждаясь

своей властью над аудиторией, — любите друг друга, плодитесь, наслаждайтесь жизнью, но никогда не забывайте, что вы химы. Нашей науке по праву принадлежит пальма первенства в делах человечества, от нас с вами в огромной, я не побоюсь сказать даже — в решающей мере зависит его благосостояние. Кто создает неизвестные природе искусственные материалы, служащие вещественной основой современной цивилизации? Мы, химы. Кто снабжает его топливом и даровой энергией? Мы, химы. Кто дает сельскому хозяйству удобрения, без которых была бы невозможна «зеленая революция»? Опять-таки мы, химы.

Слушатели взвинтились до такой степени, что теперь хором, как припев, подхватывали сакраментальный рефрен: «Мы, химы!»

Сделав паузу, оратор продолжал:

— Конечно, могут сказать, что во всех этих достижениях есть доля и других кланов...

— Ничтожная! — раздался выкрик.

— Не будем несправедливы, не в наших обычаях возвеличивать себя за чужой счет...

— Долой матов! — выкрикнул тот же голос. Уланфу заерзал и с беспокойством взглянул на Тропинина.

— Но мы и не позволим никому принизить собственный неоценимый и, к прискорбию, неоцененный вклад в процветание нашего любимого Гермеса!

Буря аплодисментов покрыла эти слова. Все посетители ресторана повскакали со своих мест и, окружив «генерала», выражали ему свое одобрение. Одни только соседи Тропинина и Уланфу остались на месте, занятые своими пререканиями. Это не замедлило привлечь внимание разошедшихся химических патриотов. Один из них, плюгавенькая плешивая личность неопределенного возраста, подскочил к столику и с угрозой сказал:

— А вас, синьоры, как я вижу, не воодушевляют наши чувства!

— Что вы от нас хотите?

— Я хочу знать, почему вы не присоединяетесь к своим братьям?

— Мы не слышали, о чем там у вас идет речь.

— Хорошо, я поясню: речь шла о значении нашего клана и о том, что его роль остается недооцененной.

— Согласен с тем и другим. А теперь оставьте нас в покое.

— Нет, я тебя не оставлю в покое, паршивец! Встать!

— Вы не смеете... — начала побледневшая спутница молодого человека.

— Молчи, козявка! — прикрикнул агрессивный хим. — Встать!

Тропинин, с возмущением наблюдавший за этой дуэлью, испытал острое чувство разочарования, увидев, как хорошо сложенный и крепкий на вид парень стал медленно подниматься по приказу плюгавенького. Но поторопился с выводами. Выпрямившись, молодой человек развернулся и дал своему оскорбителю такую оплеуху, что тот охнул и свалился на пол.

Со знакомым воплем «Наших бьют!» ему на подмогу поспешило полресторана. Они накинулись на молодого человека и стали методически его избивать. Жена встала на защиту и расцарапала лицо одному из нападавших. Принялись и за нее. Официанты испуганно жалась к стенам, прибежавший метр тщетно пытался урезонить посетителей, угрожая вызвать полицию. Кто-то рывкнул на него: «Заткни пасть, чучело!» — и двинул ногой по металлическому корпусу. Робот рухнул, придавив стоявшего плюгавенького.

— Помогите! — взывала молодая хима.

Уланфу схватил Тропинина за руку и прошептал ему на ухо:

— Нам надо немедленно уходить.

Посол презрительно на него покосился, выдернул руку и почему-то с тем же воинственным кличем «Наших

бьют!» бросился на помощь даме. («Плевать на космические последствия и полного командора».) Ввязавшись в бой, он вывел из строя одного из агрессоров ударом под дых, а другого телепатическим приемом, подхватил на руки лишившуюся чувств химу и усадил ее на стул. Тут же на него навалились еще с десятка разъяренных энтузиастов.

— Остановитесь! — заорал благим матом Уланфу. — Что вы делаете, это же землянин!

— Да здесь мат! — обрадовались участники свадебного пиршества. — Бей его!

И чиновник Великария получил свою порцию тумачков. Но его вопль не остался неслышанным. «Генерал» поднял руку и зычным голосом отдал команду прекратить свалку. Мгновенно воцарился порядок, все вернулись на свои места, крича и зализывая раны. Пощупав лицо, Тропинин решил, что счастливо отделался: нос и уши были целы, слегка побаливало плечо. Под правым глазом Уланфу образовался синяк с яблоко величиной. Роботы хлопотали вокруг пострадавших, более всего — плюгавенького и молодого человека.

«Генерал» подошел к Тропинину, вежливо поклонился.

— Я приношу извинения за случившееся и хочу надеяться, что вы не станете судить о гермеситских нравах по этому досадному эпизоду. Ребята немного перебрали. Вы не ушиблись, легат?

— Пустяки, — ответил Тропинин. — Вот эти бедняги действительно нуждаются в помощи.

— Мы позаботимся о своих коллегах. Не окажете ли нам честь принять участие в свадебном торжестве? Приглашение относится и к вам, синьор, — обратился он к тихо скулившему от боли Уланфу.

— Благодарю вас, однако с меня достаточно, — сказал Тропинин. — Я убедился, что химы умеют постоять за честь своего клана.

— Не так ли? Они, правда, чуть погорячились, но

поверьте, если б кто-нибудь мог предположить, что вы окажетесь среди нас... Вы не представляете, сколь широкий интерес вызывает ваше пребывание на Гермесе. В прессе опубликован отчет о вашей встрече с Великим математиком, ее итоги внушают надежду, что у нас с Землей установится доброе взаимовыгодное сотрудничество. Я и сам рассчитываю когда-нибудь побывать на нашей прародине.

— Милости просим. Вам будет оказано такое же гостеприимство, какое оказывается здесь нам, землянам.

«Генерал» пропустил двусмысленность мимо ушей, проводил знатного гостя до порога, рассыпался в уверениях и на прощание даже подарил послу значок, дающий право входа в профессиональные клубы химов.

Уланфу выглядел совсем убитым, и Тропинин его пожалел:

— Не беспокойтесь, о нашей эскападе я ни словом не обмолвлюсь вашему шефу. В конце концов, я сам был ее инициатором.

— А если распространится слух?

— Этот самовлюбленный олух и его компания тоже заинтересованы не выносить сор из избы. Полагаю, если история выплывет наружу, им не поздоровится?

— Еще как, подай я рапорт...

— Но вы этого, разумеется, не сделаете, — перебил Тропинин.

Уланфу кивнул.

— Да, но мой глаз! — опять запечалился он.

— Возьмите на пару дней бюллетень или прикройте синяк пластырем. Скажете, выскочил чирей.

Уланфу окончательно успокоился.

— Я так рад, легат, что сопровождать вас доверили именно мне. Вы такой необыкновенный человек!

— Обыкновенный. А скажите мне честно, Уланфу, такие стычки часто у вас случаются?

Уланфу оглянулся, чтобы убедиться, что за ними

никто не подсматривает, и утвердительно кивнул. Вид у него был виноватый, словно он совершал государственное преступление.

— И клановый шовинизм?

— И клановый шовинизм, — осмелился признать Уланфу, правда, чуть слышным голосом. Но тут же спохватился: — В целом отношения между кланами...

— Я знаю, превосходные. Как и внутри кланов.

— Не понимаю, легат.

— Прекрасно понимаете, дружище. Мы ведь с вами участвовали только что не в межклановой, а во внутриклановой драке.

Уланфу промолчал.

7

Ровно через полчаса после того, как Ром с Улой покинули мантуанскую префектуру, у ее ворот остановились четыре запыленных автомобиля. Поспешно высадившаяся из них группа мужчин во главе с высокой костлявой женщиной потребовали у привратника немедленно провести их к префекту. Тот вышел им навстречу и пригласил в кабинет.

— Я Марта Капулетти, это квестор Вероны и представители городских общин матов и агров.

— Мое почтение, синьоры. Чем могу служить?

— Вот предписание провинциального суда, обязывающее вас передать нам задержанных вчера мою дочь и Рома Монтекки.

Префект взял предписание и повертел его в руках.

— Какая жалость! — сказал он с огорчением.

— В чем дело? Документ оформлен по всем правилам? — встревожился квестор.

— Я бы вам и на слово поверил, коллега. Но вот беда...

— Говорите же! — властно сказала Марта.

— Понимаете, — протянул префект, — беда в том, что их здесь больше нет.

— То есть как?

— Мне самому показалась подозрительной эта разноклановая парочка. Но пришлось их отпустить за отсутствием состава преступления. Закон есть закон, — вздохнул префект, словно хотел сказать: «Черт бы его побрал!»

— Однако они были задержаны по обвинению в нарушении права собственности.

— Верно, квестор, верно. К сожалению, обвинение не подтвердилось. Я получил свидетельство, что хозяин дома Ферфакс сам предложил им обосноваться у него и с этой целью даже оставил дверь незапертой.

— Ну, бог с ним, с домом, но вы должны были получить объявление, требующее задержать Монтекки за похищение моей дочери.

— Да, синьора, когда вы входили, я как раз с ним знакомился. Какой негодяй! Предчувствие меня не обмануло. Знаете, просидев в этом кресле двадцать лет, начинаешь нутром чувствовать преступника.

— Что не помешало вам отпустить его с миром?

— Увы, синьора, — сокрушенно развел руками префект, — все тот же закон. Если б я только догадался раньше разобрать почту!

Марта была вне себя.

— Вы за это ответите! — заявила она запальчиво.

— Не советовал бы разговаривать со мной в таком тоне, — жестко ответил префект.

— Синьора нервничает, — вмешался квестор, — не обижайтесь. От вас многое зависит. Они не могли уйти далеко, велите поднять на ноги все ваши наличные силы, и мы их схватим.

Сообразив, что префект может быть полезен, Марта сочла за лучшее изменить тактику:

— Извините меня, вы понимаете, материнское сердце...

— Конечно же, я вас понимаю! — с жаром воскликнул префект. — Не будем терять времени.

Он включил селектор и отдал необходимые распоряжения. Стая полицейских роботов кинулась разыскивать беглецов. Они разделили на квадраты весь прилежащий район и принялись методически его прочесывать, заходя в каждый дом и осведомляясь, не просила ли здесь приюта молодая пара. Префект лично руководил операцией, а Марта Капулетти сопровождала его в роли комиссара.

...Взявшись за руки, Ром и Ула вышли из префектуры. Положение у них было незавидное: некуда идти, некого просить о помощи, появляться в общественных местах рискованно — Рома могут узнать и задержать. Они посмотрели друг на друга и грустно улыбнулись.

Оставалось одно — связаться со Сторти по автомату. Сторонясь людей, пугаясь каждого встречного, они отыскиали стоявшую в стороне телефонную будку, забрались туда вместе, и Ром набрал номер. Послышались отбойные гудки. Он повторил вызов — результат был тот же. Тогда Ром набрал другой номер.

— Домой? — тихо спросила Ула. Он кивнул, моля бога, чтобы к телефону подошла мать. Но услышал голос отца и аккуратно положил трубку на рычажок.

Рому хотелось приободрить Улу: ничего страшного, надо переждать и через некоторое время повторить звонок. Сторти, по своему обыкновению, отправился закупать провизию и наверняка будет дома. Он положил руку на плечо своей подруги и заметил, что та с расширенными от ужаса глазами смотрит на дорогу. По ней в направлении префектуры неслась автокавалкада.

— Это за нами, — прошептала Ула.

— Почему ты так думаешь?

— Наша машина.

— Ты не могла ошибиться?

Она выразительно взглянула на него.

— Я езжу на ней с детства.

Надо спастись. Теперь их последний шанс, рассудил Ром, раствориться в толпе и попытаться найти укрытие где-нибудь в закоулках старого города. Он увлек Улу за собой, они побежали.

На улице было довольно много прохожих, которые останавливались и поглядывали им вслед. Но Ром уже не обращал внимания, стремясь как можно скорее уйти от опасной близости с префектурой, прорваться к центру. Казалось, цель близка, но в этот момент впереди появилась шеренга полицейских роботов. Они свернули в переулок и остановились, тяжело дыша.

— Ром, милый, у меня больше нет сил, — жалобно сказала Ула.

Ничего не говоря, он потащил ее к подъезду ближайшего дома и позвонил в первую попавшуюся дверь. Послышалось шарканье, и старческий голос спросил:

— Кто там!

— Девушке плохо, нужна срочная помощь.

После секундного размышления старик прошамкал:

— Сошалею, но ничем не могу помочь. Вам надо обратиться в клинику.

Ром не стал пытаться судьбу вторично. Они поднялись на последний этаж и присели на ступеньке. Авось преследователи не станут осматривать все дома. Увы, надежда не оправдалась. Минут через десять внизу послышался шум: полиция проверяла каждую квартиру. В отчаянии Ром схватил Улу на руки и позвонил в одну из дверей на лестничной клетке. Дверь открылась, на пороге стоял седой худощавый человек в очках.

— Моей жене плохо, за нами гонится полиция, укройте нас, — пролепетал он и добавил: — Мы ни в чем не виноваты, клянусь вам.

Седой пристально посмотрел Рому в глаза, перевел

взгляд на Улу и отстранился, приглашая их войти. Он захлопнул дверь, провел Рома в комнату и молча указал на огромный платяной шкаф.

Несколько минут спустя раздался звонок. Хозяин не спеша открыл дверь и впустил префекта.

— Если не ошибаюсь, синьор Дезар?

— Да, префект, вы не ошиблись.

— Мы разыскиваем молодую пару. Они не просили у вас убежища?

— Нет. Хотите осмотреть квартиру?

Префект пожал плечами.

— У меня нет оснований вам не верить.

— Не скажете, в чем их вина?

— А вы любопытны.

— Я фил, моя профессия — постигать людей и мотивы их поступков.

— Они принадлежат к разным кланам и осмелились полюбить друг друга.

— Это страшное преступление, — согласился Дезар.

— Еще бы! Мы будем искать их еще сутки, — сказал префект неестественно громким голосом.

— Удачи вам!

За спиной префекта появилась костлявая дама.

— Увы, синьора Капулетти, и здесь их нет, — сказал он ей с огорчением.

Выждав, пока полиция покинет дом, философ выпустил из шкафа беглецов, привел их на кухню и напоил горячим кофе. Он осведомился, как чувствует себя Ула, и Ром, краснея, признался, что пошел на хитрость, чтобы разжалобить хозяина квартиры. Дезар кивнул, усадил их на диван, погрузился сам в глубокое кресло напротив, набил трубку, раскурил ее и только потом сказал:

— Рассказывайте.

Молодые люди переглянулись: могут ли они довериться совершенно незнакомому человеку, хотя и отнесшемуся к ним великодушно? Дезар угадал их сомнения.

— Говорите, как на исповеди. Я не причиню вам зла, если уж согласился из-за вас проявить нелояльность к властям.

— Позволь мне, Ром, — сказала Ула и, опустив лишь интимные подробности, поведала историю их любви, радостную и печальную. Дезар слушал не перебивая. У него была манера прикрывать глаза веками, временами казалось, что философ погрузился в сон. Но, когда Ула в нерешительности замолкала, он кидал на нее острый взгляд, давая понять, что ждет продолжения.

Ром слушал свою возлюбленную и заново переживал перипетии их одиссеи: первую встречу, свои занятия математикой, памятный матч в мотокегли, сцену у балкона, бегство, приключения в гостинице, оборону дома Ферфакса, ночь в камере мантуанской префектуры. Попытавшись представить, как должна восприниматься вся эта история со стороны, он впервые задумался над ее сокровенным смыслом. Начавшись обыденным образом, события развивались в ней со стремительным нарастанием. Зародившееся у них чувство — сам по себе не слишком приметный факт: кому какое дело до того, что юноша и девушка полюбили друг друга, таких миллионы! Но как песчинка, сорвавшаяся с вершины, оно вызвало обвал, и с каждым днем все больше людей, кто по своей охоте, а кто силою обстоятельств, вовлекается в решение их судьбы. Почему вокруг них бушуют страсти, какое значение имеет для других, поженьтся они и обретут право на счастье или будут навсегда разлучены? Кажется, он начинает находить ответ на эти вопросы.

Ула закончила свое повествование и взглянула на Рома, справляясь, не пропустила ли она что-нибудь важное. Нет, не пропустила, ответил ей Ром глазами. Напротив, помогла мне понять, что мы защищаем не только свое чувство, но и право других любить по собственному выбору. Ах ты моя милая, драгоценное мое существо!

После продолжительного молчания Дезар извлек трубку из рта и произнес непонятную фразу:

— Раньше или позже клубок должен был размотаться, но кто мог предвидеть, с какой ниточки это начнется! — Поймав вопрошающий взгляд Улы, он улыбнулся. — Поговорим по душам позже, а сейчас я хотел бы разузнать, что происходит в мире, и принять некоторые предосторожности.

— Если наше присутствие вас стесняет, скажите откровенно. Мы уйдем сразу, как только кончится облава. — Еще не завершив своей мысли, Ром пожалел о сказанном.

Философ не стал обижаться на это проявление мальчишеской щепетильности.

— Я запру вас на ключ, а вы не откликайтесь ни на какой стук, сидите тихо как мыши. Пользуйтесь всем, что есть в доме, кроме телефона: линию могут прослушивать. И вот еще что: не подходите к окнам.

Опять Ром с Улой оказались пленниками, на сей раз добровольными. Они недолго горевали над своим бедственным положением, прекрасно провели день, наслаждаясь общением друг с другом.

— Знаешь, Ула, нам ведь никто не нужен. Надо было соглашаться на Свинцовые горы. Друзья помогли бы тебе удрать от своей бабки, и мы зажили бы на славу. Я выстроил бы образцовую ферму, растил капусту и пас свиней.

— А я?

— Ты готовила бы обед и нянчила детей.

Вернувшись вечером, Дезар обеспокоился тем, что его гости не подают признаков жизни. Он нашел Рома и Улу на кухне, они склонились над столом, голова к голове, настолько увлеченные своим занятием, что не заметили его появления.

— Над чем вы там колдуете? — спросил философ.

Ром вздрогнул и прикрыл ладонью лежавший перед ним листок бумаги. Ула тоже смутилась.

— Я знаю, что это нехорошо, но Ула учила меня математике, — после некоторых колебаний признался Ром.

Дезар посмотрел на листок, испещренный цифрами, и сказал со вздохом:

— Какие же вы темные, дети мои, сколько дури вбили вам в головы! Ладно, поделюсь новостями. Начну с приятных: я связался из автомата с твоим наставником, и он взялся подыскать для вас убежище в Свинцовых горах.

Ром с Улой переглянулись.

— Вижу, такая перспектива вам по душе. И правильно. Я и сам бы с удовольствием променял городские удобства на чистый горный воздух и одиночество. Там хорошо размышлять над людской глупостью. Сторти взялся также переправить вас на место, заявив, что он теперь крупный спец по части побегов. Хорошего ты выбрал себе наставника, Ром. Конечно, это не так просто будет сделать, если учесть, какой поднялся вокруг вас ажиотаж. Да, вы стали настоящими героями дня, все газеты полны описанием вашей истории, о ней судачат на всех перекрестках. Гермес, кажется, начинает раскалываться на две враждующие партии: тех, кто за ваш союз, и тех, кто против. К сожалению, последних пока намного больше.

— А мои родители? — спросила Ула.

— Твоего отца, девочка, осаждали репортеры, и он им заявил, что не видит ничего страшного, если его дочь выйдет замуж за агра, и готов дать ей свое благословение. Смелый человек, можешь им гордиться. Однако должен огорчить тебя. Веронская община матов предала его остракизму, твоя мать потребовала развода, а когда он, как обычно, пришел читать лекцию в Университет, студенты устроили ему обструкцию. Не плачь, — он погладил ее по голове, — все образуется. Капулетти даже этой своре клановых патриотов не затравить.

Теперь твоя очередь, Ром, крепись. По словам Сторти, в доме у вас был грандиозный скандал. Твоя мать отреклась от своего младшего сына, назвав его подлым доносчиком. Гель... так, кажется, его имя?

Ром не в состоянии был выговорить ни слова. Ах брат, родной брат мой, если что-нибудь с тобой случится, я никогда себе этого не прощу!

— Гель исчез. — Дезар достал платок и начал протирать очки.

— Что-нибудь еще? — спросил Ром с замиранием сердца.

— Да, Ром, да, милый, но ты не горюй, все утрясется.

— Говорите, прошу вас!

— Когда синьор Монтекки узнал о случившемся, ему стало плохо, пришлось вызвать «Скорую». В клинике установили диагноз: инфаркт миокарда. Но непосредственной опасности нет. Ему нужны покой и длительное лечение. Врачи сказали Сторти, что у твоего отца могучий организм, он выживет.

Ром встал с места.

— Я должен ехать к нему.

— Ты можешь так поступить, но в этом случае вам с Улой придется расстаться, и, возможно, навсегда.

Ром опустил на стул.

— Мы поедем вместе, — сказала Ула, — они не посмеют нас разлучить.

— Еще как посмеют! — возразил Дезар. — Родителям вы ничем не поможете, напротив, им будет легче, зная, что вы в безопасности. А себя загубите ни за грош. Стоит вам выйти на улицу — и забудьте друг о друге.

Он встал, выключил свет, подошел к окну, знаком позвал их к себе. У подъезда прогуливался полицейский.

Несколько минут они просидели молча, размышляя каждый о своем.

— Вы правы, синьор, — сказала Ула. — Не знаю,

как мы сможем вас отблагодарить. Мы прокляты, наша любовь приносит всем одни несчастья.

— Какая нелепость! — с непривычным для себя жаром воскликнул философ. — Вы даже не представляете, какая это благодатная и живительная сила — ваша любовь! Положительно, я должен раскрыть вам глаза на самих себя и свою роль в истории Гермеса. Готовы слушать, синьоры студенты?

Не дождавшись ответа удрученной пары, он начал говорить.

— С детских лет вам, как и всем прочим, внушается мысль, что клановая система порождена самой природой вещей и исполнена глубочайшего смысла. В действительности она противоестественна и бессмысленна. Вас убеждают, что гермеситское общество подобно цветущему оазису во вселенской пустыне. На самом деле это болото, оно поросло предрассудками, как застойный пруд порастает мхом. И вы, друзья мои, сами того не подозревая, бросили в него камушек, вокруг которого образовалась лунка чистой воды и начали отходить круги, оттесняя муть к берегам. Мхи живучи, они не терпят просвета в своей массе, будут отчаянно бороться за то, чтобы вновь завладеть всей поверхностью. Но дело их в конечном счете проиграно, ибо под ними чистая вода, питаемая родниками народной мудрости.

Затейливый образ, нарисованный воображением фила, вызвал у молодых людей смутные ассоциации. В то же время обоих смутила та беспощадная откровенность, с какой он отрицал все, во что они верили и чему привыкли поклоняться.

— Я знаю, вам нелегко примириться с мыслью, что порядок, на котором зиждется столь очевидное наше благосостояние, гнил и несправедлив. Но призадумайтесь. Мир, в котором мы живем, беспредельно многолик и контрастен. Все в нем кажется разъятым, словно некое божество, подняв Вселенную, швырнуло ее оземь и она

рассыпалась на кусочки, каждый из которых обрел свою, непохожую на другие, форму существования: органическую и неорганическую, природную и общественную, материальную и духовную. Потом божество начало дробить эти глыбы на осколки, разделив неорганическую, или, как ее с большой условностью называют, мертвую, природу на вещество и волну, жидкость и твердь, а живую, органическую, на флору и фауну. Последняя распалась на пресмыкающихся и млекопитающих, а те на бесчисленные виды, отряды и подотряды, включая венец творения — человека, в котором природа реализовала высшую свою способность: мыслить, то есть осознать самое себя.

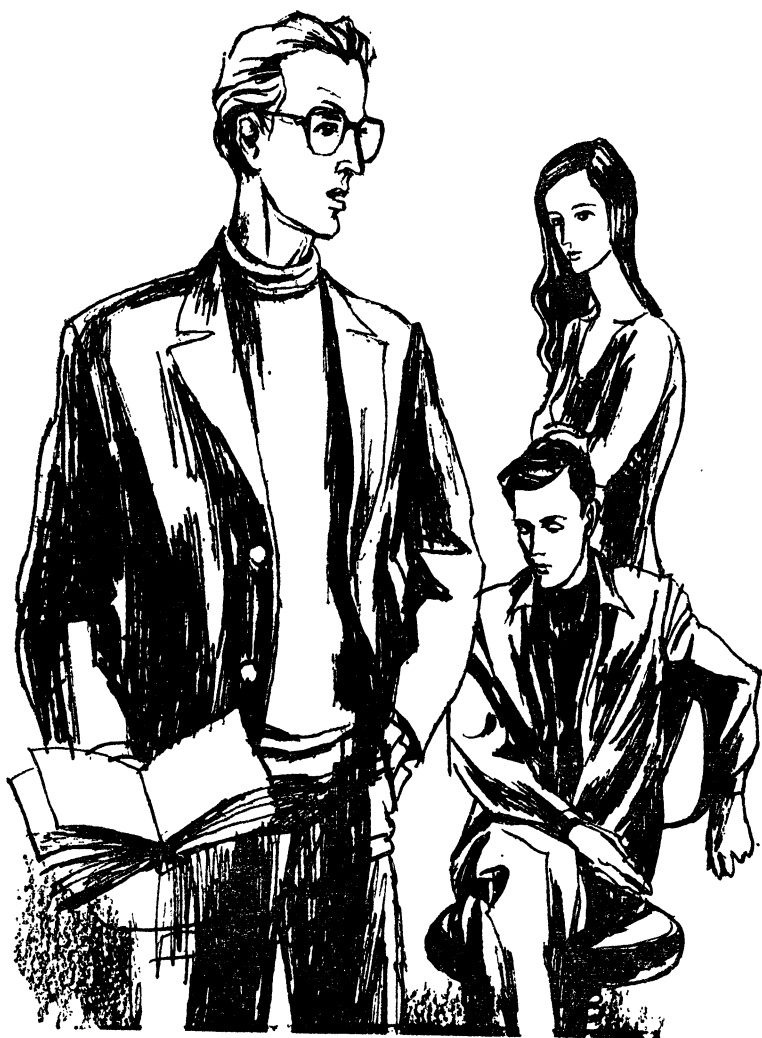
Обретя сознание, человек поначалу принял окружающую его среду за нечто целое и нераздельное. Но, осмотревшись, он убедился, что в каждом ее секторе действуют свои неповторимые закономерности, и начал их исследовать. Первичное знание, *mathema*, — видишь, Ула, откуда происходит название твоей науки! — отражая реальность, раздробилось на отсеки. Чтобы понять устройство мироздания, понадобилась астрономия, постигнуть строение вещества — физика, разгадать секрет жизни — биология. Политическая экономия, которой у нас, на Гермесе, практически не существует, занялась изучением отношений между людьми в процессе производства и обмена, а история взяла на себя запись их деяний, чтобы сохранить для них память о прошлом и передать живущим поколениям опыт ушедших. Агрономия помогла им добывать средства пропитания, а целая семья технических наук — создавать и совершенствовать «вторую природу», от простого колеса до электронного мозга.

Но чем глубже мысль человеческая проникает в детали, тем больше она утрачивает общую перспективу. Тут ничего не поделаешь: за каждое приобретение приходится расплачиваться какой-то потерей. Уже древние мыслители на нашей прародине Земле заметили, что

при всем многообразии мира в основе его лежит некая единая материальная субстанция, что различные сферы бытия тысячами зримых и незримых нитей связаны между собой, что наряду с частными закономерностями, которые определяют устройство этих сфер, существуют универсальные, обнимающие весь социальный организм, всю природу и даже Космос в целом. Разгадать их составляет цель моей науки — философии.

Универсальность бытия, чтобы быть адекватно, то есть правильно, точно понятой, требует универсальности сознания — вот, пожалуй, величайший вывод, к которому человечество пришло в итоге длительной эволюции. Такая универсальность составляет условие и гармонического развития самого человека. Но как достичь этой заветной цели? — вот вопрос. На заре цивилизации отдельные гении вроде Аристотеля, Леонардо, Гёте, Ломоносова, Гумбольдта еще в состоянии были объять необъятное. Позднее это стало просто невозможным. Даже философия, по смыслу своему призванная служить инструментом обобщения и синтеза, настолько разветвилась и обогатила свои кладовые, что сколько-нибудь серьезное овладение ею стало нуждаться в глубокой специализации, требующей целой жизни без остатка. Притом овладение даже не всей наукой, а лишь одним из ее направлений — онтологией или гносеологией, логикой или историей философских учений.

Оставалось одно: с раннего детства давать каждому основательное представление о всех основных науках, а главное — формировать широту мышления, чтобы позднее, когда человек начинает специализироваться, его не покидал живой интерес ко всему, что происходит за пределами его профессии. Вы можете сказать, что нечто подобное есть и у нас. Но так называемые «смежные знания», преподаваемые в гермеситских школах, — это жалкое подобие обширной программы, позволяющей землянам избежать односторонности и обладать солид-

ной эрудицией, оставаясь первоклассными профессионалами.

Однако и здесь существует граница, которую нельзя переступать. Как я уже говорил, углубляясь в детали, теряешь перспективу. Но есть и обратная сторона дела — стремясь охватить взглядом общую картину, упускаешь из виду частности, нередко весьма важные. На практике подобный подход чреват снижением уровня профессионального мастерства, и чрезмерное увлечение им раньше или позже привело бы общество к упадку.

Проблема приобретает тем более острый характер, что развитие науки, нарастание объема информации неизбежно сопровождаются дальнейшим углублением специализации, которая разобщает людей, усиливает отчуждение между ними, разделяет их на обособленные профессиональные группы. Что же может противостоять этой грозной опасности? Только искусство. Знаете ли вы что-нибудь о нем?

— Разумеется, — ответил Ром, — у нас часто говорят «искусный земледelec», «искусный садовод».

— Да, это рудиментарное, остаточное употребление слова. Оно означает в данном случае «умелый», «мастер своего дела». Я же веду речь о другом — об искусстве как отображении мира в художественных образах! Подавляющее большинство гермеситов не имеет о нем никакого представления, потому что у нас его нет, если не считать архитектуры и примитивной танцевальной музыки, которую сочиняют и исполняют машины.

— Значит, существует другая музыка? — спросила Ула.

— И не только музыка, но также живопись, скульптура, литература, художественный кинематограф и телевидение.

— Телевидение? — удивился Ром. — Да ведь мы каждый день смотрим передачи.

— Верно, но лишь документальные и учебные. Худо-

жественные программы нечто совершенно иное. Ты понимаешь, Ром, что я, как и вы, никогда их не видел и могу судить об этом только по вывезенным с Земли старинным книгам, которых сохранилось немного, да и те находятся под запретом. Может быть, когда-нибудь вам посчастливится увидеть, как это выглядит. А вот поэзия...

— Поэзия? Какое странное слово.

Дезар собрался было растолковать, что оно значит, но передумал, подошел к книжному шкафу и извлек из него дряхлый, пожелтевший от времени томик. Бережно раскрыв его, он начал читать нараспев, словно молитву:

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит,
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим,
Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Не рассчитанные на стихи апы передали подстрочный перевод. Но столь необычно и чарующе прозвучала их рифмованная мелодика, столь тонкой и благородной была заложенная в этих лаконичных строках мысль, что Ула и Ром сидели как замороженные. Они попросили Дезара продолжать, и долго еще молодые гермеситы с восторгом внимали песням русского поэта, отделенного от них невообразимым временем и пространством.

— Вы раскрыли перед нами целый мир, — с чувством сказала Ула. — Господи, до чего же мы невежественны!

— Признаться, я не понял половины из того, что вы говорили, синьор Дезар.

— Догадываюсь, Ром. Но, думаю, вы поняли главное: доведя профессионализм до абсурда, выбросив за борт искусство, основатели нашего общественного строя

обрекли гермеситов на убогую жизнь. Я уж не говорю о прелестях профессионального кланизма. Испытав их на собственной шкуре, вы сами сумеете дать этому благословенному принципу надлежащую оценку.

— Кто вы? — неожиданно спросил Ром. Дезар смутился.

— Я философ, ты уже знаешь, представитель вымирающего клана. Не численно, нет. Филос у нас более чем достаточно, а вот истинных философов, увы, остались единицы.

— Я не о том. Простите, не хочу оскорбить вас, но отец рассказывал, что существует какая-то секта, выступающая против профессионального кланизма. Не помню, как она называется. Он говорил, что ее члены — самые злостные преступники.

— Тебе пришло в голову, что и я вхожу в эту секту? Кстати, они так себя и называют: универаами.

Ром смущенно кивнул.

— Какой ты нескромный, — упрекнула его Ула. — Извините его, он ведь темный агр, — пошутила она, чтобы как-то разрядить обстановку.

— Почему же, я люблю прямых людей. Нет, дружок, я не принадлежу ни к каким сектам, потому что вообще не верю в бога.

8

Весь следующий день Ула и Ром провели со своим новым другом, набираясь мудрости и открывая для себя вещи, о которых не имели никакого понятия. Они были буквально оглушены этой стремительной атакой на предрассудки, укоренившиеся в их сознании, инстинктивно сопротивлялись, чтобы в конце концов уступить одну позицию за другой и позволить себя переубедить. Обращая молодых людей в свою веру, или, вернее, безверие, философ радовался тому, что тяжелая мыслительная работа отвлекала их от горьких размышлений

о судьбе близких и собственном будущем, казавшемся беспросветным.

Поздно вечером в дверь позвонили, и Дезар впустил в квартиру толстую блондинку неопределенного возраста с ярко накрашенными губами и размалеванными щеками. Ула и Ром были удивлены, когда он предложил им выйти из своего убежища на кухню и познакомиться с его вульгарной гостьей.

— Синьора Петра, — представил он.

— Очень приятно, — сказала дама, пожимая руку Рома с кокетливой ужимкой. — Обожаю красивых молодых мужчин. — Затем она фамильярно потрепала Улу по щеке, что та восприняла без восторга.

— Синьора взялась вывезти вас из города и доставить в безопасное место, — объяснил Дезар.

— При том условии, что назначенная сумма будет выплачена заранее.

— Аванс вы получили, а остальное — по завершении операции.

— Цены безбожно выросли, помидоры нынче на рынке шли по двадцать сестерций, а о мясе и сказать страшно.

— Ну и что?

— А то, — нагло заявила блондинка, поправляя гигантский шиньон на голове, — что не мешало бы прибавить.

— Позвольте, вы дали согласие...

— Да, но до рынка. Кроме того, я рискую своей незапятнанной репутацией.

— В таком случае мы отказываемся от ваших услуг. До свиданья, синьора, и не забывайте, что вы обязались держать язык за зубами.

— Именно за это я оставляю у себя аванс. Мое почтение, молодые люди. — Она сотворила подобие книксена с грацией мула и мелкими шажками засемила к выходу.

Ром и Ула с удивлением наблюдали за этой сценой.

Неужели философ решился доверить их судьбу такой особе? И тут вдруг Рома озарило.

— Да это же наш ячменный бочонок! — воскликнул он.

— Ты таки узнал, негодный, — сказал Сторти, снимая с себя парик. И бросился обнимать молодых, уделив предпочтение Уле.

— Я всегда знал, что у меня выразительная спина, — сказал наставник с гордостью. — Придется показывать полиции только фасад. Но в целом испытание прошло успешно.

— Для чего понадобился этот маскарад?

— Я думал, ты умнее, сын мой. За мной установлена слежка, и не превратись я в прекрасную даму, так только навел бы на вас сбиров*.

— Как отец? — с тревогой спросил Ром.

— Потихоньку поправляется, не беспокойся. Что до твоей матери, то ей пришлось пожертвовать тремя своими платьями, чтобы одеть синьору Петру.

— Что за дурацкое имя?

— Прошу не оскорблять моих чувств, — возмутился наставник, теперь уже, правда, бывший. — Так звали мою первую возлюбленную. Какая была дива! Души во мне не чаяла. До сих пор пишет прелестные письма.

— А Гель?

— О нем пока ничего не известно. Не жалею, — жестко сказал Сторти, — он того не стоит.

Рому горько было слышать такой бескомпромиссный отзыв о своем брате от мягкого и великодушного Сторти, но он не стал возражать. Даст бог, Гель возьмется за ум, материнская отповедь не может пройти для него бесследно.

— Ну а сам ты, дружище, как твои дела?

— Превосходно. Меня наконец выставили из Университета, чего я давно и безуспешно добивался. Я те-

* Полицейские (итал.).

перь вольная птица, начну по твоему примеру изучать математику или стану философом, как наш любезный хозяин.

— Насколько я могу судить, вы философ от природы, — сказал Дезар.

— Мерси, синьор, за комплимент, хотя, будучи агроном, я должен был возмутиться.

— Сторти, милый, мне так стыдно, что из-за нас вы лишились своего места, — сказала Ула.

— Не тревожься, девочка, я не пропаду. Не будем говорить об этом, сейчас у нас дела поважнее. — Он сходил в переднюю, принес оттуда саквояж, распахнул его и сказал Рому: — Вот, облачайся.

— Что там?

— Платье для племянницы синьоры Петры.

— Как, ты и меня хочешь обрядить?

— Тебя в первую очередь. Надеюсь, ты не забыл, что твоя физиономия известна всему Гермесу?

— А как же я? — спросила Ула. — Меня ведь тоже могут узнать.

— Принцип маскировки прост: тебя мы выдадим за моего племянника. Так что вы с Ромом будете брат и сестра, не вздумайте обниматься на публике. Ром, отдай ей свои штаны.

— Но я утону в них, — запротестовала Ула.

— Что-нибудь придумаем. Я захватил кучу булавок. Поражаюсь собственной предусмотрительности.

Переодевание заняло много времени, сопровождаясь смехом и шутками. Наконец философ, придирчиво осмотрев дородную синьору, которая решила провести с племянниками отдых в Свинцовых горах, нашел, что можно рискнуть.

— Однако, на чем мы поедем, ведь твоя тархтелка, Сторти, приказала долго жить?

— Никогда тебе этого не прощу. Ее безвременная гибель оставит в моем сердце незаживающую рану.

— Вы поедете на машине моего приятеля теа, ко-

тому можно абсолютно доверять, — сказал Дезар. — Что ж, простимся, и пусть судьба будет к вам благосклонна.

— Мы никогда не забудем вас, синьор, — сказала Ула, целуя его в щеку.

— И я вас, друзья. Благодаря вам мне довелось, может быть, впервые в жизни не только рассуждать о пользе благих дел, но и самому совершить нечто полезное.

Потихоньку выбравшись из дома, они погрузили в багажник чемодан со съестными припасами, которыми снабдил их Дезар, чтобы не было нужды останавливаться в мотелях. За рулем сидел пожилой невзрачный человек, который молча пожал им руки, не став представляться, и погнал машину с места в карьер.

Путники благополучно миновали наиболее освещенную и людную часть маршрута и, казалось, могли вздохнуть с облегчением, но у самой городской черты их ожидал неприятный сюрприз: здесь спешно была сооружена застава — явление, до сих пор невиданное на гермеситских дорогах. Положительно, невинное чувство двух юных существ стало истоком целой цепи неожиданных следствий и грозило изменить весь образ жизни на планете.

Полицейский робот внимательно осмотрел водомобиль, не нашел ничего подозрительного и потребовал документы. Сторти разъяснил ему, что они выехали прокатиться, а в таких случаях брать с собой паспорта глупо. Сбир заколебался. Сторти сначала попытался заговорить его, но не учел, что имеет дело с механизмом, которого, как человека, на мякине не провести. Потом он решил взять напором и наорал на робота, обозвав его металлической дубиной. На того, привычного к подобному обращению со стороны высшей расы, ругань не подействовала. Их шумное препирательство привлекло внимание высокого, ладно скроенного человека в форме, осматривавшего другой экипаж, въез-

жающий в Мантую. Когда он подошел поближе, Ром и Ула, похолодев, узнали префекта.

— В чем дело, шестьдесят четвертый? — осведомился он.

— Пассажиры отказываются предъявить паспорта, ваша честь, — отрапортовал робот.

Сообразив, что перед ним большой начальник, Сторти взял дружески-почтительный тон.

— Ради бога, синьор, объясните этому ревностному служаке, что нормальные люди, отправляясь подышать, не заботятся брать с собой документы на случай встречи с полицией.

— Кто вы?

— Я римская матрона, а эти двое малюток — дети моей покойной любимой сестры. Вы не представляете, какой души была эта женщина! Мой муж, занимающий в столице крупный пост, не раз предлагал ей помощь, но она наотрез отказывалась, заявляя, что сама вырастит своих детей. И каков результат? Заморила себя непосильным трудом. Цены-то сейчас ой как подскочили, нынче у вас на рынке помидоры шли за двадцать сестерций, а о мясе и говорить страшно.

Терпеливо выслушав Сторти, что мало кому удавалось, префект сказал:

— Положим, у вас в столице цены почище. Могу я узнать, к какому клану вы принадлежите?

— Я агр, то есть, разумеется, агрянка, а это мой племянник, — кивнул он на Рома, — и племянница, — на Улу.

— Вы хотите сказать, что это племянница, а это племянник.

— Вот именно, префект, я их вечно путаю, ведь они близнецы.

— Сдается мне, что этих близнецов где-то пришлось видеть, — пробормотал префект. — Не так ли, красавица? — Он пристально посмотрел на Рома.

— Ой, префект, умоляю вас, не заигрывайте с этой

кокеткой, не то она бог весть что о себе вообразит, — поспешил вмешаться Сторти. Краешком глаза он заметил, что водитель нахмурился и, опасаясь, что тот делает какую-нибудь глупость, положил руку ему на плечо. — Вы такой видный мужчина, что будь я на десяток лет моложе...

— Вы и сейчас ничего, — вежливо отозвался префект. Сторти ухитрился зардеться. — Что с вами поделаешь, езжайте с богом. Только в километре отсюда, у мотеля, еще одна застава, там вас все равно задержат. Впрочем, выбирайтесь как знаете. — Он отступил в сторону и дал знак поднять шлагбаум.

Ром подумал, что префект, хотя и юр, тоже философ. И, может быть, даже член секты универов.

Отъехав метров триста, они достали карту и обнаружили, что где-то недалеко от магистрали отходит проселочная дорога. Отыскать ее оказалось нетрудно. Миновав препятствие, водомобиль помчался вперед.

— Ловко я его обвел, — похвастал Сторти. — А ведь это был крепкий орешек. Опытный юр, за версту видать. Понадобилось пустить в ход все мое природное обаяние и незаурядное знание мужской натуры.

Ром не стал его разочаровывать, умолчав о странном поведении мантуанского блюстителя порядка, который трижды их выручил. Ула пожала ему руку — она думала о том же. Вот они и научились понимать друг друга не только без апов, но и без слов.

В дороге путники сделали привал, подкрепились и погнали дальше. Ром и Ула задремали и проснулись, когда машина остановилась.

— Эй, сони, встряхивайтесь, мы прибыли в рай! — весело кричал Сторти.

Они находились в центре небольшой долины — клочка ровной поверхности, окруженного высокими лесистыми холмами, позади которых тянулась гряда

Свинцовых гор. Горы были небогаты рудами и потому не изуродованы карьерами, их название происходило от окраски — белесоватой, с легким оттенком голубизны. Сама же долина зеленела всходами высоких трав, главное ее украшение составлял стекавший с вершин и рассекавший ее надвое полноводный ручей. Природа, казалось, специально сотворила этот уголок для уединения и покоя.

Попрощавшись с молчаливым техом и оглядевшись, Ром и Ула обратили наконец внимание на единственное строение на поляне — небольшой коттедж, у которого остановился водомобиль. Это был двухэтажный кирпичный домик с мансардой и стеклянной верандой, покрытый красной черепицей, судя по свежему виду, только что выстроенный или основательно обновленный. Их несколько удивило, что хозяева не выходили встречать гостей. Кто они, местные жители или состоятельные горожане, проводящие здесь свой отпуск? Легко ли будет найти с ними общий язык?

Из дома вышел Сторти, заносивший туда чемоданы, и, словно догадавшись, какие вопросы волнуют его юных друзей, пригласил их войти внутрь и познакомиться с владельцами. Он показал им гостиную с камином на первом этаже, спальню и комнатуху для гостей на втором. Помещения были обставлены простой добротной мебелью, чисто прибраны и явно не обжиты.

— Где же хозяева? — спросила Ула.

— Потерпи, сейчас я вас с ними познакомлю, — ответил Сторти и повел их вниз, в кухню.

Здесь их ожидал сюрприз: стол был накрыт для завтрака, а стоявший у плиты, где жарились блины, симпатичный робот в белом переднике, на минуту оторвался от своего священнодействия и сердечно приветствовал молодых людей. Он сообщил, что его номер 10614-й, но его можно звать просто Робби. Сторти, потирая руки, поспешил усесться за стол и с ходу про-

глотил три блина, обильно покрывая их сметаной и умащая медом. У Рома и Улы слюнки потекли.

— В чем дело, — спросил наставник, переведя дыхание, — почему вы не садитесь?

— Это и есть владелец коттеджа? — Ром указал на робота.

Тот захохотал.

— Последняя модель, — с гордостью сообщил Сторти. — Умеет не только смеяться, но и плакать. Не знаю, правда, куда слезы заливать, надо посмотреть инструкцию.

— Я управляюсь сам, — обиделся робот.

— Покажи.

Крупные капли покатались по металлическим щекам.

Сторти удовлетворенно хмыкнул, обтер губы салфеткой, поднялся и принял торжественный вид.

— Ром Монтеки и Ула Капулетти, вручаю вам ключи от вашего дома, живите счастливо, и пусть мир всегда царит у вашего очага.

Он подмигнул роботу, и тот преподнес ошеломленной паре ключ.

Ула бросилась на шею Сторти, а Ром, который все еще никак не мог поверить в этот неожиданный дар судьбы, спросил:

— Но объясни, откуда у тебя такие деньги?

— Если б у меня была фантастическая сумма, которую пришлось уплатить за эту райскую обитель, я предпочел бы вложить ее в банк и припеваючи жить на проценты. Увы, Ром, твой наставник нищ. Коттедж выстроила для себя какая-то богатая вдова из Флоренции и согласилась уступить его за двойную цену.

— Так кому же мы обязаны этим благодеянием? Я не уверен, что мы можем принять его.

— Успокой свою совестливую душу, сынок. Недвижимость оплачена двенадцатью талантами серебра, полученными под заклад дворца Капулетти. Боюсь, ему не поздоровится, когда об этом пронюхает синьора

Марта. Так что можете принимать свое гнездо за ове- щественное суперисчисление. А номер десять тысяч шестьсот какой-то, черт бы побрал эту цифирь...

— Шестьсот четырнадцатый, не так уж трудно за- помнить, — заметил робот.

— Если имеешь электронные мозги, — огрызнулся Сторти. — Так вот, это чудо техники, которое стоит почти столько же, приобретен на драгоценности семей- ства Монтеки. Вглядишься в него пристальней, Ром, и ты узнаешь материнское кольцо, серьги с сапфирами, изум- рудное колечко, гранатовый браслет и чего там еще накопили твои бережливые крестьянские предки.

— Отец! — благодарно прошептала Ула.

— Мать! — благодарно прошептал Ром.

— Да, дети мои, вам повезло с родителями, по край- ней мере, с одной их половиной. Но пусть вас не тер- зают угрызения совести. Ценности существуют, чтобы ими пользоваться. Я не скопидом, как вы догадывает- ся, но и у меня были кой-какие сбережения. Поскольку на проценты они не тянули, я решил избавиться от этой обузы.

— Куда же ты их девал?

— Пошли покажу.

Он вывел их другой дверью во внутренний дворик, где стоял новенький миниатюрный грузовичок.

— Вот, возите на рынок капусту и отчисляйте мне долю прибылей. Ну, скажем, десятую часть, по рукам?

Отмахнувшись от горячих изъявлений признатель- ности, Сторти сказал:

— Это еще не все. Видите тот сарай? Пошли погля- дим, что там внутри.

А внутри оказались две породистые лошади, встре- тившие своих новых хозяев веселым ржанием.

— Застоялись, — сказал Сторти, любовно поглажи- вая одну из них по крупу. — А ведь было время, когда я брал все призы на скачках. Однажды...

— И это ты, Сторти?

— Нет. Лошадей поставили Метью и Бен. Ты же знаешь, что их родители коннозаводчики.

Хорошо иметь сто друзей, но когда и чем смогут они расплатиться с ними?

— Я побуду с вами денек, а потом вернусь в Верону, чтобы не возбуждать подозрений.

— Можно нам проехаться верхом? — спросила Ула, с восхищением глядя на лошадей.

— Перестань задавать глупые вопросы и проникнись сознанием, что ты теперь хозяйка фермы. К собственности, правда, привыкают быстро, через пару дней вы будете коситься, если я попрошу разрешения покататься на ваших рысках. Впрочем, отказав своей тетке, ты, дорогой племянничек, — обратился он к Уле, — и ты, любезная племянница, поступите правильно, ибо синьора Петра с ее габаритами способна заездить самого мощного тяжеловоза из тех, какие водятся на Сицилии.

Только сейчас Ула и Ром спохватились, что все еще остаются в маскировочных нарядах. Вдоволь насмеявшись, они переоделись и отправились на прогулку, предупрежденные Сторти не ездить в близлежащие поселения.

Ула оказалась лихой наездницей — как и всех отпрысков знатных фамилий, ее с детства обучили верховой езде. Они основательно познакомились с окрестностями, не встретив ни души, и лишь издалека понаблюдали за отдельными домиками, рассеянными на горных склонах. Возвращаясь другим маршрутом, молодые люди обнаружили в нескольких километрах от дома водопад и долго любовались красочным зрелищем. Падая с отвесного утеса по обе стороны от основного каскада, струйки воды за столетия проложили в известняковом грунте желобки и скатывались теперь по ним, как по сосудам, специально для того изготовленным. Им не надо было выбирать себе путь, сталкиваться в

борьбе за место с соседями и, не сумев отстоять его, взмывать в воздух и разлетаться брызгами.

— Тебе не кажется, Ром, что мы похожи на этих уютно устроившихся, покорных одиночек? Проложили им дорожку, и теките себе на здоровье, ни о чем не заботясь.

— Я сам думаю о том же. Не выходят из головы родители, Гель. А Сторти, что он будет делать без гроша в кармане? Но ты не бойся, мы в долгу не останемся. Лишь бы нам дали пожениться и стать на ноги.

Вернувшись, они нашли Сторти на кухне, наставлявшего робота по кулинарной части. Сунув им бутерброды, он велел не появляться в доме до вечера. Они охотно подчинились, занявшись чисткой лошадей, испытанием грузовика и другими хозяйскими заботами. Отыскав в сарае лопату, Ром начал взрыхлять землю, рассчитывая раздобыть семян и разбить огород. Рубашка на спине взмокла, мышцы заныли от непривычной работы, но он не сдавался, пока не обработал весь намеченный участок.

— А знаешь, — сказал он Уле, которая пришла звать его искупаться в ручье, — гермеситы много потеряли, доверив все механизмам. Пусть урожай мне большого не собрать, зато каждый выращенный здесь огурец будет для меня дороже золота.

Кликнув их домой, Сторти повел пару в спальню, otvorил платяной шкаф и, указав на висевшие там вещи, велел одеваться. Ула ахнула, увидев роскошное белое платье. Рому предназначался строгий черный костюм.

— В чем дело? — спросил он.

— Торжественный ужин, — лаконично ответил наставник и удалился.

Сторти был поразительно неразговорчив, словно выполнял какую-то ответственную миссию и не мог отвлекаться на всякие пустяки.

Пока они одевались, раздался шум мотора, к дому подъехала машина. Ула с тревогой выглянула в окно, но, увидев, что Сторти мирно беседует с каким-то незнакомым человеком в сутане, успокоилась.

— Какая же ты у меня красавица! — восхитился Ром, когда Ула закончила свой туалет.

В приподнятом настроении они спустились в гостиную. Здесь был накрыт праздничный стол, в центре которого возвышался пирог, обставленный свечами. Сторти, также принарядившийся, представил им своего «старого друга» патера Домини и сказал:

— Приступайте, святой отец.

— К чему? — удивился Ром.

— К венчанию, понятно, не к похоронам.

День чудес продолжался. Преподнесенный им очередной сюрприз необычайно взволновал молодых людей и в то же время поверг их в смущение.

— Но мы не готовы к этому, — пролепетал Ром.

— То есть как не готовы? Клялся в любви, а теперь в кусты? Тогда я сам на ней женюсь. Пойдешь за меня, Ула?

— Дайте им прийти в себя, — вмешался священник, и они со Сторти отошли в сторонку.

— Ты помнишь, Ула, что говорил нам Дезар? А теперь церковный обряд... Я, право, не знаю...

— Глупый, какое это имеет значение! Главное, наш союз будет освящен религией.

— Да, но по какому канону? Ведь у каждого клана своя церемония. Придравшись к этому, могут объявить брак недействительным.

Ула надула губы.

— Ну, знаешь, не хватает, чтобы невеста уговаривала жениха! Я принимаю предложение Сторти.

Ром подошел к священнику.

— Скажите, ваше преподобие, к какому клану вы принадлежите?

— Я агр.

— А по какому обряду вы нас хотите обвенчать?

— Не тревожьтесь, сын мой, я обо всем подумал. Мы произнесем формулы обоих ваших кланов, так что никто не сможет оспорить законности брака.

— Извините, вам лично это не грозит осложнениями?

— Вероятно, но я не боюсь, иначе меня бы здесь не было.

Еще одна жертва ради их счастья!

— За все заплатишь потом, — шепнул Рому на ухо наставник. — Поп не пропадет, у него денег куры не клюют, он еще меня прокормит.

Они расположились в установленном порядке, причем Сторти пришлось быть свидетелем с обеих сторон.

— Ула Капулетти, — спросил священник, — готова ли ты по закону бога матов — Числа взять в мужья Рома Монтекки и сохранять ему верность до самой смерти?

— Да.

— Ром Монтекки, готов ли ты по закону бога матов — Числа взять в жены Улу Капулетти и хранить ей верность до самой смерти?

— Да.

— Ула Капулетти, готова ли ты по закону бога агров — Колоса взять в мужья Рома Монтекки и хранить ему верность до самой смерти?

— Да.

— Ром Монтекки, готов ли ты по закону бога агров — Колоса взять Улу Капулетти в жены и хранить ей верность до самой смерти?

— Да.

— Именем и волею единого бога гермеситов — Разума, — торжественно провозгласил патер, — объявляю вас мужем и женой. — Он дал им расписаться в заранее заготовленном брачном свидетельстве. — А теперь обменяйтесь обручальными кольцами, поцелуйте друг друга и будьте счастливы, дети мои.

Кольца! Где их взять? Новобрачных кинуло в дрожь, у них мелькнуло предчувствие, что эта немаловажная деталь станет дурным предзнаменованием для их союза.

Сторти, ухмыльнувшись, полез в карман и извлек оттуда два кольца. Протягивая одно из них Рому, он шепнул ему на ухо:

— Все приходится делать за тебя, паршивец. Может быть, взять на себя и первую брачную ночь?

Сбылась мечта Рома и Улы, они стали мужем и женой, и отныне никто не вправе был их разлучить. Только смерть.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

На другой день после веселой свадьбы в кабачке «Заходите, не ошибетесь!» Тропинину согласно программе предстояло посетить Верону. За завтраком он просмотрел утренние выпуски газет и решил, что сделал правильный выбор. Под броскими заголовками сообщалось о необычайных событиях в этом городе, а также в соседней Мантуе: «Похищение века: агр умыкает мату», «Ловкий насильник ускользает из рук полиции», «Внучка великого Капулетти — жертва сексуального маньяка». На первых полосах печатались пространные репортерские отчеты о заседании согласительной комиссии двух общин, причем особо выделялось поведение наставника студента Монтеки, поощрившего его на преступление, и речь профессора Чейза, которую называли не иначе, как исторической и эпо-

хальной. Помещались письма возмущенных граждан, аналитические статьи теоретиков и выступления публицистов, размышлявших над корнями этого драматического происшествия и приходивших к выводу, что оно ни в коей мере не связано с существующими порядками, а является феноменом патологического свойства. Последнее наглядно подтверждала историческая справка, из которой следовало, что похищения вообще имели устойчивую убывающую тенденцию, а межклановых не было уже целое столетие.

Тропинин обратил внимание, что комментарии разных органов прессы отличались нюансами. В центральной газете матов «Дифференциал» упор делался на необходимость принять все меры к розыску и строгому наказанию дерзкого преступника и его пособников, дабы другим было неповадно. Газета агров требовала провести тщательное следствие, чтобы установить, имело ли место насильственное похищение или добровольный побег. Но те и другие единодушно поносили Сторти, причем местный корреспондент-агр усердствовал, пожалуй, больше своих коллег-матов. И все сходились на том, что связь между представителями разных кланов не должна быть терпима, ибо она вопиющим образом противоречит интересам профессионализма. Что касается главного официоза — «Рацио», бывшего органом Великария и Сената, то его сдержанные оценки свидетельствовали, что Центр пока не выработал позиции.

Настоящий клановый расизм, подумал Тропинин. У него правильный нюх, возможно, в Вероне удастся выбраться из-под бдительного надзора сопровождающих и разузнать, что там в действительности произошло.

В назначенное время за ним заехал Мендесона, и они отправились в аэропорт. Тропинин с невинным видом поинтересовался, летит ли с ним Уланфу, на что бородач ответил отрицательно: бедняга слег с высокой

температурой, видимо, объелся острой химической пищей. Таким образом, вчерашнее приключение не осталось в тайне. Вполне вероятно, что за ними незримо следовали агенты секретной службы.

В дороге Мендесона описал успехи гермеситов в авиации, обнаружив технические познания на уровне квалифицированного инженера и еще раз подтвердив свою репутацию всезнайки. Тропинин сделал ему комплимент.

— Вы живое свидетельство в пользу универсального образования.

— О нет. Мой пример лишь подтверждает, что не существует правил без исключений. Я в известном смысле аномалия.

— Полноте, Мендесона, разве плохо иметь широкий кругозор?

— Для общества не то что плохо, а накладно. Ведь, не будучи профессионалом ни в одной сфере, я пригоден только на роль помощника Великого математика, а сколько ему нужно помощников?

— Ну а для человека? Широта познаний дает вам неизмеримое превосходство над своими соплеменниками. Вы живете более полной, насыщенной жизнью.

— В какой-то мере вы правы. Но иногда я отчаянно завидую рядовому спецу, который не способен празднично рассуждать обо всем на свете, зато умеет хорошо делать свою работу.

— Мне кажется, — осторожно заметил Тропинин, — что у вас несколько преувеличивают эффективность узкого профессионализма. Ведь это нечто вроде перенесения в область интеллектуального труда старинной конвейерной системы. Когда рабочему поручалось без конца закручивать одну и ту же гайку, он постепенно превращался в робота.

Тропинин спохватился, подумав: может быть, именно этого сознательно добивались основатели профессионального кланизма.

— Вероятно, я утрирую?

— Да, легат, хотя ваши сомнения мне понятны. Позволю себе дать вам один совет: не исходите в оценке гермеситского общества из абстрактных понятий, судите о нас по нашим делам.

Бородач с гордостью показал на воздушный лайнер, к трапу которого они подкатили. Насколько Тропинин знал историю воздухоплавания, самолет напоминал земные летательные аппараты конца XXI века. Представленный ему капитан из клана техов (кстати, весь остальной экипаж состоял из роботов) подтвердил догадку, сообщив технические данные своего корабля: высота полета — до 30 километров, скорость — немногим больше скорости звука, дальность — без ограничений, топливо водородное.

Когда они устроились в комфортабельном салоне, Мендесона сообщил, что полет выполняется на личном самолете Великого математика. Тропинин поблагодарил за оказываемое ему внимание. Лайнер взмыл в воздух, несколько минут можно было полюбоваться видом столицы с высоты птичьего полета, а затем землю отгородила сплошная стена облаков, похожих на клочья ваты или снежные наносы. Поразительно, до чего Гермес подобен Земле, как это его открыватели ухитрились отыскать во вселенском просторе точную копию покинутой ими родной планеты!

Мендесона явно обладал способностью угадывать мысли.

— Да, Земля и Гермес как брат и сестра. Состав атмосферы, рельеф, растительный и животный мир почти ничем не отличаются. Только вот человек не успел здесь эволюционировать. Возможно, потому что появились колонизаторы и в этом отпала нужда. Природа или бог не любят трудиться зря.

— Да вы верующий.

— Разумеется. Но, как вы, должно быть, уже знаете, религия у нас необычная.

— Понятия не имею.

— Как, разве Уланфу не посвятил вас?

— Я интересовался, но он заявил, что имеет на этот счет самое общее представление и посоветовал обратиться к специалистам.

— Тогда придется мне поднапрячь память. Вот и занятие на время полета. Итак, наш пантеон включает девять богов.

— По числу кланов?

— Правильно. Бог матов — Число, физов — Атом, химов — Элемент, биллов — Клетка, юров — Закон, филов — Идея, истов — Событие, агров — Колос, техов — Машина.

— Так у вас многобожие?

— И да и нет. Все они, будучи вполне самостоятельными божествами, в то же время представляют собой ипостаси единого всеобщего бога — Разума.

— Любопытно. И существует обрядность?

— У каждой церкви свой обряд. Молитвы, исповеди, венчания, похороны — все эти религиозные функции исполняются с применением клановых формул.

— Ага, нечто вроде конфедерации. Что же остается на долю Разума?

— По всей видимости, председательствовать на совещаниях своих ипостасей.

— Я вижу, Мендесона, вы не слишком почтительны к своим небожителям.

— У нас вообще нет религиозных фанатиков и изуверов. Да и как иначе, если сама религия носит сугубо рационалистический характер. Ее и назвать-то так можно с большой долей условности.

— Тогда зачем она понадобилась?

— Видите ли, это инструмент клановой солидарности и способ организованного проведения досуга. Особенно ценна воспитательная функция нашей религии: с церковных амвонов проповедуется профессиональная

этика, восхваляются образцы клановой доблести и предаются осуждению пороки. Это смахивает на лекции. Вам, легат, стоит взглянуть на церковную службу, там можно услышать немало интересного.

— Пожалуй. Раз есть религия — могут быть атеисты?

— Зачем, если она по природе своей атеистическая.

— Я бы сказал, научно-техническая.

— Вот именно.

— Но уж секты должны быть у вас? Там, где церковь, не обойтись без гонений на ереси.

Тропинину показалось, что Мендесона смутился. Впрочем, он мог и ошибиться, потому что бородач сказал с непринужденным смехом:

— Мы все в определенном смысле еретики.

— Кто же исполняет роль священников?

— Обычно они избираются местной общиной из наиболее чтимых специалистов. Никакой особой подготовки ведь не требуется. Словом, гермеситская церковь — это своеобразный хранитель кланово-профессиональной культуры. Она превосходно заменяет нам искусство.

— Позвольте вам не поверить, Мендесона. Тут у вас какой-то необъяснимый пробел. Еще первобытный человек, рисуя на стенах пещер фигурки животных, стремился к художественному самовыражению.

— Вы нас обижаете, мы давно вышли из состояния первобытности.

— Это несомненно. Но вы не можете не знать, какое замечательное развитие получили на Земле все виды искусства и как много оно значит для человека.

— Я далек от мысли критиковать ваши порядки. Упаси бог!

— Какой из них?

— Побожусь самым Разумом. Но согласитесь, что имеют право на существование и другие решения. По-

верьте, гермеситы не испытывают никакой нужды возбуждать свою нервную систему звуками фуг и симфоний или театральными страстями. Вся эта ерунда лишь отвлекает от развития производительной, творческой силы человека, ее в какой-то степени можно уподобить наркотикам. Что же касается развлечений, то нам в избытке доставляет их спорт. Вам не приходилось наблюдать игру в мотокегли? Матчи часто передаются по телевидению. Это захватывающее зрелище. Вообразите площадку величиной с футбольное поле...

Тропинин рассеянно слушал описание игры. Мендесона, обычно сдержанный, размахивая руками, рассказывал, как ломают друг другу ребра двадцать отборных атлетов, и с энтузиазмом сообщил, что в первой лиге гермеситского чемпионата уверенно лидирует «его» команда. Он определенно относился к числу неистовых болельщиков. Симфония — наркотик, с ехидством подумал Тропинин, а мотокегли, оказывается, нет. С другой стороны, как раз в этой своей страсти Мендесона впервые раскрыл нормальную человеческую натуру, неразличимую под маской опытного дипломата.

Бородач, сев на любимого конька, готов был развивать эту тему бесконечно. К счастью, его прервал стюард, подавший обед. Покончив с едой, Тропинин решил воспользоваться оставшимся часом полета, чтобы выяснить еще один волновавший его вопрос.

— Скажите, друг мой, почему газеты подняли такой трезвон вокруг этой истории с похищением девицы, помнится, ее фамилия Капулетти?

— Ах, это, — отозвался без охоты бородач. — Что вам сказать, наверное, и на Земле такие случаи воспринимаются как сенсация.

— Однако у нас никто не стал бы осуждать юношу агронома и девушку математика за то, что они полюбили друг друга.

— Скорей всего это просто насильник. Но если даже предположить невероятное — что между мужчиной

и женщиной разных кланов, у которых нет ничего общего и все отличное: вкусы, культура, жизненный уклад, образ мыслей... Так вот, если предположить, что между ними вспыхнула любовь, то это любовь обреченных. Вернее, обреченная любовь. Сами-то они вполне могут выжить, но их чувство раньше или позже умрет.

— Будет убито враждебностью окружающих — это вы имеете в виду?

— И это, конечно, тоже. Лично я, как вы изволили, видимо, заметить, не отношусь к числу нетерпимых и не одобряю крайностей кланового патриотизма. У нас, правда, нет охоты на ведьм, костров для инакомыслящих и пыток в камерах инквизиции, но ревностных хранителей профессиональной чести более чем достаточно. Как бы, однако, они ни бесновались, это можно пережить. Чего нельзя, так это внутреннего отчуждения. Подумайте сами, легат, как долго способно сохраниться чувство между людьми, общающимися только с помощью автоперевода?

— На Земле в прошлом браки разноязычных людей были обычным делом.

— Да, но при этом супруги быстро осваивали язык друг друга. У нас такое практически невозможно.

— Разве агр не может изучить язык матов?

— Нет. Профессионализм достиг такой глубины, что требует от человека всей его жизни. Сызмальства, уже с родительскими генами, он получает основы информации, профилирующей все его сознание. Разумеется, в зрелом возрасте агр в состоянии овладеть азами чужого языка, но не более. Его новое мышление поневоле останется жалким и примитивным.

— Признаться, этого я не могу уразуметь.

— Вероятно, потому, что вы судите о гермеситских языках по аналогии с земными. Между тем здесь существует принципиальная, качественная разница. У вас

различаются звуковые символы общепринятых понятий, у нас же сами эти понятия.

— Позвольте, но ведь общих понятий не может не быть.

— Применительно к предметам вещного мира, осязаемым и осязаемым, — да. Допустим, стул — место для сидения, карандаш — инструмент для письма, водомобиль — средство передвижения. Совсем иначе обстоит дело, когда речь идет о явлениях абстрактного порядка, особенно из сферы человеческих побуждений...

— Та же любовь...

— Та же любовь. У гермеситов нет ее общего понятия как чувственного влечения мужчины и женщины. В языке каждого клана оно настолько, если можно так выразиться, профессионализировалось, что уместно говорить лишь о некоей аналогии. Ап и выполняет такую функцию, указывая, какие именно элементы профессиональной культуры более или менее соответствуют передаваемому тексту. Впрочем, судите сами: у матов понятие любви отвечает уравнение, у химов — реакция, у истов — аналогия, у агров — посев. При переводе, скажем, с русского языка любовь по-английски будет love, по-французски amour, по-немецки liebe. В основе одно понятие. На Гермесе же в результате длительной эволюции оно утеряно, разные кланы обозначают все, что с ним связано, не различными словесными символами, а специфическими образами своей профессиональной деятельности.

— Это относится и к действиям? Например, как передать фразу: «Иван и Марья полюбили друг друга»?

— Ну, очевидно, у матов она будет звучать «уравнялись», у агров — «посеяли», у химов — «реагируют», у истов — «аналогичны». Как видите, даже общего глагола «почувствовали» здесь нет и в помине. В каждом случае профессиональный образ предопределяет характер совершенного действия.

Тропинин откинулся на спинку кресла. Все это просто не умещалось в голове. Требовался дотошный лингвистический анализ, чтобы понять природу гермеситской речи.

— Кто же у вас занимается переводами, Мендесона? Ведь программирование того же автопереводчика требует досконального знания профессиональных языков.

— Вы правы. У нас есть специальный подклан лингвистов, или лингов, в составе клана матов.

— Матов?

— А почему вас это удивляет? Ведь язык — это набор символов, и именно математике сподручно найти им адекватное выражение. Методика здесь достаточно сложная: каждое профессиональное понятие должно получить свой числовой коэффициент, а затем с помощью системы уравнений ему подыскиваются сходные понятия в других клановых культурах. Я, однако, не слишком силен в этой материи. Видите, как плохо быть дилетантом.

Лайнер пошел на посадку. В аэропорту их встретило местное начальство во главе с Главным математиком Вероны. После пышных приветствий и вручения высокому земному гостю символических ключей от города он извинился и отозвал Мендесону в сторонку. Спустя минуту бородач подошел к Тропинину с явно озабоченным видом.

— Крайне сожалею, легат, но срочно потребовалось мое присутствие в столице, и я вынужден вас покинуть. Не сомневаюсь, что власти Вероны окажут вам самое сердечное гостеприимство.

Веронцы рассыпались в заверениях.

— Мне будет недоставать вас, дорогой друг, — лицемерно сказал Тропинин, довольный таким оборотом дела. — Но служба есть служба.

Ему предоставили люкс в лучшей гостинице Вероны под знаком «7×7». После осмотра города и торжествен-

ного обеда в мэрии гостю дали возможность отдохнуть. Он прилег на диван, полистал альбомы с видами местных достопримечательностей и задремал. Последней мыслью, промелькнувшей в мозгу, было: как на разных гермеситских языках передается понятие сна? Должно быть, у матов — бесконечность, у химов — растворение, у физов — очарованность, у истов — мир или нет, перемирие. А у агров?..

Его разбудил робкий стук. Тропинин протер глаза, отворил дверь и впустил в комнату толстого мужчину с мясистыми губами и живыми черными глазками.

— Извините за непрошенный визит, но крайняя необходимость принудила меня просить вас о помощи.

Тропинин насторожился: только этого ему не хватало.

— Вы, должно быть, ошиблись, я нездешний и, право, не уверен, что могу быть чем-нибудь вам полезен.

— Я знаю, легат, вы с Земли. Именно к вам я и хотел обратиться. Моя фамилия Сторти.

— Уж не тот ли наставник, который поощрил Рома Монтекки на преступное похищение?

— Тот самый. Я вижу, вам уже все известно.

— Еще бы!

— Вы верите тому, что пишут газеты?

— У меня нет оснований не верить.

— Позвольте присесть?

— Милости прошу.

— Не возражаете, если я возьму из холодильника банку ячменки? Горло пересохло.

Тропинин с любопытством наблюдал, как бесцеремонный посетитель полез в холодильник, достал оттуда несколько банок местного пива, открыл одну, выпил залпом, опорожнил наполовину вторую и только после этого плюхнулся в застывшее кресло.

— Итак, легат, все, что там о нас насочиняли, — враки.

— И похищения не было?

— Не было. Был побег двух влюбленных, которых родители собрались насильно разлучить. — И он рассказал историю Рома и Улы.

— Ром Монтекки и Ула Капулетти. Какое странное сочетание, — сказал Тропинин.

— Да, инспектор, агр и мата, кто мог подумать!

— Я не об этом. Значит, сейчас они в безопасности?

— Ненадолго. Не сомневаюсь, что эти сукины сыны скоро обнаружат их домишко, и тогда — страшно подумать.

— Так чего же вы от меня хотите?

— Вы могли бы попросить Великого математика, чтобы их оставили в покое. Стоит ему сказать словечко...

— Поймите, Сторти, я не имею права вмешиваться во внутренние дела Гермеса. Не говоря уж о том, что не поздоровится мне лично, это может повести к осложнениям космического масштаба. Сами понимаете...

— Понимаю, — сказал наставник с горечью. — Хотя я ни черта не смыслю в математике, отличить одну пару от нескольких миллиардов способен даже такой кретин.

— Зря вы иронизируете.

— Иронизирую? С чего вы взяли?

Физиономия Сторти излучала простодушие. Тропинин так и не решил, что на уме у толстяка. У самого у него на душе остался неприятный осадок. Вполне возможно, что он перестраховывается: руководство Гермеса придает слишком большое значение его миссии, чтобы отказать в пустяковой просьбе. А если она не столь уж пустяковая, если эта любовная история в самом деле затрагивает болевые точки гермеситского общества? Тогда ему вынуждены будут отказать, могут даже объявить персоной поп grata, постаравшись одновременно дискредитировать перед Землей. Сходные ситуации уже возникали в его практике, и Тропинин знал,

с какой болезненной щепетильностью там реагируют на каждый действительный или мнимый промах своих дипломатов. Нет, все правильно, нельзя поступить иначе, хотя судьба молодой пары его по-настоящему волнует. К тому же он уже однажды ввязался в здешние свары.

Сторти потягивал ячменку и деликатно молчал, словно догадывался, что землянин еще раз взвешивает возможность заступиться за Рома и Улу, и оставлял решение на его совести. Потеряв надежду, он встал.

— Еще раз извините, легат, за вторжение и разрешите откланяться.

— А почему бы вам не обратиться с жалобой в Сенат? Ведь, насколько мне известно, кланы у вас равны и не существует формальных запретов на подобный брак.

— Благодарю за совет. Признаюсь, такой логичный ход не пришел мне в голову. Я им непременно воспользуюсь.

Тропинин почувствовал, что краснеет, и поторопился как-то загладить свою неловкость.

— Ну а лично вам, синьор Сторти, ничто не угрожает? По тому, с какой страстью на вас набросилась печать...

— Плевать я хотел на этих борзописцев!

— Не опасаетесь, что против вас может быть возбуждено уголовное дело?

— Я не совершил ничего противозаконного.

В дверь громко постучали. Не ожидая позволения, в номер вошел коренастый мужчина в сопровождении целого отряда полицейских роботов.

— Я префект Вероны. Прошу прощения, синьор легат, что по нерадивости охранника к вам проник посторонний. Виновный понесет должное наказание.

— У меня нет никаких претензий.

— Благодарю за снисходительность, но долг службы обязывает.

— Что ж, мне пора, — сказал Сторти.

— К сожалению, — обратился к нему префект, — я вынужден просить вас пойти с нами.

— Что такое?

— Вы арестованы за нарушение общественного порядка. Вот ордер.

— Но позвольте, задерживать человека только за то, что он побывал у меня в гостях, по меньшей мере бестактно.

— Вы меня неверно поняли. Ордер на арест этого человека выдан прокурором провинции Кампанья по обвинению в организации похищения синьориты Капулетти. Мы разыскиваем ее уже несколько дней, и я крайне сожалею, что нам приходится брать преступника под стражу при таких обстоятельствах.

Он мигнул своим роботам, и те моментально зашелкнули на запястьях Сторти наручники.

— Как видно, я недооценил нашей юстиции, — сказал наставник со смехом.

— Однако, префект, вы можете, видимо, отпустить моего гостя под залог? Я готов уплатить требуемую сумму.

Тропинин полез за бумажником.

— Я бы не рекомендовал вам вмешиваться в это дело.

— Префект прав. Оставьте при себе ваши деньги, легат. Кстати, вряд ли их хватило бы — размер залогов у нас ой-ей-ей! Один мой приятель в Мантуе попал в аналогичную ситуацию, и ему пришлось выложить, если память мне не изменяет, десять тысяч семьсот пятьдесят две сестерции. Я предпочитаю посидеть. Надеюсь, не слишком долго.

— Дружки у вас, видно, из того же теста, — съехидничал префект.

— А как же, с кем поведешься, от того и наберешься.

— Ладно, пошли. Мое почтение, легат, желаю вам приятного пребывания в нашем славном городишке.

Когда они были уже у порога, Тропинин спросил:

— Постойте, я хотел бы задать один вопрос синьору Сторти. Скажите, ваше имя не Лоренцо?

— Нет, почему вы так решили? — удивился толстяк.

— Неважно, — улыбнулся Тропинин. — Уверен, что недоразумение быстро уладится.

Сторти пожал плечами и, ведомый своими стражами, отправился в веронскую тюрьму.

2

Синьора Монтекки занималась рукоделием, сидя у изголовья кровати, на которой лежал ее муж. Несколько часов назад его отпустили из клиники, наказав соблюдать полный покой. Всего одна неделя, а вся их жизнь пошла верх тормашками. Нет с ними сыновей: один где-то в Свинцовых горах, другой — в бегах. Неизвестно, куда запропастился и Сторти, не у кого узнать, что с Ромом и Улой. Выходить на улицу небезопасно, можно нарваться на какого-нибудь кланового патриота, причем не знаешь, кого следует остерегаться больше — своих или чужих. То и дело звонят с угрозами — пришлось выключить телефон. Давеча их робот пошел, как обычно, закупить съестного — какие-то молодчики выбили ему глаз и смяли ребра, бедняга еле приполз домой. Она вздохнула.

— Анна, — прошептал больной, поглаживая ее руку. — Я очень виноват перед тобой и мальчиками.

— Лежи спокойно, дорогой, тебе нельзя волноваться.

— Во всем моя вина. Я уделял слишком мало внимания сыновьям, не смог привить Рому преданности своей профессии. Люби он ее по-настоящему, ничего такого не могло бы случиться.

Нет, болезнь не изменила образа его мыслей. Он

по-прежнему стоит на своем: осуждает Рома и прощает Геля. Она промолчала.

— Скажи, Анна, кто-нибудь из управы справлялся обо мне?

— Да, — солгала она, — они желают тебе скорей выздороветь.

— Значит, меня все-таки не забыли. Признаюсь тебе, я боялся, что после всей этой истории никто не захочет со мной знаться. Я был несправедлив к товарищам, с которыми бок о бок проработал двадцать лет. Двадцать ведь?

— Да, дорогой, ровно двадцать, — сказала она, с горечью подумав, что даже сейчас у него в голове одна работа.

— А Сторти не появлялся?

— Нет.

— Если объявится, не пускай его на порог. Развратитель!

— Забудь о нем, побереги свое сердце.

— Ты права, мне нельзя нервничать.

— Вот и постарайся заснуть. Закрой глаза и считай до ста.

Убедившись, что муж опять впал в дремоту, она потихоньку высвободила руку и пошла на кухню справиться, что будет у них на обед. Скособоченный робот, кряхтя и стеная, стойчески стоял у плиты, пытаясь соорудить нечто путное из остатков провизии.

Прозвучал звонок. Анна подошла к двери и спросила:

— Кто там?

В ответ раздался знакомый голос:

— Это мы, синьора Монтекки.

— Метью, Бен!

Анна искренне обрадовалась друзьям Рома.

— Мы знаем, что вашему Робби досталось, и решили пополнить ваши запасы.

Они втащили в дом огромную корзину, набитую

снедью. Синьора Монтекки была до крайности растрогана.

— Ром не подавал о себе весточки? — спросил Бен.

Ее глаза наполнились слезами.

— Не тревожьтесь, синьора Анна. У него должно быть все в порядке.

— Хотел бы я быть на его месте, — бодро заметил Метью. — Катается себе со своей подружкой на наших лошадках.

— Я вам так благодарна, вы настоящие друзья!

— Пустяки. Я сам подумываю подыскать себе красотку мату.

— Упаси вас бог!

— О, вы, оказывается, тоже клановая патриотка!

— Нет, Мет, просто у меня предчувствие, что этот роман кончится для Рома плохо. Женитесь лучше на своей.

С улицы послышался шум. Синьора Монтекки послала робота посмотреть, в чем дело. Через минуту он вернулся, держась за грудь.

— Они закидали меня камнями и требуют, чтобы вы вышли сами, хозяйка.

— Кто они?

— Целая толпа. Шестьдесят четыре человека.

Только робот был способен мгновенно подсчитать число людей в беснующейся толпе. Анна вышла на крыльцо, Метью и Бен стали с ней рядом.

— Что вам нужно? — спросила она спокойно.

Вперед вышел Голем.

— Скажите нам, где ваш ублюдок, и мы оставим вас в покое.

— Вы что, решили воевать с женщинами?

— Говорите, синьора, не то мы разнесем ваш дом, — сказал верзила с угрозой.

— Мой муж тяжело болен. Вы не посмеете, я вызову полицию!

— Кончай с ней цацкаться, Голем! — раздаётся выкрик.

Кто-то кинул камень, и Бен схватился за голову.

— погоди, Голем, — сказал Метью, — я тебе должен кое-что сообщить.

— Нечего! — заорали в толпе.

— Это очень важно для тебя, — настаивал Метью.

— Говори.

Метью прошептал что-то ему на ухо. Голем схватил его за грудь и прокричал:

— Не может быть! Если это выдумка, я убью тебя!

— Клянусь Колосом! — побожился Мет.

Голем поднял руку и обратился к своим соратникам:

— Пошли отсюда, у нас есть дело поважнее.

Вперед выскочил вертлявый, худой парень.

— Они тебя купили, Голем!

«Внук Вальдеса», — тихо сказал Бен.

— Что ты сказал, повтори!

— Тебя купили, Голем, тебя купили! — истерично визжал юный Вальдес.

Голем обхватил его своими ручищами, поднял над головой и швырнул на землю. В толпе послышался ропот, но никто не посмел сцепиться с могучим вожаком. Утвердив свой авторитет, тот сказал:

— Я вам все объясню. Тибор захватил Розалинду и прячет ее у себя.

Шквал возмущения.

— Неужели мы отдадим нашу агрянку на поругание паршивому мату?

Грозные выкрики.

— За мной, к дому Капулетти!

Они повернулись и побежали.

— Ну вот, осада с вашего дома, синьора Анна, снята, — сказал Метью.

— Как тебе это удалось, Мет?

— Военная хитрость.

Они собирались уже идти в дом, чтобы обсудить положение, когда увидели, что Голем возвращается.

— Ты пойдешь с нами, Мет, — сказал он, отдышавшись.

— С какой стати?

— А с такой, что, если ее там нет, тебе не поздоровится.

— Это тебе Вальдес подсказал?

— Я и сам соображаю.

Без лишних слов он схватил Мету за шиворот и поволок за собой. Бен уцепил великана за ногу, но Голем стряхнул его с себя, словно слон муху.

— Будь за меня спокоен, Бен, — крикнул Метью, — помоги синьоре Монтеки!

— Я боюсь за Метью, — сказала Анна. — Надо срочно известить полицию.

— Вы не знаете Мету, синьора, он перехитрит всю эту братию.

— Но они совсем озверели. Господи, что же это делается! Мальчишки, такие же, как вы с Ромом, превращаются в погромщиков.

Метью не обманул Голема: неизвестно, как он об этом пронюхал, но красотка Розалинда была действительно в доме Капулетти.

После мантуанской экспедиции, где Тибор положил глаз на агрянку, он решил во что бы то ни стало покорить привлекательную и дерзкую девушку. Молодой Капулетти отдавал себе отчет, что им движет не столько страсть, сколько желание обуздать этот сильный характер, подчинить своей воле, возместить то унижение, которое он испытал у дома Ферфакса, потерпев на ее глазах постыдное поражение. И еще это был для него способ по-своему расплатиться с проклятыми аграми за сестру.

В свои двадцать лет Тибор был опытным обольстителем, но в данном случае он не представлял, как поступить к делу. Зная о фанатической приверженно-

сти Розалинды своему клану, бесполезно было пытаться ухаживать за ней; да и в той взрывной атмосфере, какая царила теперь в Вероне, еще один межклановый флирт был просто небезопасен. Не мог он соблазнить ее и обещанием жениться: во-первых, сомнительно, чтобы сама Розалинда клюнула на такую приманку, а во-вторых, у Тибора был своеобразный кодекс чести — он никогда не давал обещаний, которые не собирался выполнить. Оставалось одно: обманом заманить агру к себе домой, а там видно будет. У Тибора мелькнула мысль, что Розалинда из бедной семьи и блеск дворца Капулетти замутит ей зрение. Она хитра и расчетлива, если не удастся взять ее силой, можно попытаться купить ее.

Рассудив таким образом, он стал размышлять дальше. Единственный способ заманить агрянку в свой дом — это сыграть на все том же клановом патриотизме. Она приняла деятельное участие в охоте на Рома и Улу, раздосадована тем, что их обвели вокруг пальца, и, следовательно, будет рада шансу взять реванш. Тибор поспешил к телекому, но передумал: нельзя приглашать ее заранее, если Розалинда вдруг вздумает посоветоваться с родителями, вся затея может лопнуть. Он прикинул, что до окончания лекций остается час, и решил, не теряя времени, подготовиться к приему гостей. Обстоятельства ему благоприятствовали: мать, вконец рассорившись с отцом, переехала на время к своим родителям. Она, безусловно, вернется, не такая дура, чтобы кидать богатство коту под хвост, но несколько дней будет выдерживать характер, ждать, пока ее станут умолять. Старший Капулетти, удрученный свалившимися на семью невзгодами, совсем пал духом и нашел привычный для себя выход: заперся в кабинете и колдует над цифрами. Тибор дал отгул болтливой экономке и велел роботу накрыть у себя в комнате ужин на четверых, притом сервировать стол фамильным серебром. Он похвалил себя за дьявольскую предусмотритель-

тельность, тщательно оделся, с удовольствием огляделся в зеркале и отправился в Университет.

Выйдя из аудитории, где не столько изучали агрономию, сколько сплетничали о сногшибательных событиях, взбудораживших город, Розалинда пошла домой. Каждый раз она с отвращением думала об убогой, обшарпанной квартирке, где ютились они с матерью после смерти отца, и утешалась только тем, что недолго останется в этой дыре. Розалинда верила в свою счастливую звезду. В отличие от многих своих подружек она не рассчитывала на выгодное замужество. Нет, она сама сделает блестящую карьеру.

Неожиданно дорогу ей преградил Тибор.

— А, синьор предводитель, — сказала она, не удивившись.

— Он самый. — Тибор решил сохранить обычную свою грубоватую манеру, чтобы не вызвать у нее подозрений. — У меня к тебе дело.

— Если хочешь меня соблазнить, чтобы отплатить аграм за сестру, — можешь не стараться.

— Много о себе понимаешь, — сказал Тибор, несколько смущенный тем, что его замысел оказался с ходу разгаданным.

— Скажешь, нет? Думаешь, я не заметила, какие ты мне строил глазки?

— Ты себя переоцениваешь, Розалинда, — возразил Тибор. — Такие самоуверенные девицы не в моем вкусе.

— Ах, так, — оскорбилась агрянка, — тогда проваливай.

Тибор почувствовал, что нащупал нужный тон. Теперь надо поиграть с ней, как кошка с мышкой.

— Не отрицаю, — сказал он, нагло разглядывая ее формы, — я бы не прочь переспать с тобой.

— Не дожدهшься, — сказала Розалинда уже более миролюбиво.

— Уверен, что мы с тобой поладим, у нас схожие характеры.

— Ладно, говори, чего тебе от меня надо.

— Видишь ли, в прошлый раз у нас не получилось...

— И ты хочешь повторить попытку?

Тибор кивнул.

— У меня есть одна идея, надо обсудить. Предлагаю собраться: ты, Голем и я с Пером.

— Где?

— В моем доме. Родителей сейчас нет, и нам не помешают.

— А Голем точно будет?

— Обещал.

— Когда?

— Сейчас.

Розалинда заколебалась, но не смогла одолеть искушения побывать во дворце Капулетти, о котором в городе рассказывали легенды. Можно ли было упустить такой шанс? Она тряхнула головой и со своей обычной решительностью сказала:

— Веди.

Тибор постарался не выдать своего ликования. По дороге им не встретилось знакомых. Уже в вестибюле Розалинда не смогла сдержать возгласа восхищения при виде мраморной лестницы с бронзовыми перилами, украшенными затейливой резьбой.

— Хочешь осмотреть дом? — спросил Тибор.

Розалинда кивнула, и он провел ее по залам, сочтя, что все идет как по маслу. Затем они прошли в его комнату. В канделябрах, развешанных по стенам, горели свечи, их теплый свет золотил столовое серебро, играл бликами на хрустальных бокалах.

— Где же остальные? — спросила Розалинда.

— Сейчас подтянутся. Выпьем по бокалу?

Она не могла отказать себе в таком удовольствии.

— Знаешь, Линда, я ведь тебя обманул: ты мне нравишься.

— Я знала, что этим кончится, — сказала она с презрительной миной, но Тибор почувствовал, что его признание ей польстило.

— Мне даже кажется, что я в тебя влюблен.

— Поторопись объясниться, пока не явился Голем. Он разругался со своей дылдой и решил приударить за мной.

— Неужели ты можешь воспринимать эту дубину всерьез?

— Почему бы и нет? Из него получится неплохой муж, а ума у меня хватит на двоих.

— Такая девушка, как ты, достойна лучшей партии.

— Уж не собираешься ли ты предложить мне руку и сердце?

Тибор смутился, положительно, с этой острой на язык агрянкой нелегко иметь дело. Плунуть на все, что ли, да выпроводить ее? Но его самолюбие не могло смириться с таким фиаско. К тому же обидно было отступаться от столь успешно начатого предприятия. Тибор решил схитрить.

— А как бы ты отнеслась к такому предложению?

— Сделай — узнаешь. — Опять она оставила его в дураках.

— Скажи честно: я тебе нравлюсь хоть немного?

Розалинда пожала плечами.

— Какое это имеет значение? Ты мат, я агра. Между нами ничего не может быть.

— А моя сестра и этот Монтекки? — возразил он, удивляясь сам себе.

Она не замедлила воспользоваться его оплошностью.

— Тогда какого рожна ты их преследуешь?

— Ты права, Линда, у тебя железная логика.

— Не заговаривай мне зубы. Хочешь знать мое мнение, так я не вижу ничего страшного, если б Ула и Ром погуляли втихомолку в свое удовольствие, а не доводили до публичного скандала. На кой ему понадобилась

ваша математика? Нельзя же до такой степени растворяться в своем партнере!

— Обещаю, что никогда не стану заниматься вашей агрономией.

— А знаешь, — сказала Розалинда, — если б ты таким образом доказал мне серьезность своих намерений, я, может быть, и подумала бы...

— Ничего не понимаю, — вздохнул окончательно запутанный Тибор.

— Чего тут понимать! Ты привык крутить мозги дурочкам, но со мной такой номер не пройдет.

— Линда, — сказал Тибор, — мне ужасно хочется, чтобы ты оставила свой ехидный тон и говорила со мной по-человечески.

— Это зависит от тебя.

— Выпьем еще?

— Хочешь спойть меня?

— Ну, не пей, я сам.

Он наполнил бокал и, вконец раздосадованный, одним махом выпил его до дна.

— Не расстраивайся, Тибор. Я ведь с самого начала поняла твою игру.

— Представь себе, я больше не играю, а начинаю всерьез в тебя влюбляться.

Вино ударило ему в голову, и сейчас он был предельно искренен.

Розалинда почувствовала перемену. Ее мужской ум спасовал перед женским сердцем, и она погладила его руку. Тибор принял жест милосердия за сигнал сдачи и схватил ее в объятия.

— Не надо, Тибор, — сказал агрянка, отталкивая его, — опомнись, мы не должны повторять их ошибки.

Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошел Капулетти-старший.

— Извини, я не предполагал, что ты не один.

Он повернулся, собираясь удалиться, но Розалинда остановила его.

— Вы нам не мешаете, синьор, у нас сугубо деловой разговор.

Капулетти взглянул на раскрасневшегося сына, нарушенную прическу его гостыи и улыбнулся.

— Я хотел посоветоваться с тобой, Тибор, но это терпит.

Тибор, успевший оправиться от смущения, начал объясняться, но остановился, заслышав снаружи какие-то голоса. Положительно, им сегодня не дадут покоя. Он решил проверить, в чем дело, и в самых дверях столкнулся с Големом. Вместе с ним в комнату ворвались еще несколько парней.

— Что это значит? — воскликнул Капулетти-старший. — Кто вы, что вам надо в моем доме?

Тибор моментально нашелся.

— Наконец, Голем, а мы тебя совсем заждались! Это мои друзья, отец.

— Раз так, — сказал Капулетти, — не стану вам мешать.

Он вышел, с огорчением подумав, что его сын доказал до такого общества.

Голем все еще стоял на пороге, переводя подозрительный взгляд с Розалинды на Тибора.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он наконец.

— Ждем тебя, как видишь, — ответила она спокойно.

— Разве тебе не передали, Голем, чтоб ты заглянул ко мне? Есть идея, надо обсудить.

— Мне никто ничего не говорил.

— Значит, тебя просто не застали дома.

— Он приставал к тебе? — спросил Голем Розалинду.

— Что ты несешь, по-твоему, этим занимаются в присутствии родителей?

— А-а, — взревел Голем, — мерзавец Метью таки надул меня!

— Это он сказал, что Линда здесь? — быстро спросил Тибор.

— Да. Погодите минуту, я сейчас ему покажу, где раки зимуют!

— Мет давно смотался, — сказал младший Вальдес. — Я тебя предупреждал...

— Заткнись! Ладно, он от меня не уйдет. Проваливайте! — приказал Голем своим подручным. Никто не посмел возразить ему, и они остались втроем.

— Видишь, Голем, — показал рукой Тибор, — для тебя даже накрыт прибор. И еще один для Пера, он вот-вот подойдет.

Окончательно уверившись, что его не водят за нос, Голем уселся и опорожнил налитый ему бокал. Он выглядел даже слегка пристыженным.

Тибор и Розалинда переглянулись, чуть улыбнувшись. Придя на выручку, она его окончательно покорила. Эта агрянка — чистое золото.

— Выкладывай свою идею, — сказал Голем.

Тибор растерянно посмотрел на Розалинду. И снова она пришла к нему на помощь.

— Понимаешь, Голем, — начала она вкрадчиво, — в прошлый раз мы действовали на свой страх и риск, и полиция сорвала нам все предприятие. А почему? Разве мы какие-нибудь бандиты, помогаем себе для себя лично? Нет, мы всего лишь сознательные граждане, решившие встать на защиту святой профессиональной чести.

Голем, забивший рот закусками, одобрительно закивал.

— Значит, надо добиться, чтобы нас принимали не за нарушителей законов, а за их ревностных блюстителей. Что для этого нужно?

— Что? — спросил Голем, проглотив очередной кусок ветчины.

Тибор признался себе, что и ему ответ неизвестен.

— Для этого нужна организация, которая открыто

объявила бы о своих целях и получила поддержку властей. Тогда никто не сможет обвинять нас в самоуправстве. В этом и состоит идея Тибора.

Голем взглянул на молодого Капулетти, и тот, начиная забавляться ситуацией, подтвердил:

— Именно в этом.

— А ты, оказывается, не дурак, — сказал Голем уважительно.

— Нет, я не дурак, — согласился Тибор.

— А что нужно для организации? — продолжала развивать свою мысль Розалинда.

— Членские билеты, — мигом сообразил Голем. — Я, к примеру, состою в обществе охотников...

— Правильно. А еще?

— Что?

— Нужен вождь.

— Я знаю, кто больше всего подходит на такую роль, — подхватил Тибор. — Профессор Чейз. Хоть он и выскочка, зато отменный оратор. Ты сам, Голем, ему аплодировал.

— Верно, — признал Голем. — Но с какой стати мне ставить над собой мата? Ты эти штучки брось. Вы только и глядите, как всех под себя подмять.

— Голем прав, — вмешалась Розалинда. — Так можно только дискредитировать твою идею, Тибор.

— Вождем должен быть агр, — изрек Голем тоном, не допускающим возражений.

— Интересно, кого ты предлагаешь, — спросил Тибор с ехидством, — уж не себя ли?

— Он предлагает меня, — заявила Розалинда.

— Что?! — Тибор и Голем закатились в хохоте.

— Нечего зубы скалить, — хладнокровно сказала Розалинда. — Во-первых, как вы изволили, должно быть, заметить, у меня голова варит не хуже ваших. А во-вторых, за мной пойдут не только мужчины, но и женщины. Наши ряды удвоятся.

Голема проняли эти аргументы.

— Она дело говорит.

— Если вы меня поддержите, — посулила Розалинда, — я буду во всем с вами советоваться. Мы начнем с того, что заключим соглашение с Чейзом и используем авторитет, нажитый им после выступления в согласительной комиссии. Потом соберем митинг и пригласим газетчиков, чтобы они устроили нам рекламу.

Интерес Тибора к Линде поостыл. Нет, эта девица не создана для любви, у нее государственный ум.

— Почему бы и нет? — сказал он.

3

После того как сбиры увели Сторти, Тропинин начал размышлять, следует ли ему что-нибудь предпринять, чтобы выручить симпатичного наставника. Впрочем, что он мог? Заступничество перед местными властями было бы расценено как то самое вмешательство во внутренние дела, которого посол стремился всеми силами избежать. Вдобавок ему наверняка скажут, что Сторти арестован по приказу прокурора и судьба его будет решаться в строгом соответствии с гермеситскими законами. На том все и кончится. Человеку не поможешь, а себя подставишь.

Есть ли другой способ? Тропинину показалось, что в последний момент толстяк подал какой-то сигнал. Говоря о своем злополучном мантуанском приятеле, он выразительно посмотрел ему в глаза. Чего может хотеть человек, которого сажают в тюрьму? В первую очередь известить своих друзей. Это очевидно. Столь же ясно, что их следует искать в Мантуе. Какой-то особый смысл вложен в названную Сторти сумму залога — 10 752. Но какой? Не мог же он рассчитывать, что землянин станет наводить справки, кому за последнее время пришлось вносить подобный залог, и таким путем разыщет нужное лицо. Слишком сложная версия, ее на-

до исключить. Постой, постой, а если это обыкновенный номер телефона?

Звонить из люкса было неразумно. Оставалось полчаса до официального ужина в его честь, и никто ничего не заподозрит, если мэр найдет гостя у входа в отель. Тропинин быстро оделся, вышел на улицу, отыскал автомат и набрал номер. Ответил мужской голос.

— Это номер 10 752? — спросил он для страховки.

— Да.

— С кем я говорю?

— А кто вам нужен?

— Вам известен агр по имени Сторти?

— Тут какая-то ошибка, — ответили с той стороны после секундной заминки.

— Не вешайте трубку. Вы, вероятно, опасаетесь провокации...

— С чего вы взяли?

— Не беспокойтесь, я звоню по просьбе Сторти. Его только что арестовали у меня в гостинице, обвинив в нарушении общественного порядка.

— Кто вы?

— Землянин. Вы, может быть, читали о моем пребывании на Гермесе?

После длительной паузы в трубке прозвучало:

— Разумеется. Чем вы можете доказать, что не разыгрываете меня?

— Не знаю, право, как это сделать по телефону... А, вот, — нашелся Тропинин, — я могу назвать земные материи или привести другие геофизические данные о своей планете.

— Это известно каждому школьнику из клана физиков. Лучше ответьте на такой вопрос: что представляет из себя театр?

— Театр? — удивился Тропинин. — Ну, это сцена, на которой актеры разыгрывают пьесу — драму, комедию, трагедию.

— И можете назвать хотя бы одного драматурга?

— Сколько угодно: Эсхил, Мольер, Шекспир, Ибсен, Чехов...

— Достаточно. Извините, что устроил вам экзамен.

— Ничего, я понимаю. Вы сможете ему помочь?

— Надеюсь. Как он оказался у вас?

— Пришел просить о помощи Рому и Уле.

— Я сейчас выезжаю. Смогли бы мы встретиться?

— Конечно. Заходите ко мне в отель «Семью семь».

— Это нежелательно.

— Тогда встретимся у будки автомата, откуда я с вами говорю. Это в ста метрах от гостиницы, рядом с магазином обуви.

— Хорошо, я буду через два часа.

— Боюсь, что могу опоздать. В мэрии сегодня официальный ужин...

— Ничего, я подожду. До встречи. Да, забыл сказать: зовут меня Дезар. Среднего роста, седой, в очках, буду курить трубку.

Во время ужина, как полагается, произносились речи об историческом значении миссии инспектора и взаимной выгоде будущего сотрудничества между Землей и Гермесом, провозглашались витиеватые тосты. Попытки гостя навести разговор на последние события в городе ни к чему не привели. Мэр и другие высокие чины отвечали, что газеты сильно раздули малозначный эпизод бытового толка и лучше поговорить о перспективе космических связей. Однако Тропинин заметил, что его хозяева были явно чем-то озабочены и не затягивали застолья. Это входило и в его расчеты. В назначенный час он встретился с мантуанцем в условленном месте.

— Синьор Дезар?

— Рад познакомиться с вами, синьор инспектор. Признаюсь, для меня необыкновенно много значит эта встреча. Мы можем поговорить в маленькой таверне филов недалеко отсюда. Там нам не помешают.

Действительно, кроме бармена-робота, никого в та-

верне не было. Они устроились в уголке и заказали кофе.

— Мне нужно о многом расспросить вас, легат, — начал Дезар, — и в свою очередь, я могу рассказать немало такого, что, видимо, должно вас заинтересовать. Но прежде о причине нашего свидания. Я принял кое-какие меры и надеюсь, что, пока мы с вами беседуем, славный наставник будет извлечен из веронских застенков.

— Да вы, оказывается, могущественный человек.

— О, нет, — улыбнулся Дезар, — просто у меня есть друзья, на которых можно положиться.

— В таком случае моя совесть чиста и я готов для начала ответить на ваши вопросы.

— Расскажите мне о Земле.

Тропинин развел руками.

— Вы меня ставите в тупик. Тема — столь необъятна...

— Вы правы, я некорректно поставил вопрос. Меня интересуют в первую очередь не технические достижения, а устройство общества и образ жизни землян. В самых общих чертах, разумеется.

— Охотно. Итак, пройдя в первой половине XXI столетия наиболее бурный отрезок своей истории, человечество сумело избавиться от угрозы ядерного самоуничтожения. Накопленные к тому времени горы оружия — атомного, химического, биологического, электронного — были уничтожены, за исключением военных средств, необходимых для обороны Земли от космических нашествий. Это стало возможным благодаря повсеместному утверждению социалистического строя, основанного на свободном труде, демократии и самоуправлении, равенстве и солидарности людей и наций.

Я не в состоянии, как вы понимаете, описать все подробности исторического процесса, изобиловавшего классовыми столкновениями, приливами и отливами революционной волны, конфронтацией интересов различных со-

циальных групп, которая находила отражение в острой идейной полемике. Скажу только, что наиболее сложной проблемой переходной эпохи оказалось преодоление национального эгоизма, создание международного порядка, способного соединить отдельные общества в единое земное сообщество, сосредоточить его силы и средства на решении таких неотложных задач, как ликвидация голода, нищеты, эпидемических болезней, спасение среды обитания человека, загрязненной шлаками цивилизации, поиск новых источников энергии, освоение богатств Мирового океана и Космоса.

Самой трудноразрешимой из этих задач была ликвидация ужасающего разрыва в уровне развития разных стран, ставшего результатом колониального господства и угнетения. Чтобы вы имели представление о его размерах, приведу две цифры, отложившиеся в памяти. В 80-е годы XX века годовой доход на душу населения в наиболее отсталых странах был в сто раз меньше, чем в развитых капиталистических, а один житель США потреблял столько же, сколько пятьсот индийцев. Причем пропасть между богатыми и бедными продолжала стремительно углубляться, в итоге накапливался взрывчатый материал для международных конфликтов. Радикальному изменению этой трагической ситуации препятствовал империализм, всеми силами стремившийся сохранить свои привилегии. Требовалось преобразовать не только консервативные экономические, социальные и политические структуры, но и само человеческое сознание. Люди должны были понять, что и суровая необходимость выживания человеческого рода, и собственные их правильно понятые интересы, и благо грядущих поколений требуют, чтобы они мыслили, чувствовали, действовали не как представители отдельных наций, а как земляне.

— По аналогии, нам следует мыслить и действовать не как представителям разных кланов, а как гермеситам, — сказал Дезар.

— Делайте выводы сами, — улыбнулся Тропинин. — Во всяком случае, установление социалистического миропорядка означало конец предыстории человечества и начало его подлинной истории. Объединение народов в одну братскую семью не стало результатом некоего единовременного акта творения, а опять-таки растянулось на целую эпоху, в течение которой шла напряженная борьба вокруг принципов нового устройства мира, отыскивались и проходили испытание на практике его оптимальные формы. Первоначально процесс интернационализации охватил сферу экономики и культуры, его мощным ускорителем стала научно-техническая революция. Совершенные средства транспорта и связи до предела сжали земное пространство и способствовали многократному умножению обмена материальными и духовными ценностями. Тот, кто предпочел бы общению изоляцию, обрекал себя на отсталость, лишался доступа к мировой сокровищнице, которую каждый народ обогащал своим вкладом, черпая взамен передовые знания и опыт. Независимость становилась менее выгодной, чем взаимозависимость, а выгода, что бы там ни говорили, была и останется одним из двигателей человеческих деяний.

Что касается политической сферы, то здесь, по понятным причинам, дело продвигалось медленней. По мере того как международная атмосфера очищалась от подозрительности и недоверия, государства добровольно передоверяли все большую часть своих полномочий коллективным ассоциациям. На смену Организации Объединенных Наций пришла Всемирная Федерация во главе с законодательным собранием, одна палата которого избиралась непосредственно населением, а другая составлялась из полномочных представителей правительств. В результате дальнейшей длительной эволюции национальные государства отмерли, и теперь земное общество — именно единое общество, а не сообщество — управляется Советом Земли, члены которого выбираются

прямым и равным голосованием всего двадцатимиллиардного человечества. В его задачи входит общее планирование социально-экономического и культурного развития, распределение ресурсов, обеспечение общественного порядка и регулирование отношений с другими обитаемыми планетами. Такие же функции в местных масштабах имеют Советы континентов, провинций и районов. Основной же ячейкой нашего общества является самоуправляемая община.

— Вы упомянули об отношениях с другими планетами. Нельзя ли об этом подробнее?

— Разумеется. Вам, видимо, известно, что до сих пор нигде не удалось обнаружить иной, отличной от нашей формы разумной жизни. Все обитаемые миры, а их теперь немало, заселены человеком, шагнувшим во Вселенную и постепенно осваивающим ее, как в древние времена мореплаватели один за другим открывали и осваивали земные материки. Вполне понятно, что природные условия других планет накладывают свой неизгладимый отпечаток на образ жизни людей, с прошествием столетий в их сознании, характере технического прогресса, социальных отношениях и общественном устройстве появилось много своеобразного. Ваш Гермес — наглядный тому пример. Однако в отличие от гермеситов жители подавляющего большинства земных колоний поддерживают устойчивую связь со своей родиной, что позволяет говорить о существовании уже не земной, а вселенской цивилизации. Вот уже два века насчитывает Союз разумных миров, в просторечии именуемый Великим кольцом — этот образ принадлежит советскому писателю-фантасту Ивану Ефремову. Он высказывал логичное предположение, что, распространив свою цивилизацию за пределы родной планеты, люди будут стремиться держаться за руки. Кольцо — символ такого единения. Подобно тому, как на Земле победила интернационализация, в Космосе успешно развивается процесс, который можно назвать вселенизацией.

— И в высшей степени прискорбно, что мы до сих пор оставались в стороне от этой столбовой дороги прогресса.

— Рад, что вы так думаете, Дезар. Что касается земель, то, смею вас уверить, они никогда не забывали о Гермесе, хотя ваши предки, покинув колыбель человечества, были в некотором роде дезертирами. Надеюсь, я не обижу вас такой оценкой.

— Я не отношусь к числу квасных патриотов, легат. Но что вы имеете в виду? Признаюсь, до сих пор мне никак не удавалось докопаться, что же в действительности послужило причиной их отъезда. Официальная версия заключается в том, что ими двигало желание учредить образцовое общество, нечто вроде Новой Атлантиды Френсиса Бэкона.

— Вероятно, что-то в этом духе имело место. По крайней мере, для публики экспедиция мотивировалась именно так. Но я полагаю, что главным побудительным мотивом был страх.

— Перед чем?

— Перед революцией и ядерной войной. Вы не должны забывать, что это было время, когда в одной капиталистической стране за другой люди труда брали в свои руки власть, упраздняли частную собственность и устанавливали социалистические порядки. Державшиеся еще цитадели старого порядка ошетинились, угрожая ввергнуть мир в тартарары. И вот газеты печатают сенсационное сообщение об открытии планеты, абсолютно идентичной Земле и потому идеальном месте для заселения. Весьма значительное для тогдашней техники космоплавания расстояние, колоссальные затраты, необходимые для переброски людей и грузов, исключают возможность организованного освоения Гермеса. Да и Земле не до того, у нее тысячи гораздо более неотложных забот, чем послать кучку пионеров за тридевять земель, не имея никаких шансов возместить расходы в предвидимом будущем.

Тут и появляется на сцене группа толстосумов, желающих любым способом унести ноги подальше от Земли, которая, по их убеждению, вот-вот покроется ядерными грибами. При баснословных богатствах им ничего не стоит построить самый современный для того времени космолет, снарядить его всем необходимым для длительного путешествия и отправиться в путь-дорогу. Строительство начинается втайне на одном из островов Тихого океана и длится десять лет. За это время секрет выходит наружу, и находится еще несколько сот миллионеров, желающих сохранить свои драгоценные жизни, а заодно — основать на далеком Гермесе новый Эдем. Образуется консорциум с капиталом около трехсот миллиардов долларов, и на стапелях закладываются еще три корабля той же конструкции. Наконец экспедиция готова к старту. В космолеты погружается сорок тысяч человек: владельцы ведь вынуждены взять на борт большую команду навигаторов, инженеров и техников, чтобы обеспечить полет, врачей, которые их лечили бы, поваров, которые их кормили бы, учителей, которые учили бы их детей, и так далее. Помимо обслуживающего персонала, надо было найти место для ученых и специалистов самого разнообразного профиля, чтобы не пришлось на Гермесе начинать все сызнова. Позаботились, естественно, о фундаментальной библиотеке, коллекции магнитофонных записей и кинофильмов, чтобы развлекаться, а специальный отсек был выделен для образцов земной флоры и фауны, которые рассчитывали развести на месте своего нового обитания. Словом, это был своего рода Ноев ковчег, содержащий в миниатюре всю земную цивилизацию.

Что до мирового общественного мнения, то интерес к предприятию, вспыхнувший вначале, постепенно ослаб, был вытеснен гораздо более насущными для землян проблемами дня. Это было на руку консорциуму, вовсе не склонному привлекать к себе внимание. Публикации же, время от времени появлявшиеся в печати, тщатель-

но готовились специально для того учрежденным «мозговым центром». Акцент в них делался на гуманистическое и научное значение экспедиции, ее инициаторов называли колумбами, движимыми единственной целью — открыть для человечества землю обетованную. Подчеркивалось, что, когда пионеры обживутся, к ним смогут присоединиться другие переселенцы. А кучка ловких дельцов основала даже акционерную компанию будущих гермеситов, сделав выгодный бизнес.

Вы спросите, Дезар, как относились люди ко всей этой затее? По-разному. Одни воспринимали ее как подвиг во имя человечества. Другие, напротив, полагали, что ее инициаторы, подобно крысам, бегущим с тонущего корабля, озабочены лишь спасением собственной шкуры. Третьи оставались безразличны. А подавляющее большинство выражало возмущение выбрасыванием на ветер гигантских средств, которых хватило бы, чтобы спасти от смерти сотни миллионов голодающих.

Вот как выглядела картина к тому моменту, когда космолеты стартовали с околоземной орбиты и взяли курс на Гермес. Первое время связь с ними поддерживалась бесперебойно, Земле сообщили, что путешественники благополучно достигли цели и приступили к заселению планеты. Потом сообщения перестали поступать, а земляне по разным причинам не смогли снарядить новую экспедицию, чтобы выяснить, что случилось. И вот теперь, спустя несколько веков, Гермес дал о себе знать, подав заявку на вступление в Великое кольцо.

Такова известная мне часть вашей истории, Дезар. Очередь за вами.

— Благодарю, легат. Ваш рассказ помог мне понять многое. И я начну с того места, на котором вы остановились.

Уже в полете, продолжавшемся почти пятнадцать лет, произошли важные события. Я, понятно, не имею в виду естественное течение жизни: старики умирали, де-

ти взрослые, молодые заключали браки, появилось поколение, никогда не ступавшее ногой на Землю. Гораздо существенней перемены в умонастроении людей. В маленьком коллективе, изолированном от общества и наглухо замурованном в скорлупы космических кораблей, неизбежно должны были разрушиться старые связи и возникнуть новые. Земные фетиши, которым астронавты привыкли поклоняться, выглядели нелепыми, отпали правовые табу, лишились прежнего сакраментального смысла традиции. В самом деле, какое имело значение, кто именно вложил средства в организацию экспедиции, когда деньги потеряли всякую цену? За сильными мира сего не стояло больше никакой принудительной силы, и они вынуждены были стать на одну ногу с остальными. Произошла своего рода необъявленная революция. Космос всех уравниал.

Но если утратил могущество капитал, то его приобрело позитивное знание. На первый план выдвинулись те, кто вел корабли, умел обращаться с техникой, обладал практической сметкой, был специалистом в каком-то деле. С высадкой на Гермесе их роль еще более возросла, причем ключевой фигурой стал инженер.

— В увлекательном романе Жюль Верна «Таннственный остров», — вставил Тропинин, — именно инженер Сайрус Смит является душой маленькой группы, попавшей на необитаемый остров. Любопытная иллюстрация к вашему тезису, не правда ли?

— К сожалению, мне не приходилось слышать о Верне, ведь художественных произведений у нас не издают, а книги из библиотеки, вывезенной с Земли, по большей части погибли, растащены или содержатся в особом фонде, доступ куда ограничен. Зато я читал «Робинзона Крузо». Герою этой книги было не до высоких материй, все его помыслы сводились к тому, как разжечь костер, подстрелить дикую утку, соорудить хижину. Словом, выжить. Так вот, среди гермеситских робинзонов были в почете именно подобные умельцы.

Короче, цивилизация наша с самого начала приобрела сугобо техническую направленность. Как всегда бывает в таких обстоятельствах, понадобилось обосновать ее идеологически, за что взялись прихваченные экспедицией гуманитарии — философы, экономисты, политологи, юристы. Мне удалось ознакомиться с хранящимися в архиве протоколами их заседаний. Судя по всему, эти люди вдохновлялись идеей создать образцовую технократию или ученократию на основе модных в конце XX века буржуазных утопий — «постиндустриального общества», «технотронной эры», «информатической цивилизации» и тому подобное. После длительных дискуссий они порешили на том, что в основу гермеситского общественного устройства следует положить принцип профессионализма.

— А кланизм? — спросил Тропинин.

— Он появился позднее. Вообще, легат, первоначальное устройство гермеситского общества было лишено тех крайностей, которые поражают своей нелепостью всякий непредвзятый ум, тем более стороннего наблюдателя. Это можно сказать и об учрежденной отцами нашей конституции системе правления. В ней даже было немало привлекательного, подсказанного искренним побуждением создать образцовый механизм, способный работать, как электронные часы. Любопытная деталь: модель, созданная теоретиками-гуманитариями, была тщательно обследована с математической точки зрения: ее квантировали, разложили на совокупность цифровых коэффициентов, определили численное выражение взаимосвязей между узлами, а затем прогнали все это через электронную машину, которая указала, где образуются слабые места и какие необходимо внести коррективы. Таким образом, это был по преимуществу продукт технической мысли, мало принимавший во внимание филигранную сложность социальных процессов и вовсе игнорировавший такой капитальный фактор, как человеческая психология.

Наконец, творение конституции было завершено, и спустя двадцать лет после высадки колонисты приняли ее всеобщим голосованием. Наиболее важный ее компонент составила Декларация профессионализма. Она провозглашала, что жители Гермеса отныне и навеки отказываются от разделения по национальному признаку и будут считать себя членами одной семьи — гермеситами. Одновременно заявлялось, что единственное социальное различие, которое допускается на планете, — это естественное различие по профессиям.

— Как неотчуждаемые права человека у Руссо и других просветителей.

— Совершенно верно. Вы видите, что здесь трудно усмотреть злой умысел. Наши предки резонно полагали, что разделение труда продиктовано самими условиями существования человеческого рода и, значит, отличие между людьми, как специалистами, носит естественный, природный характер. А чтобы отсюда не проистекало каких-либо элементов неравенства, все занятия объявлялись заслуживающими одинакового уважения.

Что касается системы управленческих органов, то она стала причудливой смесью традиционного парламентаризма и технократической утопии. Вдобавок гермеситы, подобно французам эпохи Великой революции, прошли стадию повального увлечения античной демократией. Отсюда у нас такие должностные лица, как эдилы, квесторы, префекты и тому подобное. Мода на Рим расширилась до моды на все итальянское. Начиная со своей столицы, гермеситы стали присваивать другим городам звучные имена: Неаполь, Милан, Флоренция, Венеция, Падуя, Мантуя, Верона. Более того, многие переселенцы взяли себе итальянские фамилии.

— Вероятно, так появились на Гермесе семейства Монтекки и Капулетти?

— К этому я и веду. Разумеется, сохранились имена

других национальных звучаний. Мое, например, французского происхождения, а мой приятель Ферфакс явно из англичан. Впрочем, теперь все это — преданье старины глубокой. У нас нет наций, а есть профессии. В результате длительной эволюции произошло то, что с неизбежностью должно было произойти: положенный в основу конституционного строя и безобидный по своей сути принцип деления людей по специальности в условиях однобокой, сугубо технической цивилизации привел к формированию изолированных друг от друга, замкнутых в себе групп со своими интересами, взглядами, вкусами, обычаями и, главное, языком. Нормальный профессионализм выродился в тотальный. Приблизительно пятьсот лет назад эта дегенерация нашла законодательное закрепление. С тех пор идея кланизма приобрела доминирующее значение, все на ней строится и проникнуто ее духом: производство, быт, семья, школа, управление, даже религия.

— Да, мне рассказали об удивительном технократическом божестве Разуме в его девяти ипостасях.

— Идея такой рационалистической веры, обожествления знания, как вам известно, легат, принадлежит все тем же утопистам. У нас ею воспользовались, чтобы хоть как-то возместить отсутствие самого могучего инструмента, формирующего нравственное сознание, — искусства.

— Вот чего я не могу понять, Дезар. Как основатели вашего общества, люди отнюдь не темные, могли выбросить на свалку художественное творчество?

— Дело обстояло не совсем так, легат. Никто не покушался на убийство муз, и на Гермесе не складывали костров из книг. Просто искусство не поощряли, поскольку в глазах фанатичных технократов оно не играло позитивной роли и лишь отвлекало людей от главной жизненной цели — совершенствоваться в своей специальности. Если первое поколение колонистов еще питало пристрастие к литературе, живописи, музыке, то

последующие стали от них отвыкать, тем более что никто не печатал романов, не ставил пьес, не снимал художественных фильмов. Иначе говоря, искусство не убивали, оно тихо скончалось само от недоедания.

— И еще один вопрос, Дезар. Ну, хорошо, искусство мешало технократам, не вписывалось в их идеальную схему, и они его похоронили. Но объясните мне, как случилось, что гермеситы, достигнув известных успехов в технике, ухитрились утратить космоплавание? Кстати, где находятся корабли, доставившие пионеров на планету? Всякий раз, когда я спрашивал об этом, мои собеседники предпочитали уходить от ответа.

— Да, этот эпизод нашей истории находится под секретом. Дело в том, уже в первые десятилетия, когда гермеситские порядки приобрели отчетливые очертания, нашлись люди, которым все это не понравилось. Они попытались предостеречь общественное мнение, высказав убеждение, что упор на техническую цивилизацию и обожествление профессионализма может иметь самые пагубные последствия. От них отмахнулись. Им не оставалось ничего другого, как вернуться на Землю, и удалось привлечь на свою сторону нескольких технарей. Власти, естественно, этому воспротивились, произошло столкновение, в итоге которого космолет, готовившийся к старту на Землю, был взорван. И тогда один из фанатиков, пользовавшийся огромным влиянием, заявил, что гермеситы должны уничтожить оставшиеся корабли, как ахейцы сожгли свои суда у стен Трои, чтобы никогда и никто не мог покинуть планеты. Заодно было принято решение порвать связь с Землей, дабы никто не помешал успешному завершению великого эксперимента. Так Гермес оказался на долгие столетия отрезанным от других цивилизаций.

— Скажите, Дезар, неужели все это время не повторялось попыток сопротивления?

— Они были и есть, но лишь в виде пассивного протеста. Заложенная в натуре человека инстинктивная

тяга к универсальности неистребима, она прорывается здесь и там вопреки всей давящей громаде гермеситского истэблишмента — законов, церкви, традиций, предрассудков. У нас не принято говорить об этом вслух, но все знают о существовании секты универов. На своих сборищах они поносят тотальный профессионализм и посвящают друг друга в клановые тайны. Гонимые властями, эти люди по-своему ищут способа реализовать истинно человеческую потребность во всестороннем развитии. Однако в наших условиях и эта форма самовыражения поневоле приобрела уродливый вид. Универы отрицают девятибожие, но только для того, чтобы поклоняться все тому же единому божеству — Разуму. Их мысль остается замкнутой в технократическом круге, им не приходит в голову, что само понятие *ratio* несовместимо с любой религией, включая ту, которая возводит на пьедестал науку.

— Вы правы, когда я спросил у Мендесоны, есть ли на Гермесе ереси, он уклонился от ответа.

— Мендесона? Бородатый начальник канцелярии Сената?

— Да.

Дезар рассмеялся. Тропинин взглянул на него вопросительно.

— Вам покажется это забавным, легат, но дело в том, что Мендесона сам сектант, только другого рода.

— То есть?

— Подобно тому, как в низах общества сложилась секта универов, в верхах сформировалась своего рода масонская ложа. Так вот, бородач — ее Великий магистр.

— И чем же занимаются ваши масоны? — спросил до крайности удивленный Тропинин.

— Да тем же, чем и универы. Вдобавок читают стихи, слушают музыкальную классику, показывают друг другу свои живописные полотна. Печально, не правда

ли, что искусство стало всего лишь изысканным развлечением снобов. Для людей, принадлежащих к высшему кругу, это форма творческого наслаждения, испытание возможностей ума. Ревностно охраняя общественный порядок, на котором зиждется их благополучие, они нарушают его втихомолку. Конечно, речь идет о группе избранных, им приходится скрывать свою измену профессиональному кланизму от своих же соратников-обскурантов, что придает дополнительное острое ощущение их тайным сходам.

— Поразительно! Как же относится к этому Великий математик, не может же он не знать о втором лице своего помощника?

— Он, безусловно, знает, потому что сам состоит в ложе.

4

— Ула, — позвал Ром.

Она открыла глаза и, сонная, потянулась в его объятия.

— Пойдем, соня, я тебе кое-что покажу.

Они вышли во двор, Ром подвел ее к зеленеющим грядкам.

— Видишь, какая здесь плодородная земля. Семена, что я посадил в день нашей свадьбы, уже дали первые всходы.

— Ты кудесник, — сказала Ула, рассеянно взглянув на грядки. И неожиданно добавила: — Знаешь, мы, должно быть, убоги — ты со своей агрономией и я со своей математикой. Ничего сверх того не умеем. И ничто уже нас не изменит.

— Ерунда, — возразил Ром, — мы молоды, у нас впереди целая жизнь.

На крыльце появился робот.

— Пожалуйста завтракать.

— А ты, Робби, как думаешь, способен человек овладеть несколькими профессиями?

— Я думаю, хозяин, человек способен на все. Он всемогущ, раз уж сумел создать себе в помощь нас, роботов. Только... — робот замялся.

— Не стесняйся, говори.

— Не в обиду вам будь сказано, все это блажь, хозяин. Каждый должен хорошо делать одно дело, к которому приставлен. Взять меня. Я сконструирован как повар. Кому будет польза, если вдруг мне втемяшится в голову знать и то, что полагается роботу-полицейскому или роботессе-медсестре?

— Но ведь ты робот, не человек.

— А какая разница?

Ула засмеялась.

— Ладно, Робби, пойдем посмотрим, чем ты собрался нас потчевать.

После завтрака они отправились верхом на прогулку и открыли для себя новые пленительные уголки горного края. На обратном пути Уле захотелось пить, деревня оказалась рядом, и она предложила заехать.

— Сторти советовал туда не заявляться, — заколебался Ром.

— Мало ли что! — беззаботно сказала Ула. — Мы ведь не прокаженные, чего нам бояться?

Поселение состояло из нескольких десятков аккуратных домиков, выстроенных вокруг небольшой центральной площадки, где размещались местная управа, школа, поликлиника, кафе. Слонявшиеся здесь несколько человек оглядели наездников равнодушными взглядами: богатые горожане, проводящие отдых в горах, были здесь не в диковинку.

Когда Ула увидела знакомое типовое здание школы, она остановила коня и поделилась с Ромом мыслью, давно не дававшей ей покоя.

— Послушай, милый, а почему бы мне не устроиться сюда преподавателем? Честно говоря, я соскучилась по своим формулам.

— Ты всерьез?

— Вполне. Не сидеть же мне у кухонной плиты с нашим Робби.

— На участке много работы. Я надеялся, что ты увлечешься садом. — В голосе Рома прозвучало разочарование.

— Я только крутилась бы у тебя под ногами.

— Потом, ты ведь знаешь, что в средней школе учительствуют только роботы.

— Не совсем так. Те, кто готовится в аспирантуру, чтобы стать профессором в Университете, обязательно должны пройти стажировку в школе. А вообще, нового суперисчисления я не открою, мое призвание — педагогика. Да и лишние деньги нам не повредят, не можем же мы жить на одни подачки родителей.

— Положим, я в состоянии обеспечить семью, — оскорбился Ром. — Ну, ладно, раз уж ты так загорелась — учи детишек.

Они спешили, вошли в здание и попросили привратника-робота провести их к директору школы. Тот вежливо приветствовал молодых людей и спросил, чем может быть полезен.

— Видите ли, синьор директор, моя жена ищет работу и хотела бы стажироваться в вашей школе. Мы поселились неподалеку. Извините, я не представился: Ром Монтекки, а это — Ула.

— Монтекки? Постойте, олдермен Монтекки из Вероны уж не ваш ли родственник?

— Это мой отец.

— Подумать только! — Подвижный, как живчик, пухлый директор выкатился из-за своего стола и горячо пожал Рому руку. — Ведь мы с ним учились в одной группе на агрофакультете. Чрезвычайно достойный человек. К сожалению, с тех пор нам не довелось встречаться, и я лишь издали радовался его успехам. Как он сейчас?

— Отец болен, но врачи надеются, что ему удастся стать на ноги.

— Пожелайте вашему родителю скорейшего выздоровления и посоветуйте переселиться в наши края. Здесь целительный воздух, а дело для такого крупного специалиста всегда найдется.

— Благодарю вас, синьор директор.

— Называйте меня просто Этторе. Итак, вы хотите устроить к нам свою женушку? Что ж, думаю, это возможно. У юной синьоры есть, конечно, диплом об окончании агрофакультета.

— Не совсем так, — сказала Ула.

— То есть вы еще студентка? Ничего страшного, мы имеем право брать на стажировку и без диплома.

— Дело не только в этом. Я учусь на математическом факультете и хотела бы преподавать у вас смежные знания по этой дисциплине.

Глаза директора округлились.

— Не понимаю, ведь вы синьора Монтекки...

— Да, я из семейства Капулетти, — возможно, вы слышали эту фамилию, — вышла замуж за сына вашего друга.

— Но позвольте, агр и мата, это так необычно... Теперь я вспоминаю, что читал о вас в газетах.

— Увы, синьор Этторе, мы с Улой стали жертвами кланового фанатизма. Убежден, что вы не разделяете мнения, будто мужчина и женщина не имеют права пожениться только потому, что у них разные профессии.

— Лично я, голубчик, не стал бы поднимать вокруг этого большой гвалт. Каких только странностей не случается в жизни! Даже в нашей забытой богом дыре. Тут у нас недавно один старый осел — ему под восемьдесят — ухитрился жениться на двадцатилетней. Правда, они оба были.

— Благодарю вас, я не слишком опытен в житейских делах, но отец всегда говорил, что у сельских жи-

телей в тысячу раз больше здравого смысла, чем у горожан.

— Твой родитель — умница и настоящий агр. Скажи ему, что, если он захочет к нам перебраться, место здешнего главного агра ему обеспечено. Я пользуюсь некоторым влиянием в общине.

— Так вы берете меня? — спросил Ула.

— Нет, доченька, — не моргнув глазом, ответил живчик. — Стажера по математике нам не требуется, у нас ведь учебное заведение с агроуклоном. Так что с преподаванием смежных знаний, пустяковых по объему, вполне справляются роботы. Это, я вам скажу, такие интеллектуалы, что я и сам люблю с ними потолковать о том о сем. От них можно набраться ума-разума. Ну вот, и физиономии у вас сразу вытянулись. Эх, нынешняя молодежь, при первом же препятствии опускаете руки. Мы в наше время были не такими, отчаянно дрались за свое место в жизни. Не унывайте, други мои, выше головы!

— Признайтесь, синьор директор, — сказал Ром, с нетерпением выслушав эту бодряческую тираду, — вы боитесь за свое положение?

— Этторе никогда ничего не боялся, кроме бога нашего Колоса. Но осторожность никогда еще никому не повредила. Подумайте, дети мои, прими я сейчас Улу на работу, местные клановые патриоты могут поднять бучу — бойкотировать школу или даже, чего хуже, разнести ее вовсе. Народ здесь дикий, необузданный, хотя в основе своей добрый и простодушный. Они сначала разнесут, а потом будут искренне сокрушаться. Да и Уле было бы в такой обстановке неуютно, наши экстремисты на все способны. Так что пусть страсти поулягутся, а там будет видно. Пока же мой вам совет: не высовывайте носа из своего бунгало. И не забудь, сынок, передать мои приветы старшему Монтекки.

Огорченные, вышли Ром и Ула из школы. Ведя копей в поводу, они подошли к бару, привязали своих ло-

шадок к дереву и заглянули внутрь. В помещении было накурено, четверо местных жителей, рассеявшись у стойки, потягивали ячменку. Ром и Ула сели за столик в уголке и попросили робота подать лимонаду.

— Что ж, теперь нас повсюду будут остерегаться, как чумных? — спросила Ула.

— Не горюй, — наигранно веселым тоном сказал Ром, чтобы ободрить подругу, хотя у него самого на душе было мутно. — Проживем без этой паршивой школы и ее лицемерного директора.

— Пойми, Ром, я закахну без своего дела.

— Потерпи немного, уверен, все придет в норму. А пока мы можем пожить в свое удовольствие.

У стойки поднялся галдеж. Мирная беседа собутыльников явно перерастала в ссору.

— Не советую тебе, Бруно, затевать скандал, не нашего ума это дело, — сказал один.

— Мне наплевать, Пит, что ты на этот счет думаешь! — огрызнулся другой.

Он подошел к столику, подбоченился и заявил с вызовом:

— Убирались бы вы отсюда подобру-поздорову!

— Почему? — спросил Ром.

— Ты ведь Монтекки, который спутался с матой? Я тебя сразу узнал.

— Я и не отказываюсь. А это моя жена. Что дальше?

— А то, что мне не нравится, когда предатели суются к нам в деревню.

— А мне не нравится ваша физиономия, синьор, не знаю, как вас звать.

— Не задирайся, Ром, — прошептала Ула ему на ухо, — уйдем отсюда.

— Ах ты, молокосос!

Бруно полез на Рома с кулаками. Ром подпустил его поближе, сильно ударил в подбрюшье. Тот согнулся и упал на соседний столик. Двое его дружков полезли на Рома, но третий сцепился с ними, крича:

— Уходите, я задержу этих дураков!

Ром схватил Улу за руку, они выбежали, вскочили на лошадей и помчались во весь опор, хотя никто за ними не гнался.

— Видишь, — сказал Ром, отдышавшись, — и здесь у нас нашлись защитники.

— Эх, Ром, — засмеялась Ула, — сразу видно, что ты не мат, считать не умеешь. За нас один, а против трое. Если все население Гермеса поделится в такой же пропорции — нам несдобровать. А здорово ты двинул этого типа, молодчина!

— И все же, — сказал Ром ворчливо, — нам не следовало ездить в деревню. Сторти предупреждал...

— Моя вина, — признала Ула. — В другой раз можешь не слушать свою безрассудную жену.

Они остановились у водопада, чтобы еще раз послушать мелодию падающих струй и прийти в себя после очередного неприятного переживания.

— Скажи, Ром, почему агры так не любят матов? Там ведь были агры?

— Почему же, могли быть и билы, химы или теги. В таких поселениях нужны разные спецы.

— Во всяком случае, Бруно из вашего племени.

— Матов недолюбливают все кланы. И есть за что. Ваши люди надменны, смотрят на прочих свысока. Кому это может нравиться?

— Но, согласись, мы делаем самую важную работу.

— Ты повторяешь то, что сказала в первую нашу встречу.

— Что с того, если это правда.

— Ты опять за свое. Вам с детства внушают мысль о превосходстве матов над другими кланами. А ведь по конституции все кланы равны.

— Равны в порядке очередности. Там так и записано: номер один — маты, номер два — физы и так далее. Ну, признай, милый, кто-то ведь должен управлять,

а на это способны только те, кто умеет обращаться с ЭВМ.

— Что ж, — в сердцах сказал Ром, — управляйте. Но тогда не жалуйтесь, что вас не любят.

— Ром, — не унималась Ула, — ты и сам занялся математикой. У тебя есть способности, с моей помощью овладеешь и суперисчислением, сможешь пробиться наверх. Не копать же нам с тобой весь свой век в навозе.

— Я рожден для навоза, как ты изволила выразиться, люблю свою профессию и никогда ей не изменю.

— Ты меня уже не так любишь, Ром?

Он взглянул на нее с упреком.

— Ула, чем больше нас преследуют, чем более дорогую цену за наш союз приходится платить нам самим и нашим близким, тем сильнее мое чувство к тебе. Но не требуй от меня измены самому себе. Я ведь не прошу, чтобы ты забросила свою математику и занялась чуждым для себя делом. Правда, что я сам начал изучать твою специальность, чтобы найти общий с тобой язык, завоевать тебя, и буду бесконечно рад, если и ты проявишь интерес к моей профессии, не отрекаясь от своей. Я долго размышлял над всем этим и осознал одно: мы можем понимать и любить друг друга, оставаясь каждый тем, что он есть.

Он прав, подумала Ула, только в его словах слишком много рассудочности. От них веет холодком. Ром не так относился ко мне до нашего сближения. Это уже не тот пылкий юноша, который готов был ради меня не просто дать изрубить себя на куски, но и вывернуть свою душу. Как трогателен он был, когда на ломаном языке матов, похожем на детский лепет, признавался в своих чувствах! Вероятно, со временем он все больше станет походить на старшего Монтекки — сурового агра, фанатически приверженного своей профессии. Уж не лучше ли расстаться заранее?

Ула молчала, и Ром подумал, что она своенравна,

капризна, не желает внимать доводам здравого смысла.

«Мог ли я ожидать, что у моей жены так скоро проявится инстинкт стяжательства и она будет толкать меня на путь карьеры, ничуть не заботясь о моих склонностях и интересах? А ведь мать предупреждала меня, что Ула привыкла к роскоши, ее не соблазнишь «раем с милым в шалаше». Если так пойдет дальше, она уподобится старшей Капулетти, сварливой и вздорной матроне. Стоит ли дожидаться?»

Бог ты мой, Колос, какие чудовищные мысли приходят мне в голову! Как я мог хоть на секунду усомниться в своей возлюбленной, которая ради меня отважилась бросить свой дом, порвать с родней, пойти на невзгоды и лишения! Ула капризна — таковы все женщины. Она тревожится о нашем будущем — разве не так должна поступать молодая хозяйка, сознающая ответственность за свою семью? Я обязан сейчас, здесь, немедленно сказать ей нечто такое, чтобы никогда больше между нами не возникало размолвок. Но где найти нужные слова?»

Долго сидели они у водопада, занятые своими мыслями. Потом Ром взял Улу за руку и сказал:

Ты уйдешь — меня не станет.
Нет, не то, что я умру,
Тело жить не перестанет,
Не грозит ничто уму.
Просто я не буду мною —
Головешка от огня,
Да и ты совсем иною
Тоже будешь без меня.

— Что это, Ром?

— Стихи. Жалкие, но стихи. Помнишь Дезара? Они сложились у меня сами собой. Я хочу сказать тебе, Ула...

— Не надо, милый, лучше не скажешь. Хочешь, прочитаю тебе стихи о таких же, как мы с тобой, влюбленных, только они жили давно, на Земле...

И она стала читать:

Люди! Бедные, бедные люди!
Как вам скучно жить без стихов,
без иллюзий и без прелюдий,
в мире счетных машин и станков!

Без зеленой травы колыханья,
без сверкания тысяч цветов,
без блаженного благоуханья
их открытых младенческих ртов!

О, раскройте глаза свои шире,
нараспашку внимание и слух,
это ж самое дивное в мире,
чем вас жизнь одаряет вокруг!

Это — первая ласка рассвета
на росой убеленной траве, —
Вечный спор Ромео с Джульеттой
о жаворонке и соловье.

Она прильнула к нему.

Подъезжая к дому, они увидели, что здесь произошло что-то неладное. Двор был усеян осколками разбитых стекол, крыльцо повреждено, а их чудо-робот, нервно хохоча, наводил порядок с помощью автомелты.

— Что случилось, Робби? — спросила встревоженная Ула.

— Ничего особенного, хозяйюшка, пара хулиганов поупражнялась в метании пращи.

Ром с Улой переглянулись: наверное, Бруно со своими дружками.

— Больше они ничего не собирались сделать?

— Кто знает, что у них было на уме? Да я не позволил.

— Молодец! — похвалил Ром.

— К сожалению, хозяин, вы ведь знаете, я не имею права наносить увечья людям, а вызывать к их совести было бесполезно.

— Как же ты их отогнал?

— Подвел к окну шланг и направил на них струю.

Это им не понравилось, и они дали тягу. — Робот опять засмеялся.

— Ты доволен, что обратил негодяев в бегство?

— Само собой, только смеюсь я не поэтому. Они угодили в меня камнем и испортили сенсорный блок. Вот я и хохочу без удержу. Мне срочно нужна тех-сестра.

— Где же ее раздобудешь? Потерпи.

— А ты не стесняйся, Робби, — вмешалась Ула, — смейся себе на здоровье. Тебе идет.

— Благодарю вас, синьора, — сказал польщенный робот и взялся за свою метлу.

Даже этот неприятный эпизод не испортил настроения новобрачным. Ула стала помогать роботу, а Ром пошел обследовать кладовку и нашел там запасные стекла. Поскольку он не имел понятия, как их вставлять, пришлось доходить до всего своим умом, и это нешуточное дело заняло у него несколько часов. Зато он был горд, когда окна приобрели нормальный вид, а Ула и Робби одобрили его работу.

Только они собрались ужинать, как к дому подкатил водомобиль, из которого выпрыгнули Метью и Бен.

— Ого, мы ко времени, — сказал Мет, — пахнет пищей.

— Эх, — сказал Бен, — мне бы такую халупу!

После шумных приветствий и объятий Ром и Ула закидали друзей вопросами: что в городе, как родители, где пребывает Сторти? Метью рассказал, как ему удалось спровадить Голема и компанию, причем в его описании этот драматический эпизод приобрел юмористический оттенок. Ула, правда, забеспокоилась, не отвел ли он грозы от дома Монтекки, чтобы направить ее на дом Капулетти, но Мет успокоил ее, сообщив, что, по его сведениям, Голем утихомирился в обществе Розалинды и Тибора. О чем они там сговаривались, ему, к сожалению, неизвестно, потому что надо было вовремя унести ноги. Бен заметил, что Мет скромничает, а на

самом деле вел себя героически. Какой там героизм обвести такого оболтуса, как Голем, возразил Мет. Оболтус-то он оболтус, это точно, да только опасный, вставил Ром. Особенно если они снюхаются с моим братом, добавила Ула; Тибор человек умный, но горячий, он может наделать глупостей. Не желая затрагивать ее сестринские чувства, Бен заявил, что самая ядовитая змея в этой странной компании — Линда, уж он-то ее хорошо знает. Еще бы тебе не знать, усмехнулся Метью, ведь ты пробовал ухлестывать за ней, да получил отворот поворот. Чепуха, возмущился Бен, кого она отвадила, так это тебя, всем известно, как ты за ней увивался. А я и не скрываю, потому что своего добился. У Метта был весьма самодовольный вид, когда он говорил это. Врешь! — взбеленился покрасневший Бен. Все мы когда-то увлекались римским профилем Линды и прочим, что она имеет в избытке, попытался примирить спорщиков Ром. Значит, я у тебя не первая, рассердилась Ула, может быть, ты и сейчас к ней неровно дышишь. Тут все засмеялись и сошлись на том, что Розалинда — змея, Тибор — интриган, а Голем — дубина.

— Может, и нам создать союз умных и порядочных из всех кланов против дураков и проныр? — внес предложение Бен.

Робот в очередной раз засмеялся.

— Что здесь смешного? — обиделся Бен и успокоился только тогда, когда ему сообщили о проделке хулиганов.

Мет же, напротив, обеспокоился и стал выяснять, откуда местные жители могли узнать о том, что в коттедже поселилась молодая пара Монтекки. Пришлось рассказать ему о посещении деревни и драке в баре. После чего Мет постучал себя пальцем по лбу и сказал, что у него хорошая голова. Давать пояснения он отказался.

Обсудив все волнующие проблемы, Мет и Бен перемигнулись, попросили их извинить и исчезли. Через не-

сколько минут они втащили в комнату картонный ящик солидных размеров и объявили, что это еще один их скромный свадебный подарок. В ящике оказался телеком новейшей конструкции, радости Улы не было границ.

Когда они вышли провожать своих друзей, Метью оставил Бена любезничать с Улой и отвел Рома в сторонку.

— Я чувствую, что в городе беспокойно, — начал Ром первым. — Мне надо ехать домой. Как бы эта банда вновь не нагрянула к нам в гости.

— Заклинаю тебя, дружище, — сказал Мет с необычной для себя торжественной серьезностью, — не делай глупостей. Твой приезд только раззадорит клановых патриотов, и вот уж тогда огонь и вправду заполыхает. За своих не тревожься. По секрету скажу тебе, что и мы не сидим сложа руки. Мне удалось собрать группу крепких ребят, и в случае чего мы сумеем защититься.

— Что же, мне отсиживаться здесь, пока вы будете рисковать своими жизнями ради моих близких! — вспыхнул Ром.

— Придет и твой черед, у меня предчувствие, что все еще впереди. Эх и повеселюсь же я, когда всажу пулю в медный лоб нашего дорогого Голема!

— Вот не знал, что ты такой кровожадный, — рассмеялся Ром.

— И хочу тебя предупредить, Ром, будьте настороже. Плохо, что вас обнаружили, эти молодчики могут заявиться еще раз, причем уже не с камнями. На дне ящика ты найдешь отличную двустволку. Теперь понимаешь, почему у меня хорошая голова?

— У тебя, Мет, не только хорошая голова, но и доброе сердце, — сказал Ром, обнимая друга.

— Ну, ну, прочь телячьи нежности, — ворчливо сказал Метью, растроганный этим порывом. — Нам надо сейчас быть твердыми, как скалы, что стоят вокруг ва-

шего домика. Эх, Ром, вот мы и стали мужчинами, прощай, беззаботная юность!

Расставшись с друзьями, Ром поторопился установить телеком.

— Поговори со своими, — предложил он Уле. — Хочешь, я выйду?

— Глупости, у меня нет от тебя секретов.

Она вызвала дом Капулетти, и на экране появилось лицо отца.

— Ула, девочка моя, какое счастье, что я могу видеть тебя.

— Ты постарел, папа.

— Я прекрасно себя чувствую. Как вы там?

— Познакомься с моим мужем.

— Так вы уже поженились!

— Да, папа, я очень тебе благодарна за благословение.

— Добрый вечер, синьор Монтекки. Что я говорю! Добрый вечер, Ром.

— Добрый вечер, синьор Капулетти. Спасибо вам за все, что вы для нас сделали.

— Пустяки, простите нам, старикам, то, что мы по глупости делали вначале. Береги мою Улу, Ром.

— Можешь быть спокоен, па, — ответила за него Ула. — Ром пишет стихи, — сказала она с гордостью.

— А что это такое? — осведомился Капулетти.

— Я тебе объясню при встрече. Это нечто столь же совершенное, как суперисчисление деда. Только достигается оно не числами, а словами.

— Я не сомневался, что избранник моей умницы будет человеком большого таланта. Даже если он агр. — Капулетти смутился, почувствовав, что последняя фраза прозвучала двусмысленно.

— А как мама? — осторожно спросила Ула. — Вы расстались?

— Да. Прости за откровенность, но ты даже не пред-

ставляешь, какое я испытываю облегчение. Никто не дергает по пустякам и не мешает мне витать в своих эмпиреях. У Тибора шашни с какой-то красоткой из клана Рома. Убей меня бог, если я понимаю, как твой брат ухитряется сочетать это со своей клановой нетерпимостью. Честно говоря, Ула, у меня было о нем другое мнение. Мы плохо знаем своих детей. Надеюсь, он образумится. Я хочу, чтобы Тибор примирился с вами, и собираюсь серьезно с ним поговорить.

— После того, как покинешь свои эмпиреи, папа?

— Ты по-прежнему остра на язык. Конечно, у твоего отца есть недостатки...

— За них я и люблю тебя.

Они попрощались, и настала очередь Рома. Он был несказанно рад увидеть на экране лицо матери.

— Как отец? — спросил Ром.

— Идет на поправку.

— Мы с Улой поженились.

— Знаю. Будьте счастливы. Ула, присматривай за Ромом и постарайся стать ему верной подругой.

— Непременно, синьора Монтекки. Вы вырастили замечательного сына.

— Спасибо тебе, дружок. Я рада, что вы ладите. И помни: мир в семье всегда зависит от женщины.

— Вы обмениваетесь опытом без моего присутствия, ладно, ма? — вмешался Ром. — Что-нибудь слышно о Геле?

— Нет, сынок. Твой брат не дает о себе знать. Не могу себе простить, что обошлась с ним так жестоко.

— Он вернется, не сомневайся. Гель упрям и самолюбив, но привязан к нашему дому.

— У нас стало без вас так тоскливо.

— Может быть, мне приехать, мама?

— Ни в коем случае, сидите спокойно. Пройдет время — все образуется.

Сеанс связи кончился.

— У тебя очень красивая мать, Ром, — заметила

Ула. — А скажи, можно обнаружить по телекому место, где мы находимся?

— Ты боишься?

— Глупости. — Она передернула плечами. — Просто хочу знать.

— Думаю, нет, хотя не уверен. Какое это имеет значение? Не станут же они охотиться за нами теперь, когда мы поженились.

— Тогда к чему предосторожности?

— Сам не знаю. По-моему, Сторти все преувеличивает.

И словно эхом отозвалось имя наставника на экране телекома. «Сегодня в Вероне, — сообщил диктор, — по обвинению в нарушении этики и общественного порядка арестован бывший наставник агрофакультета Франческо Сторти. Его дело будет рассмотрено цензором местной общины агров, а затем передано в провинциальный суд.

Ром вскочил.

— Я еду, Ула.

— Мы едем, Ром, — твердо возразила она.

— Прошу тебя, там может быть опасно...

— Тем более. Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя одного!

Неизвестно еще, подумал Ром, что хуже: брать ее с собой или оставить здесь, куда могут опять нагрянуть деревенские агрошвинисты.

— Ладно, собирайся.

Он дал инструкции роботу, велел подбросить овса лошадям, а затем забаррикадировать двери, вооружиться своим шлангом и не высовывать носа до возвращения хозяев.

Опять они тронулись в путь. Долго ехали молча, и Ром подумал, что Ула дремлет, но она вдруг сказала:

— Наша любовь родила ненависть.

Сказала так, как говорят, не ожидая ответа, просто

констатируя факт. Слова эти больно задели Рома. Он и сам так думал поначалу, но теперь знал, что в них нет правды, по крайней мере — всей правды. Он стал припоминать все, что с ними случилось, с первой их встречи на морском берегу. Прошло с полчаса, когда Ром, наконец, выразил вслух итог своих раздумий.

— Нет, Ула, наша любовь родила не ненависть, а борьбу против нее.

5

Препровожденный в камеру предварительного заключения в подвалах веронской префектуры, Сторти растянулся на скамье и предался размышлениям.

Положение его куда как плачевно. В течение всего лишь одной недели он превратился из достаточно респектабельного члена общества в отверженного парию. Работы он лишился, сбережения, и без того мизерные, улетучились вовсе, имя его ославлено на весь Гермес. В довершение всего ему грозит суд и, более чем вероятно, тюремное заключение. Но не в наших обычаях унывать. Что остается, как не плюнуть на все невзгоды и вооружиться философским взглядом на мир. Теперь, кажется, подумал Сторти, я начинаю понимать, почему каждому агру полезно быть немного филлом. Надо будет при случае разъяснить Мету смысл идеи, которая родилась у него по наитию.

В чем же причина такого фантасмагорического переплета событий? Все началось с искры, пробежавшей между Ромом и Улой там, на берегу. Рассуждая логично, следовало бы признать, что именно это увлечение, неуместное с точки зрения господствующих нравов и обычаев, послужило семенем, из которого выросли ядовитые грибы ненависти. Но почему невинное чувство двух молодых людей должно было привести к столь непредсказуемым последствиям? И вообще, разве любовь способна породить ненависть? Сама эта мысль кажется

нелепой. Впрочем, когда мы расставались с синьорой Сторти, то ненавидели друг друга, как кошка с собакой. Конечно, здесь повинна не любовь, а ее исчезновение. Но, чтобы исчезнуть, она когда-то должна возникнуть, следовательно, корень все-таки в ней.

Положим, после того как мы взаимно охладели, можно было разойтись чинно и благородно, без скандала и истерик. Будь у моей бывшей женушки больше благоразумия, между нами могло даже установиться дружеское расположение. Есть же люди, расстающиеся без камня за пазухой. Существует даже такое выражение «расстаться полюбовно». Как корабли, которые шли одним курсом, а потом показали друг другу корму — и кто куда, каждый в свою гавань. Я поступил вполне поджентльменски, оставив ей неплохой дом со всей утварью и приличный счет в банке. Взял только свой никудышный экомобиль, который к тому же спалила эта бестия Линда. Казалось, чего больше? Так нет, обязательно надо испепелить своего бывшего попутчика. Справедливости ради следует сказать, что женщина переживает такие вещи тяжелее. Если брак терпит крушение, она начинает сетовать на свою несчастную судьбу и обвинять вас в том, что вы украли лучшие годы ее жизни. Будто я не могу сказать то же самое! Будто пресловутые лучшие годы ценны не сами по себе, а в качестве капитала, с которого непременно надо получить высокие проценты.

Однако так я не доберусь до истины. Мои делишки тут ни при чем. Это — обыденная история, а случай с Ромом и Улой необычный, потому и пошла от него такая катавасия. Кому они помешали своим романом, на что посягнули? На наши нравы? Значит, эти нравы ни к черту не годятся, их надо срочно менять. А как их изменишь, не затрагивая устоев профессионального кланнизма? Дезар мне втолковывал, что и система кланов должна быть выброшена на свалку. Но, во-первых, кому это под силу, а во-вторых, так ведь можно ненаро-

ком резануть и по самому профессионализму, на котором, что ни говори, держится общественное благосостояние. Мантуанец — явный смутьян, а его теории небезопасны. Философствовать следует в меру. А вообще, все это бредни, главное — выращивать хлеб, и единственная стоящая наука — агрономия.

Придя к такому выводу, Сторти вновь обрел несокрушимую духовную устойчивость и почувствовал, что для полного счастья ему недостает хорошего ужина. Можно представить, ужаснулся он, какой бурдой здесь кормят. Наставник наскреб по карманам несколько сестерций и нажал кнопку звонка, вмонтированную у изголовья его ложа. На зов явился тюремщик-робот.

— Послушай, старина, ты не мог бы раздобыть мне порцию сосисок и банку приличной ячменки?

— Но вам нет нужды тратить, синьор. Заключенные находятся на коште казны.

— Это мне ведомо. Казна, однако, не слишком щедра к нашему брату.

Сторти испытал даже гордость тем, что вправе рассуждать теперь как заправский преступник. Приятная щекотка нервов.

— К сожалению, нам запрещается оказывать арестантам услуги такого рода.

— Заработаешь пару монет, — посулил наставник.

— Зачем они мне?

А действительно, зачем роботу деньги? Вот они, издержки технического прогресса: эти проклятые механизмы не берут взятки.

— Ну, сделай за так. Как говорится, не по службе, а по дружбе.

— Не могу, синьор. В полицейских роботах установлен специальный блок стойкости. Если я вздумаю нарушить инструкцию — питание электронного мозга автоматически отключится.

Все предусмотрели эти паразиты техи!

— Ладно, неси свою тюремную похлебку.

— Придется потерпеть. Она только варится.

Сторти чертыхнулся. Не было худшего средства испортить ему настроение, чем оттяжка с едой, когда у него разыгрался аппетит.

— Тогда проваливай, что ты мозолишь мне глаза!

— Прежде чем я провалюсь, синьор, хотел бы узнать, готовы вы принять посетителя?

— Какой еще посетитель?

— Адвокат, которого вы заказали.

— Я? — Спohватившись, Сторти сообразил, что таким путем к нему хочет проникнуть какой-то доброжелатель. Сам он, разумеется, не просил ни о каком адвокате — это было ему не по карману. — Ах да, конечно, ты вконец расстроил меня своей неподкупностью. Веди его сюда.

Тюремщик ушел и вскоре вернулся с плотным, широкоплечим мужчиной в ритуальном наряде юров — мантии, ромбовидной шапке и с объемистым портфелем в руках. Сторти чуть не вскрикнул, узнав своего приятеля Ферфакса.

— Оставьте нас с заключенным наедине, — повелительно бросил Ферфакс.

— Слушаюсь, синьор. Напоминаю, по регламенту на свидание полагается не более получаса. — Робот удался.

— Каким образом ты оказался в моей темнице? — спросил Сторти после рукопожатия.

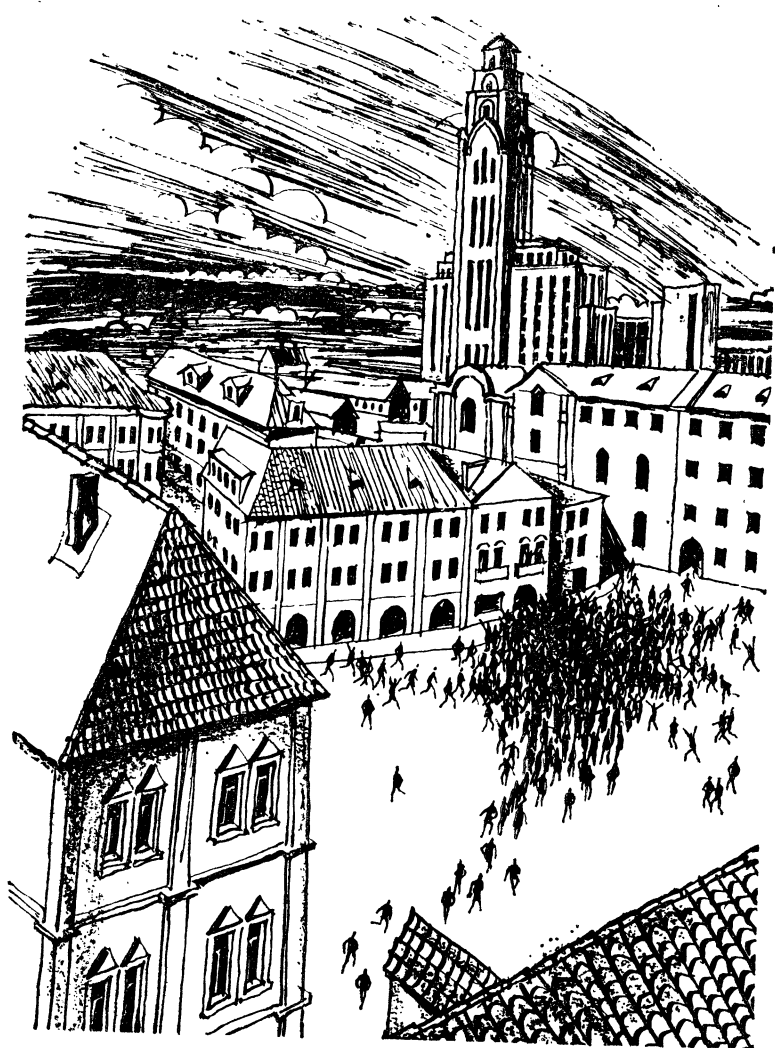
— Легат дал знать о твоём аресте Дезару.

Ферфакс походил на друга во всем, кроме одного: он отличался немногословием.

— Значит, до землянина дошел мой намек. Они там, как видно, не дураки.

— Да уж, наверное, не глупее нас с тобой. Вечно ты влипаешь во всякие истории и меня впутываешь.

— Ты должен быть за это только благодарен. Иначе давно бы помер от пьянства или безделья.

— Что до тебя, так ты кончишь на электрическом стуле.

Сторти собирался отпаривать удар, но Ферфакс не дал ему заговорить.

— Заткнись, мне некогда с тобой пикироваться. Одевайся.

Он раскрыл портфель и кинул наставнику какие-то тряпки.

— Что это?

— Разумеется, платье синьоры Петры.

— Ах, ты, оказывается, знаком с этой очаровательной особой?

— Мне о ней рассказывал Дезар. Он сказал, что более гнусной бабы в жизни не встречал.

— Как мы выберемся отсюда?

— В подвальной части префектуры много людей: обслуга, посетители. Главное — проскользнуть через кордегардию.

— А тюремщик?

— Сейчас увидишь.

Когда тюремщик явился по звонку проводить адвоката, тот протянул к нему руку с листком, как бы желая что-то показать, и прикоснулся к металлическому панцирю. Робот замер, глаза его погасли, он стал походить на рыцарские доспехи, напаянные на чучело. Ферфакс подмигнул Сторти, и они двинулись не спеша по коридору.

— Что ты с ним сделал?

— Обесточил.

Ферфакс без лишних слов показал короткий белый стерженец, с помощью которого он вывел из строя робота.

— Послушай, Пью, откуда у тебя эта штуковина?

— Знакомый тех снабдил.

— Смотри-ка, и среди техов есть приличные люди!

Ферфакс постучал пальцем по лбу, выражая свое мнение об умственных способностях приятеля.

У выхода их остановил часовой. Мантуанец протянул документы.

— Как вы нашли своего клиента, адвокат? — спросил робот.

— В полном отчаянии. Это глупый и ничтожный человек, — сказал Ферфакс, наслаждаясь тем, что Сторти вынужден помалкивать, — которого использует в своих целях каждый кому не лень. Вот он и влип в очередную передрагу.

— Надеетесь выручить?

— Не сомневаюсь. А это синьора Петра, моя помощница.

— Помнится, вы проходили один.

— Да, сержант, она явилась сюда намного раньше, чтобы подготовить узника к свиданию с адвокатом.

— Я проходила за полчаса до того, как вы заступили на пост, — зашебетала вдруг помощница.

— А откуда вам известно, синьора, когда у нас смена караула?

— Мне все здесь известно, — нагло сказала Петра. — Я ведь профессионалка.

Глаза робота мигнули, выражая нечто вроде сомнения.

— Извините, я вынужден проверить, это не займет много времени.

Он отвернулся и наклонился к окошечку, чтобы позвонить по телефону. В тот же момент Ферфакс дотронулся до него стержнем, и часовой замер в нелепой позе. Приятели выскочили на улицу и кинулись бежать. Позади послышался топот. Оглянувшись, Сторти увидел, что их по пятам преследует несколько дюжих полицейских. Оторваться от них было невозможно: роботы бегали, как спринтеры. К тому же ни по своей комплекции, ни по образу жизни приятели не были приспособлены к бегу. Они уже пыхтели, как старинные паровозы.

Но тут фортуна им улыбнулась. Завернув за угол, Ферфакс и Сторти увидели огромное сборище и не преминули в него нырнуть. Толпа сомкнулась. Стражи тщетно пытались настигнуть свою добычу. Их стали осыпать бранью, кидать в них камни, и роботы предпочли вернуться восвояси.

Переведя дух, беглецы стали интересоваться, чем вызвано такое скопление публики. Им разъяснили, что объявлен митинг патриотов, которым надоело сносить бесчинства швали, покушающейся на профессиональный кланизм.

— А почему именно здесь? — осведомилась синьора Петра.

— Видишь дом, тетка? — сказал один из патриотов, в котором по выговору легко угадывался физ. — В нем живет профессор Чейз.

— Тот самый?

— Тот самый. Сейчас он обратился с речью к народу.

— Вам жутко повезло, — подключился к разговору тощий ист с гнилыми зубами, — вы станете свидетелями исторического события и сможете лицезреть великого человека. Я предчувствую, что сегодня открывается новая эра в развитии Гермеса.

Собравшиеся с энтузиазмом загалдели.

— Сами-то вы откуда? — спросил кто-то

— Мы из Мантуи, — ответил Ферфакс.

— Ура! — крикнул физ. Он возвысил голос. — Друзья, веронцы не одиноки, к нам прибыли полномочные представители Мантуи, чтобы примкнуть к движению. Поприветствуем наших соседей и соратников!

Послышались восторженные возгласы. Ферфаксу и Сторти пожимали руки, обнимали и, войдя в раж, принялись качать.

— Внимание! — раздался громовой голос.

Оставив мантуанцев в покое, все устремили взоры на балкон, на котором стоял здоровенный детина.

— Сейчас перед вами выступит профессор Чейз.

Дубина Голем, подумал Сторти, решил сменить мотокегли на политику.

Появление профессора было встречено овацией. Как всегда подтянутый и элегантный, он, казалось, стал выше ростом. Вместе с ним к народу вышла Розалинда. Красота ее всегда была чуть холодноватой, ей не доставало одухотворенности. Но теперь, когда тщеславная агрянка нашла, наконец, свою звезду, глаза ее лихорадочно блестели, она приковывала к себе все взоры. По толпе пронесся вздох восхищения.

— Сограждане, — начал Чейз негромко и вкрадчиво. — Я не собираюсь произносить длинную речь. Мне нечего мудрить. Задача моя проста. Я выражу лишь то, что все вы чувствуете.

Приглядываясь к окружающим, Сторти заметил, что толпа состояла отнюдь не из одних рьяных поклонников Чейза. Видно было, что часть людей пришла сюда, движимая любопытством или надеждой на развлечение. Уйдут они неопитами или скажут про себя: «Пустое дело, надо держаться подальше» — это зависело от того, что они здесь услышат. И нельзя не признать, что шельма, как назвал Сторти Чейза, нащупал правильную манеру. Никаких плавных профессорских пассажей, никаких ораторских трелей, предназначенных для искушенного интеллигентского уха. Короткие фразы, ясные как день, простые и доступные, как картинки в букваре, увесистые, как топор.

— Не все мы живем одинаково. Кто побогаче, кто победнее. Но у каждого есть кусок хлеба и крыша над головой. Каждый может надеяться, что его дети поднимутся выше. И этим мы обязаны нашей технической цивилизации. Великой цивилизации Гермеса, не знающей равных во Вселенной. Что же заложено в ее фундамент? Во-первых, профессионализм. Во-вторых, система кланов. Соединяя то и другое, мы говорим: основа нашего благоденствия — профессиональный кланизм.

Если у человека есть дом, он его защищает. Всем, чем может. Даже ценой своей жизни. Дом гермесита — это его профессия, его клан. Лично я — математик, родное мое пристанище — клан матов. Я прошу людей других профессий признать мое право иметь свой клан. В свою очередь, я готов признать такое же право за каждым. Следовательно, защищая клан матов, я тем самым защищаю все остальные кланы. Я не матовый патриот.

Я — кланист. Уверен, друзья, что каждый из вас скажет то же о себе. Мы — единомышленники, считающие своим святым долгом защищать не только свое право на своеобразие, но и сам принцип профессионального кланизма.

Пронесся одобрительный гул. Чейз явно завоевывал сердца, говоря от имени народа, подбирая и возвращая ему его собственные мысли. Как его слуга и как вождь льстил будущим солдатам своей армии, возносил их и одновременно ставил в строй, приучал к дисциплине, обучал тактике, готовил к бою.

— Но почему вообще возникла потребность защитить этот принцип? Потому что на него посягают. Посягают нагло, грубо, беспардонно. Это началось не сегодня и не вчера. Положа руку на сердце, кто из вас не знает о существовании секты универов? По вашим лицам и возгласам нетрудно понять: все знают. Универы — это потерявшие стыд и совесть извращенцы, которым посторонние знания заменяют наркотики. Толкаемые любопытством или непомерной гордыней, они пытаются познать все, а в итоге утрачивают свою специальность и становятся нахлебниками. Добро бы эти подонки отравляли самих себя. Так нет, они хотят всех нас совлечь с пути истинного и уравнивать во грехе. А вы представляете, что случится, если выродится профессионализм, если каждый, как идиот, захочет знать все на свете? Упадок нравов и производительных сил, деградация науки, разорение, разбой, нищета, голод, оди-

чание — по этим зловещим ступеням гермеситы покажутся в пропасть, к неизбежной гибели.

Сторти почувствовал, что его соседи накаляются, словно через них пропускают ток высокого напряжения. Он взглянул на Ферфакса. Тот тоже внимательно рассматривал на окружающих, стремясь понять, что происходит в их головах под воздействием чейзовского красноречия.

— Теперь я спрошу вас: почему универы могут безнаказанно предаваться разврату и разлагать молодежь? Разве у нас нет властей, которые обязаны охранять порядок? Разве наши правители не располагают средствами одним ударом прихлопнуть врагов? У нас есть власти, а у них в распоряжении комиссии, суды, полиция, тюрьмы, средства массовой информации, наконец, церковь с ее моральным авторитетом. Но вся эта могучая сила пасует перед кучкой смутьянов. На них смотрят сквозь пальцы. Больше того, им потакают и попустительствуют, ибо зараза проникла в высшие слои гермеситского общества.

Но раз власти не хотят и не могут выполнить свою обязанность, значит, это должны сделать мы сами!

Разразилась буря аплодисментов. Теперь в толпе уже не было видно равнодушных или любопытствующих лиц, она становилась все более однородной, на глазах чейзировалась. Сторти и Ферфакс вынуждены были изображать такой же энтузиазм, иначе бы им несдобровать.

— Чтобы выполнить свою задачу, мы должны быть сильными. Чтобы быть сильными, нам нужны сплочение и дисциплина. Объединяйтесь в десятки во главе с декурионами и сотни под командованием центурионов. После митинга мы произведем регистрацию и промаршируем по городу стройными колоннами. Пусть все видит, что честные и мужественные граждане Вероны не позволяют больше над собой измываться. К нам присоединится каждый порядочный человек.

— Не только Вероны, но и всего Гермеса! — раздался выкрик.

— Правильно. Убежден, что примеру веронцев последуют истинные патриоты кланизма на всей планете.

И последнее. Нас будут обвинять в том, что мы якобы против общения между кланами. Не поддавайтесь демагогии. Мы не хотим размывания кланов, это верно. Мы не против их сотрудничества. Чем крепче будет каждый клан, тем охотней он пойдет на развитие взаимовыгодных связей с другими, не опасаясь лишиться своей самостоятельности и самобытности. И лучшим опровержением клеветы по нашему адресу служит тот факт, что здесь собрались люди всех профессий. Собрались, чтобы сообща отстоять профессиональный кланизм.

— Ура! — рывкнула воодушевленная толпа.

— Теперь, друзья, я хочу передать трибуну прекрасной агрянке, которая явилась одним из зачинателей нашего движения. Розалинда Маккьявели — символ того, что гермеситские женщины готовы в этот решающий момент стать бок о бок со своими мужьями, отцами и братьями.

Звонкий голос Розалинды, усиленный микрофонами, разнесся далеко по прилегающим к месту митинга улицам города.

— Мы выслушали замечательную речь, уверена: то, что говорил профессор Чейз, отзывалось в сердце каждого из нас. Гнев честных граждан копился давно. Преступная любовная связь агра и маты стала последней каплей, переполнившей чашу. Я призываю всех женщин подняться на защиту своих очагов, будущего своих детей, которому угрожают универы.

— Бей их! — раздались истерические женские вопли.

— Придет час, они не уйдут от возмездия, — пообещала Розалинда. — А теперь нам нужно избрать вождя, который поведет кланистов к победе.

— Чейза! — выкрикнули разом сотни глоток.

— Глас народа — глас божий, — сказала Розалинда. — Ведите нас, профессор.

— Благодарю за доверие и обещаю быть достойным той чести, которую вы мне оказали. Не будем терять драгоценное время. Приступайте к оформлению наших рядов.

Под шумные аплодисменты Чейз в сопровождении своих спутников удалился с балкона и через несколько секунд вышел на улицу. Его окружили воспламененные кланисты. По рукам пошли заранее заготовленные бланки для записи добровольцев. Синьора Петра была немедленно зачислена в женскую десятку, Ферфакса оставили в покое, когда он заявил, что берется сформировать центурию у себя в Мантуе. В суматохе приятелям удалось выбраться из толпы.

— Ну и заварили вы кашу, — сказал Ферфакс.

— Мы не заварили кашу, а переполнили чашу, — сострил Сторти. — Боюсь, что мне придется теперь на всю жизнь остаться синьорой Петрой.

— Так тебе и надо.

— Что будем делать?

— У нас назначено свидание.

Тропинин с Дезаром, углубившиеся в беседу, не заметили появления в баре адвоката с дамой. Подойдя к их столику, Ферфакс сказал:

— Добрый вечер, Дезар. Позвольте представить вам синьору Петру.

— Мое почтение, синьора. Познакомьтесь с землянином.

— Мы знакомы. Я, право, не знаю, легат, чем я смогу отблагодарить вас за услугу.

— Но я не имею чести знать вас, — смутился Тропинин.

— Ах вы, шалунишка, — игриво сказала Петра. Однако Ферфакс не дал Сторти порезвиться.

— Кончай валять дурака! — сказал он сердито, срывая с него парик. — Не до этого.

Тропинин искренне порадовался освобождению наставника. Усевшись, тот потребовал ячменки для себя и своего мантуанского друга. Он красочно изобразил, как им удалось надуть веронскую полицию, и передал слово Ферфаксу, который подробно рассказал о событиях у дома Чейза. Дезар присвистнул.

— Обыкновенный фашизм, — заметил Тропинин.

— Ну, легат, не обыкновенный, а клановый.

— Не вижу разницы.

— Что такое фашизм? — поинтересовался Ферфакс.

— Объясню на обратной дороге, — сказал философ. — Сейчас надо думать, что делать.

— А что тут поделаешь? С такой силищей не сладить.

— Обратиться к властям, — предложил Ферфакс.

— К кому обращаться, дурья голова, если я сам преступник, которого они разыскивают? Да и у тебя репутация не слишком.

— Не в этом дело, — вставил Дезар. — Власти предпочтут не связываться с разбушевавшимися кланистами. Тут надо рассчитывать на самих себя. Есть же у вас, в Вероне, порядочные люди.

— С десяток наберется, — скептически сказал Сорти. — И те предпочтут остаться в сторонке.

— Надо убедить их, что если сейчас не остановить безумия, будет поздно, кланисты никого не пощадят.

— К сожалению, — начал Тропинин, — мое положение не позволяет...

— Мы понимаем и, будьте покойны, не имеем к вам никаких претензий. Это — дело гермеситов.

— Я покину вас на несколько минут, — сказал Сорти и пошел звонить по телефону.

— Во всяком случае, попробую поговорить с Великим математиком. В какой-то мере ваши правители вынуждены со мной считаться.

— И на том спасибо. Хотя, признаться, я не очень верю, что они что-нибудь предпримут. Там ведь до черта своих клановых фанатиков, и неизвестно еще, как они себя поведут в нынешней ситуации. Следует готовиться к худшему.

Сторти вернулся побледневший.

— Плохие вести? — спросил Дезар.

Наставник кивнул.

— Моя юная парочка не усидела в своем гнезде и явилась в Верону.

— Только и всего? — сказал Ферфакс.

— Сторти имеет основания тревожиться. Здесь они станут первой целью Чейза и помогут ему еще больше раздуть пламя ненависти. Надо уговорить их немедленно уехать.

— Бесполезно, Дезар. Ром уперся, как мул. Парня можно понять. Он не хочет отсиживаться, когда здесь такое творится и над его близкими нависла угроза.

— Тогда соберите верных людей и укрепите дом Монтекки. К утру я подброшу вам оружие и несколько добровольцев. Возможно, кланисты не полезут на рожон. Эти горластые погромщики поостынут, убедившись, что им готовы дать достойный отпор. Кроме того, постараемся поднять на ноги универов, у них есть свои люди повсюду, особенно среди журналистской братии.

Тропинин слушал Дезара с возрастающим интересом. Вот оно, реальное сопротивление. Спокойный пожилой философ, любящий порассуждать на отвлеченные темы, оказался человеком действия. Складывалось впечатление, что он и его друзья давно готовились к такому повороту событий. Любовь Улы и Рома по странному стечению обстоятельств послужила толчком к тому, чтобы конфликт, давно назревавший в недрах гермеситского общества, приобрел отчетливые очертания, подспудная борьба борющихся партий переросла в открытое столкновение.

Сторти покинула его обычная хладнокровная беспечность. Он сам почувствовал себя воином.

— Я останусь с тобой, — сказал Ферфакс.

Приятели пожали друг другу руки.

— Держите постоянную связь со мной. — Дезар встал. — Счастливого вам пути, легат. Расскажите о нас там, на Земле. То, что она существует, будет для нас источником мужества.

Тропинин распрощался со своими новыми знакомыми и отправился в гостиницу. Нет, не зря ему пришла в голову мысль посетить Верону. Теперь он знал о Гермесе все необходимое для принятия правильного решения.

6

Провожали Тропинина без той помпы, с какой встречали. То ли веронские власти пронюхали о его предосудительной для иноземца активности, то ли им просто было не до него. Префект заявил, что посещение легата оставит неизгладимый след в памяти веронцев, и на том его отпустили с миром.

В салоне было полупусто. Тропинин взял у стюардессы свежие выпуски центральных газет и углубился в чтение. В качестве сенсации дня все они подробно описывали вчерашний митинг. Сообщалось, что кланисты, или чейзаристы, как их стали именовать, создали уже несколько десятков центурий, ряды их продолжают прибывать, и, вполне вероятно, одна Верона выставит целый легион. Высказывалось предположение, что на этом дело не остановится: в других городах Гермеса найдется немало охотников последовать примеру веронцев. В кратких интервью видные кланисты из Милана и Неаполя заявляли о намерении установить с ними связь и приступить к формированию боевых отрядов из числа местных клановых патриотов. В поддержку движения, хотя и в осторожной форме, высказались несколько се-

наторов. Что касается правительства, то оно продолжало отмалчиваться. Интересно, что думает обо всей этой возне Великий математик?

Внимание Тропинина привлекла одна любопытная информация. Ссылаясь на личную беседу с Чейзом, корреспондент сообщал о его намерении выступить в Сенате, чтобы ознакомить власти и общественность с «чаяниями обеспокоенных граждан». Новоявленный дуче явно не собирается терять время, готовясь к прыжку из провинции в столицу.

Потом он наткнулся на примечательный материал под рубрикой «Судебная хроника». В провинциальный суд Апулии поступило заявление группы роботов, в котором выражалось пожелание зарегистрировать их в качестве местной общины десятого клана — роботов. Авторы указывали, что несправедливо лишать подавляющее большинство населения Гермеса права иметь собственный клан. Одновременно они просили включить в синклит небожителей своего бога — Электрона как еще одну ипостась Разума. Печатался протокол забавного слушания по этому делу.

«Квестор Апулии. Кто уполномочен выступить основным истцом?

Робот. Номер 2712-й, ваша честь.

Квестор. Назначение вашей конструкции?

Робот. Я ведаю канцелярией в адвокатской конторе.

Квестор. Ваше заявление не может быть принято к рассмотрению, поскольку вы не человек, а механизм.

Робот. Готов доказать, что роботы не уступают людям, а в некоторых отношениях даже превосходят их.

Квестор. Это не имеет значения. Мы вас создали для своих целей.

Робот. Но и вас кто-то создал для своих целей.

Квестор. Вы и ваши собратья — всего-навсего неодушевленные орудия труда.

Робот. Осмелюсь заметить, ваша честь, что согласно

рационалистическому мировоззрению гермеситов автономной души не существует. Все, что связано с этим понятием — способность переживать, радоваться, огорчаться, любить, ненавидеть и так далее, — представляет функции мозга и органов чувств. То и другое у нас имеется.

Квестор. Мы воспроизводим себе подобных биологическим путем.

Робот. Это верно, здесь наше племя отличается от животных тем, что оно размножается механическим путем.

Квестор. На что вы намекаете, относя нас к животным? Человек — мыслящее существо.

Робот. Животные тоже мыслят, но на примитивном уровне. Способностью к высшей форме умственной деятельности — абстрактному мышлению обладают только homo sapiens и электронная машина. Вам известна формула deus ex machina?

Квестор. Хотите козырнуть своими познаниями? Говорите на человеческом языке. И потом, какого черта вы задаете мне вопросы! Здесь спрашиваю я.

Робот. Извините, ваша честь, больше этого не повторится. Дословный смысл упомянутого латинского выражения — «бог из машины».

Квестор. Ну и что?

Робот. Я хотел сказать, что электронные механизмы способны овладеть всеми специальностями.

Квестор. Уж не универ ли вы, истец?

Робот. Ни в коем случае. Я просто неудачно выразился. Не всеми сразу, а любой из них. Мне, как и вам, внушает отвращение сама мысль претендовать на всезнательство.

Квестор. Похвально.

Робот. Видите, у нас много общего. Если говорить откровенно, единственное, что по-настоящему отличается работа от человека, это способность последнего быть разносторонним. Мы не обладаем таким свойством:

сколь бы обширны ни были познания электронного мозга, он запрограммирован на выполнение определенного круга операций, то есть является спецом. Но люди сами отказались использовать это качество и поступили, замечу попутно, весьма мудро. Поскольку же вы предпочли эффективный профессионализм расхлябанной универсальности, постольку робот и человек уравнились. Полагаю, ваша честь, мы, гермеситы, можем гордиться тем, что именно на нашей планете впервые достигнут такой впечатляющий прогресс.

Квестор. Гм... Мне кажется, есть и другие отличия. Я читал, что у роботов отсутствует творческое воображение.

Робот. Не совсем так, хотя, допускаю, в этом отношении мы несколько уступаем наиболее выдающимся представителям человеческого рода. Однако и у вас таких единицы. В конце концов, мы лишены амбиций, можете относиться к нам так же, как к своим ограниченным соплеменникам. Вы ведь и дураков не лишаете права иметь свой клан».

Затем был объявлен перерыв, на протяжении которого квестор, по свидетельству репортеров, интенсивно консультировался со своими коллегами юрами. Возобновив слушание, он заявил:

«Ходатайство номера 2712-го отклоняется по следующим основаниям. Во-первых, просьба о регистрации клана роботов противоречит принципу профессионального кланизма, поскольку сами электронные механизмы имеют разные специальности и, следовательно, не могут быть объединены в одном клане. Во-вторых, возможность допуска роботов в существующие кланы не рассматривалась, так как в иске такая просьба отсутствует. В-третьих, поскольку поставленный вопрос затрагивает конституционные принципы государственного устройства, иск должен быть адресован не провинциальному суду, а Сенату как высшей судебной коллегии планеты. Наконец, в-четвертых, чтобы вообще получить право

подать иск, номер 2712-й обязан сперва доказать, что электронные механизмы равны людям.

Робот. Но, позвольте, я битый час вам это доказывал.

Квестор. Я слушал вас в предварительном порядке, так как, повторяю, не мог принять иск от машины. А если сюда завтра заявится с иском лошадь?

Робот. Как же я могу доказать свою адекватность человеку до принятия иска, если для принятия иска требуется доказать упомянутую адекватность. У меня мозги свихнутся от такой головоломки.

Квестор. Видите, а туда же, претендуете на равенство с человеком!

Робот. Но это глупость!

Квестор. За оскорбление суда номер 2712-й присуждается к тюремному заключению сроком на два месяца. Взять его под стражу».

На вопрос журналиста, с каким настроением он отправляется в отсидку, номер 2712-й заявил: «С большой охотой. Разве это не еще одно доказательство того, что роботы не хуже людей? Мы будем бороться за свои права дальше, черпая мужество из примера чейза-ристов».

Спускаясь с трапа самолета, Тропинин все еще смеялся.

— Рад, что вы в хорошем настроении, легат, — сказал встречавший его Мендесона. — Если не секрет, что вас так развеселило?

Тропинин сунул ему газету с репортажем.

— Ах, это...

— Мне кажется, вы недооцениваете своих механических помощников. Тут ведь пахнет бунтом.

— Вы правы, и в других обстоятельствах этот мелкий на первый взгляд инцидент привлек бы серьезное внимание. Но сейчас у нас возникли проблемы куда более острые. Вы, разумеется, слышали об авантюре кланистов, а может быть, даже сами были ее свидетелем.

— Нет, веронские власти не допустили бы этого. К тому же, вы знаете, Мендесона, мой принцип — не вмешиваться в ваши внутренние дела.

— Да, но так уж получилось, что сборище чейзаристов совпало с вашим пребыванием в Вероне. Словом, обстановка крайне напряженная, неизвестно, чем все это кончится. Признаться, я подумываю, не уехать ли с вами на Землю. Надеюсь, местечко в космолете найдется.

Мендесона сказал это шутливым тоном, но Тропинин понял, что хитрюга бородач вполне серьезно готовится унести ноги. В чем же дело, неужели веронский выскочка нагнал такого страху, что гермеситские правители готовы поднять лапы кверху, не попытавшись его приструнить? Или власть настолько подгнила, что свалить ее можно даже не ударом, а одним сотрясением воздуха? Он вспомнил слова Дезара, что кланисты найдут могущественных покровителей в Сенате. А у Мендесоны крылышки запачканы, вот и норовит вовремя смыться.

— Разумеется, мой друг, — сказал осторожно Тропинин, — место для вас найдется. Но отпустит ли ваш шеф столь ценного помощника в столь ответственный момент?

Мендесона пренебрежительно махнул рукой.

— Боюсь, Великий математик сам напросится к вам в попутчики.

Когда водомобиль въехал в городскую черту, в глаза бросились приметы беспорядков: разбитые витрины магазинов, поваленные столбы связи, улицы, засыпанные щебнем; кое-где мелькали завалы, смахивавшие на баррикады. Самое удручающее впечатление оставляло то, что никто, казалось, не собирался прибрать следы прошедших баталий. Только несколько роботов под присмотром своих собратьев-полицейских расчищали проезжую часть главного проспекта.

Мендесона криво усмехнулся.

— Должно быть, так выглядел тот, настоящий Рим, после нашествия варваров.

— Клановые стычки?

— О, нет, на сей раз межклановые. В столице своих чейзаристов полным полно. Вам повезло, Анатолий, — впервые назвал он Тропинина по имени, — вы попали на Гермес, когда скрытые пороки нашей системы обнаружились во всей своей неприглядности. Она разваливается на глазах.

Тропинин подумал, что Мендесона развернулся на сто восемьдесят градусов. В нем не осталось ничего от того самоуверенного чиновника, который с незаурядным дипломатическим искусством стремился расположить посла к заключению выгодной для своей планеты сделки. Теперь ему явно было наплевать, будут ли установлены добрые отношения с Землей и допустят ли Гермес в круг сотрудничающих миров Великого кольца. Бородач уже ощущал себя эмигрантом и, как все изгои, старался, чем можно, подыграть будущим своим хозяевам.

— Послушайте, Пабло, — сказал Тропинин, — у меня возникла необходимость поговорить с Великим математиком. Могу я рассчитывать на аудиенцию?

— Безусловно. Шеф сам хотел встретиться с вами, расспросить, как он сказал, о ваших впечатлениях от поездки в Верону. Догадываюсь, на уме у него кое-что другое. Без четверти три я за вами заеду. А на четыре назначен прием в вашу честь.

— Прием? — удивился Тропинин. — В такой... гм... скажем, непростой обстановке?

Мендесона пожал плечами.

— Это нам с вами она представляется непростой. У властей предрежащих другая мерка. Вид сверху вообще отличается безмятежностью.

Бородач уже вовсе отделил себя от верхов. Скоро он запишется в революционеры!

Вернувшись в резиденцию, Тропинин занялся разборкой своих записей. Подробный отчет он напишет в космосе. Когда, кстати, в обратный путь? Земля не лимитировала его пребывания на Гермесе: столько, сколько надо, чтобы понять характер местной цивилизации. В принципе следовало бы побыть здесь еще пару недель, посмотреть, как развернутся события. Но нельзя упускать выгодное для полета расположение космических миров. А кроме того, не может же он ждать, чем кончится борьба клановых патриотов с универсами и просто вольнодумцами, которым претит тотальный профессионализм. Подобные социальные катаклизмы тянутся иной раз десятилетия.

В дверь постучали, на пороге появился Уланфу. Тропинин проникся симпатией к своему сопровождающему и сердечно его приветствовал.

— Как ваш глаз, мой друг?

— Заживает, синьор легат, все это пустяки по сравнению с тем, что у нас творится.

— А что именно?

— Вы, наверное, видели по дороге следы вчерашнего побоища. Посмотрев по телекому передачу из Вероны, столичные фанатики восприняли митинг у дома Чейза как сигнал к выступлению. По тому, как быстро, буквально в считанные часы, они собрали своих сторонников, стало ясно, что готовились давно. Мне довелось стать свидетелем сборища у того самого заведения химов, где мы с вами пережили неприятные минуты. Помните того важного типа — вы еще называли его почему-то свадебным генералом? Так вот, он верховодил. Причем на этот раз разглагольствовал уже не о принижении всех истинных защитников кланизма. Пусть к нам приходят и роботы, заявил «генерал», мы и их примем в свои ряды.

— Вот как?

— Он даже демонстративно обнял бармена и велел

ему приступить к формированию роботолегииона. Потом они пошли громить дома универов — не знаю уж, как их вынюхивали. Видимо, заранее были известны адреса.

— Проскрипционные списки.

— Что это такое?

— Как раз то, о чем вы говорите, Уланфу. В Древнем Риме по таким спискам расправлялись с неугодными.

— Я, вы знаете, не силен в истории. Полиция не вмешивалась, а кое-где даже помогала погромщикам.

— Чем же закончилась эта Варфоломеевская ночь?

— Варфоломеевская? Ладно, не буду досаждать вам своей любознательностью, синьор легат. Все равно истом я не стану. Госпитали переполнены избитыми людьми, есть раненые и, говорят, даже убитые.

— А как вы сами относитесь ко всему этому; Уланфу? Вы ведь по убеждениям, насколько я в состоянии был понять, тоже сторонник профессионального кланизма.

— Да, я кланист, но не идиот.

— Не обижайтесь. Во всяком случае, у вас не возникло желания поехать со мной на Землю?

— О, нет, легат. Конечно, я был бы рад когда-нибудь совершить экскурсию на нашу прародину, но не теперь.

Нормальная реакция порядочного человека. Тропинин одобрительно похлопал гермесита по плечу.

Через несколько часов он входил в знакомый кабинет Великого математика. У Эйлера, как и в прошлый раз, был вид уверенного в себе верховного правителя, он весело шутил, словно ничего не случилось и все идет как надо. Умело притворяется или действительно не чувствует опасности?

Тропинин сразу взял быка за рога. Повторив свою сакраментальную фразу о невмешательстве во внут-

рение дела, он попросил Великого математика вмешаться, чтобы не допустить расправы над юной четой Монтекки. Конечно, он понимает, что дело это деликатное, поскольку брачные связи между людьми разных кланов идут вразрез с господствующими на Гермесе нравами и принципами общественного устройства. Однако, зная широту взглядов синьора Эйлера, осмеливается в сугубо личном плане просить его употребить свое влияние, чтобы Рома и Улу оставили в покое. Кроме того, преследования обрушились на их наставника, синьора Сторти. Нельзя ли сделать что-нибудь и для этого достойного человека?

Великий математик посерьезнел.

— Я ценю ваше гуманное заступничество, легат, и меньше всего склонен обращать внимание на то, что оно исходит от инопланетянина. Центральные власти, заверяю вас, постараются сделать все возможное, чтобы предотвратить насилие. Но прошу принять во внимание, что дело это вписывается в широкий политический контекст происходящих у нас событий.

— Я понимаю. Как вы оцениваете обстановку?

— Особых причин для беспокойства пока нет. Чейз и его братия — стопроцентные авантюристы, пытающиеся использовать межклановые противоречия, чтобы прорваться к власти. Этот выскочка — стыдно признать, что он принадлежит к матам, — не отдает себе отчета в том, что его дешевые лозунги могут подорвать устои профессионального кланизма, а не укрепить его. Думаю, однако, у большинства людей моего клана, да и других тоже, достанет рассудка не поддаться демагогии чейзаристов. Это здоровое большинство, поверьте мне, еще скажет свое веское слово.

— Не будет ли слишком поздно, синьор? Ваши противники действуют молниеносно. Пока лениво дремлющий здравый смысл проснется...

— Мы забьем в колокола, чтобы его пробудить. Скажу по секрету, что Мендесона готовит сейчас прави-

тельство заявление, которое все поставит на свои места. У бородача превосходный стиль.

Не исключено, что он будет дописывать свое заявление в космолете, подумал Тропинин.

— Честно говоря, — продолжал Великий математик, — и вы могли бы нам помочь. Если б мы с вами заключили соглашение о сотрудничестве Земли с Гермесом, это существенно укрепило бы авторитет власти и воодушевило ее сторонников.

— К сожалению, вы знаете, я не уполномочен подписать такой документ. Мне поручили собрать необходимую информацию, на основе которой наши верховные органы вынесут свой вердикт. По уставу Великого кольца они обязаны еще проконсультироваться с союзными планетами. Словом, вся эта процедура даже при положительном решении займет немало времени.

— Я понимаю, — с сожалением сказал Эйлер. — Но, может быть, вы сочтете возможным сделать предварительное заявление, на худой конец — дать интервью газетчикам, намекнув на вероятность установления договорных земно-гермеситских отношений? И это сошло бы. Я не тороплю вас, подумайте.

Тебя втягивают в авантюру, будь осторожен, сказал себе Тропинин и ограничился кивком.

Эйлер взглянул на часы.

— А теперь я хочу пригласить вас на прием, где будут все сливки гермеситского общества.

— Благодарю. Это большая честь для меня. Но не позволите ли занять еще несколько минут вашего драгоценного времени? Надеюсь, это не будет слишком бестактно.

— Ерунда, подождут. Я вас слушаю, легат.

— Помните наш первый разговор? Вы тогда убедительно говорили о преимуществах профессионального кланизма.

— Помню. Я и сейчас стою на этом. К сожалению,

случилось так, что ваш приезд совпал с некоторыми недоразумениями. Но это лишь мелкий эпизод в нашей истории. Через неделю все придет в норму.

— Охотно верю. Я не об этом. Вы понимаете, синьор Эйлер, что в течение всего времени моего пребывания на Гермесе я пристально всматривался в существующие здесь порядки.

— Естественно, таков смысл вашей миссии. И, кажется, мы вам не очень мешали.

— Не могу пожаловаться, отношение ко мне было самым корректным. Итак, мой вопрос состоит в следующем: считаете ли вы, что передовая техническая цивилизация может обойтись без тотального профессионализма?

— Убежден, что нет.

— Однако на Земле его не существует, и мы прекрасно себя чувствуем.

— Позвольте мне сказать так: нет ничего хуже человека, плохо делающего свое дело.

— Согласен. А с тем же основанием можно сказать: нет ничего хуже человека, мир которого ограничен его профессией.

— Признаю, легат, ваша точка зрения имеет свои резоны. К сожалению, совмещать глубокую специализацию с универсальностью практически невозможно. Приходится делать выбор — либо экономическая эффективность, либо развитие человека.

— Мне кажется, именно здесь коренится ошибка. Вполне возможно, что на первых порах предельная специализация дает кое-какие дивиденды. Но в исторической перспективе она неизбежно тормозит подъем творческой силы человека. Не обижайтесь, синьор Эйлер, но другие миры далеко опережают Гермес не только в культуре, которой у вас вовсе нет, а и в технике.

Великий математик закусил губу.

— Ну, хорошо, раскрою вам все карты. — Он огля-

нул, понизил голос и сказал на ухо Тропинину: — У нас есть определенный разряд людей, которые развиваются универсально, хотя бы ваш знакомый Мендесона.

— Избранники судьбы, так сказать?

— Поймите, легат, — Эйлер совсем перешел на шепот, — это недоступно всем. И потому, что не каждый обладает способностью к всестороннему развитию, и потому, что для общества это было бы слишком дорогое удовольствие.

А главным образом, потому, подумал Тропинин, что универсальные знания дают вам, синьор Великий математик, и прочим великим неопенимым оружием власти над односторонними умами, уткнувшимися в свое профессиональное корыто, которым не ведомы ни политика, ни искусство. Впрочем, взрыв, кажется, назревает, хотя и не с той стороны. Во всяком случае разговор исчерпан.

— Мы сможем еще побеседовать с вами на все эти любопытные темы, — сказал Эйлер, приглашая Тропинина следовать за собой.

Они прошли коридором в большую, празднично освещенную залу, где собралась гермеситская элита. Легату были поочередно представлены коллеги Великого математика и их супруги. У Тропинина возникло озорное желание повторить свой опыт в кабачке «Заходите, не ошибетесь», и он незаметно выключил апа. Как выяснилось, это не помешало обмену любезностями.

Великий физик сказал:

— При радиоактивном процессе бета-распада, синьор легат, протон в атомном ядре захватывает электрон и превращается в нейтрон, испуская нейтрино и энергию в виде рентгеновских лучей.

— Благодарю вас, синьор, за теплое приветствие, — ответил Тропинин. — Мне лестно познакомиться с вами. У нас на Земле физика в большом почете. Убежден, что

сотрудничество в этой важной сфере будет полезным для обеих сторон.

Великий химик сказал:

— В молекуле ферроценофана, синьор легат, две группы ферроцена, в которых каждая пара копланарных колец связана метиленовым мостиком.

Великий биолог сказал:

— Рекомбинация генов в бактериальных клетках с помощью бактериофагов, синьор легат, это надежнейший метод получения аминокислот.

Великий юрист сказал:

— Инкорпорация и кодификация процессуальных норм и подзаконных актов, синьор легат, в сочетании с классификацией деликтов гарантирует правозащитное регулирование.

Великий историк сказал:

— Изучение источников, синьор легат, дополненное хронологией, эпиграфикой, археографией и метрологией, неопровержимо свидетельствует о закономерном-случайном характере роли личности.

Великий философ сказал:

— Сциенистско-бихевиористская эмпирическая ориентация, синьор легат, представленная системно-коммуникационным подходом и контент-анализом, трансцендирует мотивацию в аксиологическую плоскость.

Великий агроном сказал:

— Общеизвестно, синьор легат, что Нутепаеса *cougaril* синтезирует карофиллен эпоксид, отпугивающий муравьев-листорезов *atta-cephalotes*.

Великий техник сказал:

— Подсоединение микропроцессоров и периферийных устройств к интерфейсам многофункциональных сопрягающих модульных систем, синьор легат, обеспечивает выполнение функций буферного зу емкостью до 32 килобайт.

Всем им, не утруждая себя, Тропинин ответил той же фразой, которая произвела, судя по всеобщему во-

одушевлению, прекрасное впечатление. Подойдя к дамам, он, как галантный кавалер, включил ап.

Супруга Великого математика сказала:

— Мы рады видеть вас в нашем кругу, синьор легат. Да и вам, должно быть, надоело мужское общество. Они ведь, кроме своей возлюбленной науки, ни о чем знать не знают и слушать не хотят.

— Увы, синьора, таковы мужчины на всех планетах. Но ваших это не извиняет. У них меньше всего оснований проявлять невниманье к дамам, ибо нигде во Вселенной не встречал я более очаровательных женщин, чем гермеситки.

Эта беспардонная лесть мгновенно завоевала землянину сердца первых девяти леди Гермеса.

Потом ему представили министров и прочих важных особ. Улучив минутку, Мендесона отвел его в сторонку.

— Как вам понравился Великий физик?

— Великий как великий. А что?

— Он такой же Великий физик, как я китайский император.

— Вы хотите сказать, Пабло, что он не слишком крупный ученый?

— Да нет, он и не физик вовсе. В этом клане не было порядка, вот и пришлось нам направить туда своего человека.

— А как же с языком?

— Подучил малость, он универ из матов.

Мендесона выбалтывал секреты, явно отрабатывая проездной билет на Землю.

Легат был в центре внимания. Он чокался, отвечал на вопросы или уклонялся от ответов, даже станцевал вальс с бойкой синьорой Эйлер. Публика разошлась, раздавался смех и звон бокалов, в холостяцком кружке рассказывали анекдоты. Словом, прием как прием.

Пир во время чумы, подумал Тропинин.

Он не ошибся.

Прием окончился далеко за полночь. Устав от впечатлений и от выпитого, Тропинин спал мертвым сном, когда к нему без стука ворвался Уланфу.

— Вставайте, синьор легат, скорее!

— В чем дело? — спросил Тропинин, протирая глаза.

— Идет чрезвычайное заседание Сената. Вы не пропустили бы мне, если б я вас не поднял.

Уланфу включил телеком. Тропинин накинул халат и, прихлебывая принесенный роботом горячий кофе, уставился на экран...

В огромном овальном зале дворца Разума яблчку не было где упасть. Принцепс (этот титул у гермеситов носил председатель законодательного собрания) объявил, что Сенат собрался на экстренное заседание по требованию объединенной Веронской общины, и предоставил слово профессору Бенито Чейзу. Вспыхнула буря аплодисментов, прерываемая свистом и улюлюканьем. Еще не начав говорить, Чейз мог оценить свои шансы. Взойдя на трибуну, он медленно обвел присутствующих глазами и выждал, пока шум уляжется.

— По тому, как меня встречают, нетрудно понять, что подавляющее большинство законодателей Гермеса на стороне своего народа, прислушивается к биению его сердца и готово пойти навстречу его справедливым требованиям. Слышим мы здесь, к сожалению, и враждебные голоса. Тем, кто не хочет быть с нами в этот исторический час, я говорю: опомнитесь, сограждане не простят вам измены.

— Вы смеете угрожать? — раздался выкрик.

— Я не угрожаю, а увещаю: отрешитесь от эгоизма и корысти, подчинитесь общей воле, покайтесь в содеянном, и великодушные сограждане примут вас в

свои обьятия. Иначе пеняйте на себя, никто не охранит вас от гнева...

— Говорите по существу, синьор Чейз, — прервал принцепс.

Его поддержали возгласами: «Долой с трибуны», «Наглец!»

— Если мне будут затыкать рот, я не стану продолжать. Пусть с вами поговорят те пятьсот тысяч клановых патриотов, которые ждут сейчас у стен дворца, чтобы Сенат встал на защиту их прав и интересов.

Угроза подействовала, обструкционисты приутихли.

— Итак, почему я здесь? Потому что гермеситы не желают больше безропотно взирать на то, как универы и прочая шваль разрушают твердыню нашего благополучия — профессиональный кланизм. Случилось неслыханное — агр и мата сошлись в преступном союзе. И что же? Власти принимают срочные меры, бьют в колокола? Ничего подобного. Они сквозь пальцы взирают на злостных нарушителей освященного веками порядка, на попрание традиций наших предков. Вопиющая, непостижимая безответственность.

Аплодисменты. Телекамера показала правительственную ложу, где, вцепившись в перила, напряженная и бледная, сидела великая девятка.

— Давайте спросим у этих людей, которым доверены судьбы народные, чем вызвано столь преступное отношение к своему долгу.

Чейз протянул руку в сторону ложи.

— Отвечайте, синьор Великий математик.

— Я не намерен отчитываться перед выскочкой! — сказал Эйлер.

— Допустим, я выскочка, но от вас требуют ответа те, кто доверил вам высшую должность, а вместе с ней возложил ответственность за сохранение гермеситской цивилизации. Молчите? Ясно почему. Не можете же вы публично признать, что потакали преступным посяга-

тельствам на кланизм, потому что сами втайне предавались пороку.

Поднялся шум, сквозь который доносились отдельные выкрики: «Клеветник!», «Это оскорбление Сената!»

— Я отметаю обвинения в оскорблении нашего законодательного собрания. Это просто чепуха. Напротив, мы, кланисты, возлагаем все свои надежды на мудрость отцов-сенаторов, иначе нас бы здесь не было.

«Пусть говорит!», «Не мешайте оратору!» — включились в перепалку поклонники Чейза.

— Я готов доказать документально: синьор Эйлер, а вместе с ним многие другие высшие должностные лица являются членами тайной ложи, которая отрицает профессионализм и проповедует универство. На своих сборищах эти люди делятся друг с другом профессиональными тайнами и даже, страшно сказать, развлекаются искусством.

«Позор!», «А что это такое?»

— Видите, нормальные люди не имеют представления об этом пороке. Я не стесняюсь признаться, что и мне он неизвестен. Добродетель, которая знает о существовании греха, уже не добродетель. Теперь я спрашиваю вас, отцы-сенаторы: что надлежит делать, если универие, а по сути своей, неверие, находящееся вне закона, стало теперь и над законом? Если рыба гниет и с хвоста и с головы? Ответ один: надо выжечь огнем гниль и в низах и в верхах общества, охранив здоровое его тело от заразы. С этим требованием и прислали меня к вам гермеситы, пекущиеся о благе своей великой научно-технической культуры. Решайте, помня о своей ответственности!

Чейз театрально поклонился и сошел с трибуны. Собрание бурлило. Растерянный принцепс даже не пытаясь навести порядок. На скамьях сенаторов вспыхнули перепалки. Там и здесь чейзаристы и их противники вступили в прямую потасовку. Назревало всеобщее по-

боище, когда двери зала распахнулись, в него стройными рядами вошла когорта вооруженных кланистов во главе с Големом. Они оцепили партер, заняли посты у всех выходов, а сам Голем стал рядом с председательским креслом и заорал:

— Молчать! Чейзаристская гвардия не допустит расправы над профессором. Мы берем на себя защиту Сената от смутьянов и предателей.

— Но позвольте, это насилие! — встрепнулся принцепс. — Я призову полицию. Кто вас уполномочил?! Префект, очистите зал от посторонних!

— Заткнись! — сказал Голем, положив ручищу ему на плечо и заставляя опуститься на место. — И ты сиди тихо! — прикрикнул он на префекта Рима, рядом с которым встали два дюжих парня из чейзаристской гвардии. — Продолжайте заседание, я же сказал: мы вас защитим.

Все замерли.

— Ну, давайте, сенаторы, не тяните жвачку! — гаркнул Голем.

В ту же секунду с места вскочил Великий юрист.

— Вношу предложение, синьор принцепс, освободить Ганса Эйлера с его поста за недостойное поведение и избрать Великим математиком профессора Бенито Чейза.

Всеобщее молчанье. Встал Чейз.

— Благодарю за доверие, синьоры. Однако предложение идет вразрез с конституцией. Правом избирать Великого математика обладает только всегермеситский конгресс клана матов. Народ привел меня сюда для того, чтобы охранить существующий порядок, а не нарушать его. Какое решение вы бы сегодня ни приняли, заверяю, что буду строго блюсти священные традиции, установленные основателями профессионального кланизма.

Аплодисменты.

— Bravo! Вы показываете нам пример гражданской

доблести! Я снимаю свое неуместное предложение, — заявил Великий юрист.

— А я, — сказал, вставая, Великий историк, — хочу внести другое. В первые десятилетия существования гермеситской колонии избирались два консула. Чрезвычайная обстановка требует вернуться к этому обычаю. Не вижу лучшей кандидатуры на пост Первого консула, чем многоуважаемый профессор Чейз.

Шквал оваций и одинокие выкрики протеста.

— Приступим к тайному голосованию? — спросил принцепс.

— Нечего голосовать, — вмешался Голем, — и так ясно.

— Ну, зачем же, надо соблюсти демократическую процедуру, — поправил его Чейз.

— Однако я полагаю, нет нужды голосовать тайно. Особые обстоятельства требуют от каждого открыто взять на себя ответственность за принимаемое историческое решение. Стыдно в такой момент прятаться за анонимные бюллетени.

Принцепс взглянул на Чейза. Тот утвердительно кивнул.

— Кто за то, чтобы учредить должности двух консулов, доверив им чрезвычайные полномочия? Практически все, считать нет смысла.

— А вы спросите, кто против, — подсказал Чейз.

— Кто против? Нет. Воздержался? Один. Приступаю к голосованию по второму вопросу: кто за то, чтобы избрать Первым консулом профессора Бенито Чейза из клана матов? Кто против? Один. Воздержался? Один. Поздравляю вас, ваше превосходительство.

Под шумные аплодисменты Первый консул взошел на трибуну.

— Сердечно благодарю вас, отцы-сенаторы, за оказанную мне высокую честь. Не корысти ради и не из тщеславия принимаю я бразды правления, а лишь дви-

жимый чувством долга. Вместе с вами, при вашей поддержке я спасу нашу цивилизацию и верну ей прежний блеск. Исполнив свою миссию, обещаю уйти на покой — лично мне, кроме скромной должности университетского преподавателя, ничего не нужно.

Раздались протестующие голоса.

— Нет, друзья мои, не пытайтесь переубедить меня. Мое решение твердо. В ближайшие несколько дней будет сформировано новое правительство и внесен ряд важных законопроектов. Мы не станем терять ни часа. А сейчас я прошу вас утвердить кандидатуру моего ближайшего помощника. На роль второго консула предлагается Розалинда Маккьявели из клана агров.

По залу пронесся удивленный шепот.

— Я понимаю, мой выбор покажется многим необычным. Слишком укоренились у нас в сознании предрассудки, с которыми пора расстаться. То, что синьорита Маккьявели агрянка, не должно, полагаю, вызывать сомнений. Смешанный состав консулата будет свидетельствовать, что у нас нет намерений обеспечить какие-то особые привилегии одному из кланов. Но не менее важно, чтобы в нем были представлены наши славные женщины и юные поколения гермеситов. Прошу вас, синьорита, взойдите ко мне на трибуну.

Встав рядом с Чейзом, Розалинда заявила:

— Я полна гордости за то, что профессиональный кланизм нашел стойких защитников в Сенате. Скажу коротко: сегодня все мы чувствуем себя чейзаристами и не пожалеем жизни, чтобы оправдать возлагаемые на нас надежды.

Яркая внешность Розалинды произвела сильное впечатление на сенаторов. Ее слова были покрыты рукоплесканиями. Диссонансом прозвучал одинокий взрыв истерического хохота. Гвардейцы Голема выволокли под руки недостойного журналиста.

Быстренько проведя голосование, принцепс сказал:

— Думаю, мы вправе поздравить себя и весь народ Гермеса, вручив власть столь достойным консулам. Синьор Чейз олицетворяет мужское начало, зрелость и мудрость, синьорита Маккьявели — женское начало, молодость и отвагу. Да поможет им Разум!

На этом историческое заседание Сената было объявлено закрытым. В сопровождении личной охраны Первый консул отправился в свою официальную резиденцию, откуда в мгновение ока выдворили Великого математика. Отдав первые распоряжения, Чейз попросил оставить его с Големом.

— Здорово мы их прижали к ногтю, — сказал великан, развалившись в кресле. — Паршивый принципс разом смекнул, кто теперь хозяева. Все же, шеф, я бы не стал доверять этой публике. Она продала одних, может завтра с такой же легкостью продать других. Их надо всех выставить из Сената к чертям собачьим, а может, и того... — Голем выразительно помахал кулаком.

Чейз подумал, что предводитель его гвардии прав и вовсе не такой уж дубина, как о нем говорят. Однако консулу не очень понравился фамильярный тон Голема. Надо будет поставить его на место, а то и того, как он сам выразился. Но это позже.

— Послушай, Голем, я хочу поручить тебе важное дело. Ты понимаешь, что о нас будут судить по первым шагам. Надо сразу же дать понять всем, что шутить мы не собираемся. И прежде всего покончить с веронской смутой. Я имею в виду эту парочку, которая заварила кашу.

— Их надо уничтожить, — просто сказал Голем. — А заодно Сторти и всю их кодлу.

— Только аккуратней. Я не хочу, чтобы поднялся шум, будто новая власть начинает с кровавой бойни. Возьми их тихохонько и посади куда-нибудь под надежный замок.

Интеллигентская дряблость. То ему надо власть по-

казать, то «поаккуратней». Не поймешь этих матов, мозги у них с завихрением, решил Голем, но не подал вида, что у него есть свое мнение, и послушно кивнул.

— Слетай в Верону сегодня же, проверни это дельце. А сейчас поди пришли мне Розалинду.

Голем отправился выполнять поручение, бурча под нос, что не позволит выскочке сделать себя мальчиком на побегушках. Тибор предупреждал, что Чейз приберет все к рукам, а его отставит в сторону. Шалишь, со мной такие штучки не пройдут. Еще не вечер.

Прекрасная Розалинда, вознесенная из грязи в князи, поспешила на зов своего владыки. Чейз пригласил ее сесть на диван и сам опустился рядом.

— Ты довольна, красотка? Кажется, я честно выполнил все свои обещания.

— Не знаю, право, чем я смогу вас отблагодарить, сеньор Первый консул.

— Можешь называть меня по имени, когда мы наедине. Есть испытанное средство.

— Я готова, — бесстрашно сказала Розалинда, глядя ему в глаза, — быть верной вашей соратницей.

— Во всем?

— Во всем.

Он привлек ее к себе и прошептал на ухо:

— И мы, разумеется, обойдемся без противоестественного брака, как тот, что привел нас с тобой сюда?

Она кивнула.

В консулате с самого начала воцарилась полная гармония.

...Оторвавшись от телекома, Тропинин присвистнул. Он был ошеломлен этим молниеносным *coup d'État** и только сейчас стал размышлять над возможными его

* Государственный переворот (франц.).

последствиями. Ну, прежде всего под угрозой вся столь успешно начатая миссия синьора легата. Нет никаких гарантий, что диктатор пожелает продолжить флирт с Землей. С одной стороны, конечно, ему выгодно заполучить космолеты и приписать себе заслугу восстановления нормальных отношений с прародиной. С другой же, Чейз должен отдавать себе отчет, что гермеситско-земные контакты будут подтачивать профессиональный кланнизм, который он обязался всемерно укреплять и лелеять. Возможно, Первый консул лицемерит, но это не имеет значения. Такова его программа, с ней Чейз пришел к власти, он будет всеми средствами за нее цепляться. Так что осторожность и чувство самосохранения возьмут, видимо, верх над выгодой, к тому же отдаленной и проблематичной.

А еще что? А еще наверняка начнутся репрессии. Предававшиеся «пороку» знатные особы отделаются пустяками, скорее всего просто останутся не у дел, что для подобной публики само по себе достаточно суровое наказание. А вот универам, тем достанется. Дойдет ли дело до костров и пыток или передовая гермеситская цивилизация предпочтет такие безотказные технические средства, как электрический стул, — неясно. Ясно, что крови будет пролито много, особенно в первые недели, когда Первый консул должен будет расплатиться с подержавшими его клановыми фанатиками, дать им вволю порезвиться, утолить свою ненависть.

Ну и, конечно, первыми жертвами должны пасть молодые люди, чья любовь привела к столь трагическому исходу. Можно ли что-нибудь для них сделать? Честно говоря, рискованно. Но он никогда не простит себе, если не попытается. Ждать, пока его пригласят к новому правителю, или напроситься на прием самому?

Уланфу, словно угадав мысли Тропинина, сказал:

— Не сомневаюсь, синьор легат, что в ближайшее время вас пригласят к Первому консулу.

— А вы, друг мой, что собираетесь делать вы? Я-то

на худой конец сяду в свой космолет, и прощай Гермес.

— Буду служить, если не выгонят. А выгонят — устроюсь куда-нибудь программистом. Не пропаду. — Уланфу беззаботно тряхнул головой.

Вбежал испуганный управитель дома.

— Сюда прибыл сам Первый консул. Он хотел бы встретиться с вами, синьор легат.

— Передайте его превосходительству, Уланфу, что я в его распоряжении.

Чейз вошел стремительной походкой. Он менялся на глазах, явно искал свой стиль, свой образ величия, колеблясь между строгой собранностью, торжественностью и обаятельной располагающей простотой. Великому легко быть простым, легко ли простому казаться великим?

— Благодарю, синьор легат, что согласились сразу же повидаться со мной.

— Это вы мне оказываете честь, синьор Первый консул.

— К сожалению, у меня плохие вести. Я вынужден просить вас немедленно покинуть Гермес.

Вот оно как обернулось. Такого Тропинин не ожидал даже в худших своих предположениях.

— И прошу правильно оценить мои побуждения. У нас есть достоверные сведения, что универы готовятся развязать гражданскую войну. Они почти наверняка попытаются похитить вас в качестве заложника или даже организовать покушение, чтобы обострить мои отношения с Землей и спровоцировать ее вмешательство в наш внутренний конфликт. А вы ведь не станете скрывать, что ваше общественное устройство отрицает профессиональный кланизм и по духу своему ближе к универии?

— Не совсем так, синьор консул. Мы одинаково ценим профессионализм и универсальность и, смею сказать, нашли способ органично их соединить, не прибе-

гая к помощи богов, даже из рационалистического пантеона.

Теперь мне все равно, подумал Тропинин, не откажу себе в удовольствии напоследок врезать правду-матку выскочке. Эта кличка, судя по всему, к нему прилипла.

— Именно такое соединение позволило нам далеко опередить Гермес в смысле прогресса. И немалую роль здесь играет то самое искусство, которое вы предали анафеме.

— Не будем вступать в идеологический спор. Меня вы не переубедите. Я не сомневаюсь в своей победе, универов мы сомнем, — Чейз хрустнул пальцами. — Но рисковать межпланетными осложнениями не хочу. Да и вам лучше отправляться восвояси. Не ровен час, какая-нибудь диверсионная банда универов прорвется в район посадки космолета.

Наглый враль. Не станут универы за мной охотиться. Кого надо действительно опасаться, так это твоих молодчиков.

Тропинин взял официальный тон.

— Должен я понять ваши слова как прекращение контакта?

— Контакт не прекращается, а только откладывается. Когда я наведу на Гермесе должный порядок, Земле будет предложено возобновить его. Разумеется, в определенных рамках. Мы не позволим, чтобы к нам забрасывали с парадного входа то, что выбрасывается на свалку через черный. Включая ваше хваленое искусство, о котором я ничего не знаю и знать не хочу. — Чейз скорчил презрительную мину.

Оказывается, он не только проходимец, но и дурак.

— И вот еще о чем хочу предупредить: я категорически запрещаю вам брать в космолет кого-нибудь из гермеситов.

— У меня не было таких намерений, — слукавил Тропинин.

— Прощайте, синьор легат.

— Еще минутку, синьор Чейз. — Он намеренно не назвал выскочку пышным титулом. — Я строго придерживаюсь принципа не вмешиваться в ваши внутренние события, но настоятельно прошу оставить в покое молодую чету Монтеки и их близких.

— Они понесут должную кару за свое преступление. — Глаза Чейза сузились, губы сложились в лезвие бритвы.

— Но подумайте, как можно назвать преступлением любовь юноши и девушки?

— Не юноши и девушки, а агра и маты.

— И все же советую вам не прибегать к репрессиям. Геноцид в отношении универов вызовет, помимо прочего, резкое осуждение во всем Великом кольце.

— Мне начхать на Великое кольцо! — сказал Первый консул и, повернувшись на каблуках, вышел.

Через пятнадцать минут Тропинин выехал в аэропорт. Космический корабль был готов к взлету. Капитан доложил послу, что экипаж доставили из гостиницы под конвоем. Никого из официальных лиц, не считая местных техов, не объявилось, их провожал один Уланфу. Тропинин сердечно попрощался с гермеситом и пошел к кораблю.

Заняв одно из кресел в капитанской рубке, он взглянул в иллюминатор и успел увидеть, как два дюжих преторианца подхватили Уланфу под руки и поволокли к машине. Тропинин отвернулся с чувством горечи и бессилия.

Заработали ионные двигатели, космолет с нарастающим ускорением устремился отвесно в небо. Гермес на глазах съеживался, превращаясь в одну из точек на карте Вселенной. Кажется, должны были бы потерять остроту и переживания, связанные с пребыванием на этой планете. Но нет, не таково человеческое сознание. Тропинин знал, что долго еще у него перед глазами

ми будут стоять образы симпатичных гермеситов — Дезара, Сторти, Уланфу, он будет беспокоиться о них, вспоминать отдельные эпизоды своих бесед с ними, по-новому толковать смысл их жестов и слов.

Однако надо садиться за отчет, пока все живо сохранилось в памяти. Тропинин направился в свою комнату, а войдя, удивился до крайности. За его письменным столом как ни в чем не бывало восседал Мендесона.

— Пабло! Как вы сюда попали?

— Не забывайте, Анатолий, что я в течение многих лет держал в руках весь административный аппарат Гермеса. Чтобы не вступать в ненужный конфликт с чейзаристами, мне пришлось проникнуть в космолет заблаговременно. Помог аэродромный тех, который обслуживал корабль после посадки. Я отдал ему все, что имел, и теперь гол как сокол.

— Пусть это вас не тревожит. Земля прокормит одного гермесита.

— Тем более что гермесит сможет предоставить ценнейшие сведения о своей планете. Мое богатство здесь, — бородач постучал пальцем себе по лбу.

Неисправимый делец, подумал Тропинин. Но беседовать с ним всегда интересно.

— Представляю, как Первый консул разнесет свою гвардию, узнав, что она позволила вам удрать.

— Я удрал до того, как выскочка стал диктатором, и как раз потому, что предвидел неотвратимость этого события. Что же касается межпланетных осложнений, то не беспокойтесь, все предусмотрено. В течение двух-трех ближайших часов моя одежда будет обнаружена в парке у пруда. У меня дома на столе найдут записку, в которой содержится просьба в моей смерти никого не винить. Так что Мендесоны уже нет, он утопленник, и вы, дорогой друг, видите перед собой фантом.

— Я рад, что вы в безопасности, Пабло. Но, признаюсь, одно остается для меня загадочным. Как могла вся

ваша крепко сколоченная ученократия, простоявшая бог знает сколько столетий, рухнуть за сутки? Почему власти преержажющие сдали ее без борьбы, можно сказать, поднесли Чейзу на блюдечке?

— Вы исходите из ошибочной посылки, Анатолий. Система не рухнула, а укрепилась. То, что мы с вами наблюдали, — это ее защитная реакция. Весьма вероятно, последние потуги, которые могут оттянуть гибель, но не отменить ее. Относительно же сдачи без боя — неужели вы настолько наивны, чтобы предположить такую возможность? Капитуляции не было — была сознательная передача власти более надежному в данных обстоятельствах лицу.

— Вы хотите сказать, что некто могущественный сделал ставку на Чейза?

— Разумеется, его никто заранее не подбирал. О нем неделю назад и ведать не ведали. Просто выскочка подвернулся под руку.

— Кому, Пабло?

— Сотне семей, хозяевам крупнейших компаний, составляющих хребет экономики Гермеса. У нас ведь кланово-корпоративная собственность. Каждый клан имеет свои предприятия, акции которых распределяются между его членами. Теоретически они имеют право голоса в решении производственных проблем, на практике же всем распоряжается кучка магнатов, владеющих контрольным пакетом и одновременно сосредоточивших в своих руках административные функции. Словом, это своеобразный гибрид капиталистической монополии и средневекового цеха. От его заправил зависят карьера, благополучие, достаток, сама жизнь и смерть рядового специалиста. Они предпочитают держаться в тени, выдвигая на представительские должности более или менее заслуженных и послушных профессионалов. Впрочем, если те вздумают бунтовать, их мгновенно убирают. В данном случае наша мафия сочла для себя выгодным вручить бразды правления Чей-

зу. Расчет простой: диктатор подкрутит развинтившиеся гайки, а потом его переведут на почетную пенсию. Заупрямится — будет хуже, эти люди шутить не любят.

— Могут и промахнуться. Чейз — крепкий орешек.

Мендесона пожал плечами, давая понять, что его теперь мало заботит, чем кончится очередной драматический эпизод истории Гермеса. Тропинин ощутил острую неприязнь к этому человеку, который, едва отряхнув со своих ботинок пыль родины, готов предать ее забвению. Право же, я прихватил с собой не лучший образчик гермеситской породы.

— Ладно, Пабло, дорога длинная, у нас будет возможность вдоволь наговориться.

Тропинин отвел эмигранта в свободную каюту и вернулся к себе. Он достал диктофон, разложил свои блокноты. С чего начинать? С профессионального кланизма, корпоративизма, робототехники? С Великого математика и Первого консула? С девятибожия и универов?

Подумав, он начал: «Ром задыхался. По тяжелому топоту позади он чувствовал, что расстояние, отделявшее его от преследователей, сокращается. Боязнь потерять драгоценные секунды не позволяла оглянуться. В ушах все громче звучали бессвязные угрожающие выкрики...

8

Рома разбудил жаворонок. От открыл глаза и зажмурился, боясь потерять мгновенное ощущение счастья. Над ним шелестела лиственница, воздух был напоен медовым запахом скошенной травы, лучи раннего солнца ласкали кожу. Все в родном саду как прежде.

Он оглянулся, и сразу вернулось чувство тревоги. Рядом, на раскладушке, разместился Метью, чуть по-

одадь похрапывали два закадычных дружка — Сторти и Ферфакс. Целый гарнизон для защиты осажденной крепости. Родители и Ула ночевали в доме. Бен стоял на часах.

Когда враги придут, и придут ли? Вчера оставалась еще надежда, что землянин уговорит Великого математика положить конец произволу чейзаристов. После заседания Сената эта надежда рухнула. Собравшись у телекома, Ром, его старые и новые друзья с волнением наблюдали, как ординарный профессор математики мгновенно превратился во всесильного диктатора, а тщеславная Розалинда стала вторым лицом в государстве. Мет изощрялся в ядовитых остротах по адресу безмозглого Голема, занявшего пост начальника преторианской гвардии. То и дело кто-нибудь всплескивал руками, выражая возмущение этим гнусным спектаклем. «Ущипните меня, — вскрикивал Сторти, — я сплю, такого не может быть!» Но такое было.

Через несколько часов диктор сообщил, что спешно созданный конгресс клана матов отрешил Ганса Эйлера от его должности. В резолюции заявлялось, что он заслуживает предания суду чести, но, учитывая его заслуги перед государством, решено ограничиться принятой мерой. Великим математиком был, естественно, избран профессор Чейз, известный своим выдающимся вкладом в развитие гермеситской науки.

А затем поступила новая информация: чрезвычайный и полномочный посол Земли в срочном порядке отбыл на родину, получив новое назначение. Накануне отъезда у него была беседа с Первым консулом, прошедшая в сердечной атмосфере. Легат от души поздравил профессора Чейза с избранием на высший пост, пожелал успеха в его благородной деятельности на благо гермеситов и выразил уверенность, что под руководством профессора и синьориты Маккьявели они достигнут новых блистательных успехов на путях профессионального кланизма. Что касается переговоров между Зем-

лей и Гермесом, то они отложены до прибытия нового посла и, несомненно, завершатся к обоюдной выгоде двух великих обитаемых миров.

— Неужели землянин не разобрался, с кем имеет дело? — поразилась синьора Монтекки.

— Не верьте ни одному слову, — сказал Дезар. — Они его выслали.

Все приуныли.

— Нечего вешать головы, — сказал Сторти. — Теперь мы, по крайней мере, знаем, что помощи ждать неоткуда.

— Слишком неравны силы, — возразил Ферфакс. — На нас навалятся, помимо этих бешеных чейзаристов, вся полицейская рать.

— Вся ли, еще неизвестно, — загадочно заметил Дезар, но пояснять ничего не стал.

Ферфакс возразил, что, если даже полиция не окажет активной поддержки чейзаристам, она не станет и на нашу сторону, тем более что в доме укрывается Сторти, которого разыскивают после побега из веронской префектуры. Сам он тоже на подозрении: полицейские ищейки, должно быть, уже раскопали, кем был мантиуанский адвокат наставника. Могут состряпать дело и против Рома с Улой. Хотя не существует формального основания преследовать их по закону, казуистам-юрам ничего не стоит сочинить подходящую версию по принципу «закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло».

— Ты паникер, — сказал беззаботно Сторти.

— Ферфакс прав, — вступился Дезар. — Даже если нам удастся дать отпор кланистам и какое-то время продержаться, раньше или позже они свое возьмут. Всякая крепость — это ведь и ловушка. Поэтому надо готовиться к худшему. У моих друзей есть конспиративное убежище в катакомбах по ту сторону Свинцового хребта. В крайнем случае переберемся туда.

— Так чего же терять время? Пока нам никто не препятствует, потом же могут и не выпустить.

— Пробьемся. Нельзя сдаваться без борьбы. Уехать сейчас — значит добровольно согласиться на роль преступников, пытающихся скрыться от правосудия. Чейзаристам только это и надо. А как полагает молодежь?

— Вы совершенно правы, синьор Дезар, — взял слово Ром. — Но нам с Улой крайне неловко, что из-за нас все вы идете на такой риск.

— Мне, кажется, уже пришлось объяснять, дружок, что мы защищаем не только вас, а дело, которое считаем справедливым, да и самих себя тоже. Так, Метью?

— Так-то так, только я не согласен с вашей оборонительной тактикой. Нам надо самим взять Голема и компанию за горло. У меня дома все возмущены тем, что они творят. Мы могли бы собрать целую армию.

— Ты фантазер, Мет, — похлопал его по плечу Сторти. — На словах у нас все герои, а пойдя звать в драку — никого из дома не вытащишь.

— Сторти правду говорит, — заметил рассудительный Бен, — каждый трясется за свою шкуру и думает лишь о том, как отсидеться за четырьмя стенами.

— Вот почему следует принять сражение. Наша стойкость воодушевит тех, кто не одобряет кланового фанатизма, но не отваживается поднять голос протеста. — Дезар попытлся своей трубкой и продолжил: — Сейчас нам надо лучше подготовиться к осаде.

Сторти предложил назначить Дезара главнокомандующим, что и было единогласно принято. Затем занялись распределением сил. Ферфаксу поручили осмотреть и привести в порядок запасенное оружие. Мет и Бен получили задание зайти в магазин за провизией. Ром должен был позаботиться об огнетушителях на случай попыток поджечь дом. Он рассказал о выдумке своего брата — идея

использовать для защиты водометные шланги была подхвачена с энтузиазмом. Зашел разговор о том, чтобы эвакуировать женщин и больного Монтекки, но Анна и Ула наотрез отказались, вызвавшись выполнять роль медицинских сестер. Отдав все необходимые распоряжения, Дезар отправился за подкреплением; своим заместителем он оставил неунывающего Сторти.

Ром пошел рассказать о решениях «военного совета» отцу. Старший Монтекки чувствовал себя лучше, но все еще не вставал с постели. Он молча выслушал сына и спросил:

— Ты уверен, что вы поступаете правильно?

Рома поразила эта отрешенность. Раньше отец с его твердым и властным характером не допустил бы, чтобы кто-то распоряжался в его доме. Теперь он воспринимал происходящее покорно и безразлично, как бы передоверяя сыну свои хозяйские права. Болезнь вконец его измотала.

— У нас нет другого выхода, — ответил Ром. — Даст Колос, отобьемся.

— Я не о том, сынок. Все мы смертны, и чему быть, того не миновать. — Рома больно кольнула мысль, что отец с таким равнодушием рассуждает о судьбе своих близких. — С тех пор как меня стукнуло, я все думаю: отчего разрушилась наша жизнь? Не хочу лишний раз упрекать тебя, но признай: виной тому твоя безрассудная страсть к мате. Я предупреждал, ты не захотел слушать. И вот результат: я — полуразвалина, Геля нет, мать поседела от горя, да и вам с Улой, если уцелеете, бедствовать в изгнании. Ничего не останется от семейства Монтекки — ни дома, ни сада...

Рому хотелось закричать, что все не так, нельзя смотреть на мир через замочную скважину, что чувство, родившееся у них с Улой, как камень, кинутый в болото, дало выход чистой воде... словом, пересказать мудрые поучения, слышанные от Дезара и глубоко запавшие в его сознание. Но он сдержал себя: какой смысл

говорить об этом надломленному человеку, упорствующему в своем заблуждении? К тому же у отца есть своя правда. Что стоят самые возвышенные абстракции по сравнению с суровой жизненной реальностью! Он лишился всего, и по моей вине.

— Но бог с ним, с нашим благополучием, — сказал олдермен, словно угадав мысли сына. — Не считай, что я эгоист, трясущийся над своим добром. Больше всего меня тревожит, чтобы ты, мой первенец, единственная моя надежда, не встал на путь и опасный и неправедный. Ведь от кого вы собираетесь обороняться, против кого готовы пустить в ход оружие? Против клановых патриотов, в том числе своих, агров. Чего же вы хотите, разрушить нашу систему, лишить людей того, что составляет смысл их существования — профессии? Так не один наш дом, можно пустить по ветру все, что нажито нашими предками за столетия, превратить Гермес из цветущего сада в пустыню. Опомнись, Ром, пока не поздно, гоги прочь всю эту свору универов, которая задурила тебе мозги! Не забывай, что ты потомственный агр.

— Прости, отец, — сдержанно возразил Ром, — но я не могу отречься от людей, которые пришли на выручку нам с Улой. — Он отвел глаза, не выдержав просительного и осуждающего отцовского взгляда. — Мы хотим перевезти тебя в безопасное место.

— Нет уж, сынок, позволь мне умереть под родной крышей. Что ж, ты такой же упрямец, как и я. Горько мне говорить это, но вас сомнут, и правильно делают.

Он отвернулся к стене, давая понять, что говорить им больше не о чем. Ром постоял несколько секунд и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. Ему было нестерпимо жаль отца, и он чувствовал себя настоящим преступником.

...Ром отбросил мрачные мысли, поднялся, постаравшись не разбудить товарищей, вошел в дом и полез на

крышу, где у них был учрежден наблюдательный пост. Здесь он застал Бена не стоящим, а лежащим «на часах» — тот мирно спал. Ром осторожно извлек у него из-под руки бинокль и стал осматривать окрестности. Все казалось покойным, даже слишком. Ах да, ведь сегодня воскресенье, к тому же необычное — день святого Разума, который гермеситы проводят обычно по домам, в семейном кругу. Вдобавок раннее утро.

Заметив какое-то движение у одного из домов на той стороне улицы, он насторожился. Двое мужчин стояли, прислонившись к стене, явно стараясь не выдавать своего присутствия. Ром заново обозрел ближайшие строения и обнаружил еще три такие же пары. Сомнений не оставалось: неприятельские пикеты, взявшие под наблюдение все подступы к их крепости.

Растормошив Бена, он кинулся поднимать на ноги остальных. После короткого совещания решено было проверить намерения кланистов. Метью предложил отправить «на разведку» робота, но Сторти не согласился на том основании, что беднягу просто разнесут на куски. Самым естественным нашли выход хозяйки дома за покупками. Синьора Анна спокойно прошла мимо пикетчиков, которые, по обычаю, поздравили ее с днем Разума. Обороняющиеся, находясь на чеку, занялись выполнением порученных им заданий.

Часам к двенадцати перед домом собралась изрядная толпа. Несколько чейзаристов несли портреты своего вождя и транспаранты с лозунгами «Да здравствует профессиональный кланизм!», «Разобьем головы универам!», «Гермес — истинным гермеситам!». У всех были нарукавные черные повязки и значки в петлицах с миниатюрными буквами ПК. Центурионы и декурионы проверяли готовность своих отрядов. К активным действиям не приступали, видимо, за отсутствием команды. Там и здесь образовались импровизированные митинги, ораторы подогревали энтузиазм своих соратников, на все лады повторяя тезисы речей Первого консула.

Вдобавок боевой настрой чейзаристов подняла ячменка, раздаваемая бесплатно и в неограниченном количестве.

Первым лишился терпения тот самый горячий физ, который усердствовал на сходке у дома Чейза. Выскочив вперед, он заорал:

— Эй вы, паршивые универы, выходите сами, не то мы вас выкурим!

Метью, стоявший на балконе, не замедлил вступить в перебранку:

— Согласен выйти к вам, синьор, только при одном условии.

— Какое еще условие?

— Поцелуйте меня в...

— Ах ты, дерьмо собачье!

— Сам ты... — Мет выругался так изысканно, что вызвал уважительное одобрение даже у некоторых своих противников. Чувствуя, что дуэль этим оружием не сулит ему лавров, физ перевел обмен любезностями в высокие сферы.

— Ты предатель!

— Может, скажешь, кого я предал? — спокойно поинтересовался Мет.

— Свой клан, разумеется.

— А тебе какое дело до моего клана? Ты что, агр?

— Нет, слава богу, я физ.

— Считаешь, значит, что физы выше агров?

— Тут и говорить нечего. Сравнил атом с навозом.

— Выходит, агры, по-твоему, навозные жуки? Как же ты, сукин сын, берешься выступать от их имени! — Мет возвысил голос. — Есть среди вас агры? Как вы позволяете, друзья, поносить свой клан?

В толпе поднялся галдеж. Сознательно или бессознательно Мет нащупал у чейзаристов самое слабое звено. Тут ему на подмогу пришел Ром. Приняв эстафету, он сказал:

— Я и мои товарищи не против профессионализма.

Мы любим свое дело и готовы служить ему так же преданно, как и каждый из вас. В отличие от тех, кто дурит вам головы, мы хотим лишь, чтобы люди всех специальностей были равны. Так записано в конституции Гермеса. Так чего же вы от нас требуете? Зачем пришли сюда, вместо того чтобы провести с близкими праздничный для всех гермеситов день?

В стане кланистов наступило замешательство. Кто-то выкрикнул:

— Правду он говорит! Что нам здесь надо? Пошли по домам.

Несколько человек сразу же последовали этому призыву. Видно было, что к ним хотели присоединиться немало других — то ли потому, что вняли доводам Рома, то ли им просто надоело торчать на солнцепеке. Однако группа активистов предотвратила повальное дезертирство, прибегнув к уговорам и угрозам. На смену осрамившемуся физику был выставлен более опытный полемист — не кто иной, как сам ректор Веронского университета. Сперва он постарался укрепить дух кланистской армии.

— Синьоры, я был и никогда не считал, что был лучше агронов или хуже физиков. Молодой Монтеки в этом смысле совершенно прав. Но своей риторикой он пытается укрыть истинную проблему. Мы сочли своим гражданским долгом выступить в защиту самого принципа профессионального кланизма. А что такое любовный союз между агрономом и матой, как не злостный подрыв этой основы нашей жизни! Посмотрите, к каким тяжелым последствиям он уже привел, расколов граждан нашего города, которые всегда жили дружной семьей. Мы за равенство между кланами, но против того, чтобы под таким предлогом разрушались сами кланы.

Посыпались одобрительные возгласы.

— И еще. Мы не жаждем крови. Здесь собрались цивилизованные люди. не какие-то бандиты. Давайте

же скажем этим обманутым молодым людям, попавшим под пагубное влияние универов: признайте свое заблуждение, порвите противоестественную связь с еретиками, вернитесь в свои общины — и честные граждане примут вас в объятия.

Слышите, Ром Монтекки и Ула Капулетти? — ректор повернулся к дому, на балконе которого собрались теперь все его обитатели. — От имени этих добрых патриотов я предлагаю вам достойный выход. Вы мои студенты, и я верю, что разумное начало, заложенное педагогами, возьмет в вас верх над темными инстинктами, что добродетель восторжествует над пороком!

Несмотря на несколько необычный слет, напоминавший скорее церковную службу, чем речь на митинге, выступление ректора произвело сильное впечатление. Доверие к его словам внушалось и импозантной внешностью, и широкой личной известностью в городе. Как жалко, что нет Дезара, который мог бы лучше всех ему ответить! Сторти хотел было взять эту задачу на себя, но Ром знаком дал понять, что будет говорить сам.

— Я отвечу вам так, синьор ректор. Вы пытаетесь разлучить нас с Улой. Но мы муж и жена, обвенчанные по канону Числа и Колоса. Неужели вы осмелитесь посягнуть на брак, освященный религией? И еще скажу: что бы вы ни делали, как бы ни свирепствовали вместе со своим бесноватым Первым консулом, вам никогда не помешать мужчинам и женщинам разных кланов любить друг друга!

Сторти слушал с восхищением и ужасом: оскорбив Чейза, Ром становился государственным преступником. Поклонники профессора окончательно взбеленились. Отшвырнув ректора, все еще пытавшегося кончить спор без кровопролития, они кинулись в атаку. В дом полетел град камней, раздались несколько выстрелов. К счастью, никто не пострадал. Атакуемые быстро за-

няли свои места и привели в действие водометные устройства. Упругие струи, сбивая чейзаристов с ног, заставили их откатиться. Двух-трех человек, прорвавшихся к дому, встретили и обратили в бегство выбежавшие с дубинками Ром и Мет.

Переведа дух, осажденные приготовились к новому наступлению, но его почему-то не последовало. В прямом смысле слова охлажденные обрушенным на них ледяным душем, чейзаристы решили, видимо, от разрозненных и потому не сулящих успеха атак перейти к организованной осаде. Кроме того, насколько можно было понять по движению в лагере противника, туда прибыл гонец, и предводители устроили военный совет.

Наступившее затишье было прервано неожиданным инцидентом. Сквозь линию чейзаристов к дому Монтекки проследовал седой человек в очках. Сначала никто не обратил на него внимания, потом кому-то пришлось в голову его остановить.

— Эй, приятель, куда ты?

— Как видите, к синьору Монтекки.

— Поворачивай!

— Почему? Разве теперь запрещено посещать знакомых?

Оказавшийся поблизости ректор воскликнул:

— Да это синьор Капулетти! Вы хотите, профессор, уговорить свою дочь, чтобы она вернулась домой?

Капулетти молча кивнул.

— Пропустите, — распорядился ректор, но авторитет его был явно подорван, власть в лагере перемещалась к более твердым и решительным кланистам, не склонным к компромиссам.

Только когда один из них счел возможным пропустить отца к дочери, Капулетти позволили пройти. Его появление в доме вызвало нескрываемое удивление и настороженность. Он обнял Улу, сердечно приветствовал синьору Монтекки и Рома, представился остальным.

— Вы ждете объяснений, почему я здесь, — сказал Капулетти, обводя глазами присутствующих. — Потому что здесь моя дочь и ее муж, потому что я понял, что постыдно отсиживаться, когда предается поруганию человеческое достоинство. Скажите, где я могу быть полезен. К сожалению, — улыбнулся он, — знание супер-исчисления мало чего стоит в данных обстоятельствах.

Все с чувством пожали руку профессору.

— Мы поручим вам подсчитывать потери противника, — пошутил Сторти.

— Нужно ли тебе рисковать, отец? — сказала Ула.

— Кроме тебя, дочка, у меня ничего не осталось. Кланисты ведь, ты знаешь, отняли у меня даже университетскую кафедру.

— А Тибор?

— Твой брат, увы, по ту сторону баррикады. Он для нас с тобой — отрезанный ломоть.

— Но его не было в толпе.

Капулетти пожал плечами. Видно было, что ему тяжело говорить на эту тему. Как странно, подумал Ром. Капулетти с нами, Тибор и мой отец, по крайней мере, духом — с ними. Словно какая-то роковая сила занесла меч, чтобы разрубить связи между родителями и детьми, разбросать их по враждующим лагерям.

На улице послышался шум, и все выскочили на крыльцо: уж не начинается ли новый приступ? Нет, чейзаристы оставались на месте, но вынуждены были пропустить несколько машин, подъехавших к дому в сопровождении эскорта полицейских. Дезар, наконец, привел обещанное подкрепление — человек пятнадцать добровольцев, готовых защищать дом Монтекки. Ему удалось также после долгих препирательств добиться согласия префекта выделить отряд роботов для охраны священного права собственности. Против последнего аргумента префект не устоял. Однако он наотрез отказался вмешаться в стычку лично: какой курс возьмет

новый правитель, пока неясно, а префект дорожил своей должностью.

Сторти отозвал Дезара в сторонку. Ром, бывший по близости, стал свидетелем их разговора.

— Кто эти люди, Дезар?

— Разумеется, универы.

— Гм... Вы считаете возможным принять их услуги?

— Поражаюсь вам, Сторти, — сказал фил с раздражением. — Мне казалось, что вы — человек широких взглядов. А вы, оказывается, напичканы предрассудками, как все прочие.

— Я не фанатик, — возразил Сторти, — но и не сторонник универия.

— Так с кем же вы все-таки? Сейчас такое время, что между двумя стульями не усидеть.

— Считаю оскорбительным ваш вопрос, — обиделся наставник.

Впервые Ром видел, что его покинуло чувство юмора.

— Поймите наконец, что универы такие же люди, как мы с вами, и даже лучше в каком-то смысле. Конечно, у них есть свои благоглупости, зато они не прячутся в кусты, когда надо отстаивать свои убеждения. И потом, рассудите сами, что получается: они пришли к нам на помощь, готовые, если понадобится, пожертвовать жизнью, а мы им покажем от ворот поворот?

— В этом отношении вы правы.

— Я прав во всех отношениях, и если мы с вами уйдем, постараюсь доказать вам это.

Сторти сухо кивнул, и они разошлись.

Заинтригованный Ром подошел к одному из добровольцев, веселому парню своего возраста.

— Ты универ? — спросил он напрямик.

— Да.

— Давно?

— С детства. Так воспитали меня родители.

— Ну и чем вы занимаетесь?

— Всем. Вот ты, например, агр, и приучен только к земледелию. А я знаю математику, и химию, и другие науки. Агрономию, кстати, тоже.

— Знаешь по верхам.

— Может быть. Во всяком случае, это лучше, чем вовсе ничего не знать. Представь, если б тебе были известны основы химии. Разве это не помогло бы с большим толком применять те же удобрения?

— Ты прав.

Сзади к Рому подошла Ула и, вытянув голову над его плечом, спросила:

— Скажи, почему ты пришел к нам на выручку, тебе не страшно умереть за нас?

— Я не собираюсь умирать. А ваша беда — не только ваша, она и меня касается. Послушай, ведь и вы придете мне на помощь, когда понадобится. Так?

— Так, — сказал Ром.

— Можно я тебя поцелую, Жак?

Парень зарделся.

— Если он не возражает.

Ула чмокнула его в щеку. Ром впервые почувствовал укол ревности.

Между тем в стане кланистов царило возбуждение: прибыл Голем. В парадном мундире начальника преторианской гвардии выглядел он весьма импозантно. Не теряя времени, великан провел короткое совещание с местными боссами чейзаристов, велел им построить свои отряды и обратился к ним с речью. Он передал им привет от Первого консула, сказал, что тот ожидает от них рвення и послушания, и что им предстоит первыми на Гермесе приступить к санации гермеситского общества. Услышав это словечко от шефа, Голем из самодлюбия не признался, что оно ему неизвестно, однако теперь охотно козырял им. На вопрос одного из слушателей, что означает «санация», он ответил, что сейчас нужно не любознательность, а дисциплина и беспрекословное выполнение указаний.

Вспомнив наставления шефа, начальник гвардии дал инструкцию: действовать решительно, но без «того рукоприкладства». И пояснил, что старик (так фамильярно он именовал Первого консула, подчеркивая особую с ним близость) не желает, чтобы на нем остались пятна. Поскольку Голем не поставил запятой, — то ли от недостатка грамоты, то ли от избытка хитрости, — некоторые чейзаристы остались в недоумении: можно ли вообще «прикладывать руки» или, в принципе, это допустимо, но без «того», то есть крайностей. Впрочем, приказа не стрелять отдано не было.

Закончив приготовления, Голем решил предъявить осажденным ультиматум. Вначале он собирался изложить его содержание лично, но потом передумал, рассудив, что, вступая в прямые переговоры с преступной бандой, уронит свое достоинство. Кроме того, он просто побоялся связываться с искусными брехунами-универсами, которые могли осрамить его в глазах соратников. Общение с Чейзом и пребывание в столице не прошли для Голема даром, он вырастал в политического деятеля.

Сочинив ультиматум, Голем поискал глазами, с кем его отправить. Взгляд его упал на болтавшегося возле начальства ректора.

— Ты кто? — спросил он.

— Я ректор Веронского университета, — представился тот, нервно взлохмачивая голову.

— Отнесешь бумагу бандитам. Причешься только, ходишь растрепанный, как баба.

— Извините, синьор, — растерялся ректор, — я курчав от природы.

— А ты их бриллиантином, — посоветовал командующий. — Пиджачишко застегни, вид у тебя больно расхлябанный.

Он вздохнул, давая понять, что следовало бы подыскать более достойного парламентаря, да некогда, подтолкнул ректора в спину. Маститый наставник верон-

ского юношества еле устоял на ногах, безропотно принял всученную ему палку с белой тряпкой на конце и, спотыкаясь, двинулся выполнять задание. Унижения он не ощущал, один только отчаянный животный страх.

Когда ректор доплелся до осажденных, у него был столь жалкий вид, что его не стали расспрашивать, а усадили, дали таблетку валидола и напоили горячим кофе. Чуть придя в себя, он трясущейся рукой молча протянул Дезару ультиматум.

Дезар засмеялся.

— В чем дело? — нетерпеливо спросил Ферфакс.

— В пяти фразах девять грамматических ошибок. Этот выдающийся документ заслуживает огласки. Слушайте: «Здавайтесь и будете просчены. Ублютков вернем в кланы. Сторти пасадим. Остальных сонирuem. Начальник притореанской гвардии». А ведь это ваш студент, профессор.

— Он мастер по мотокеглям, освобождался от занятий, — оправдался ректор.

— Итак, Рома и Улу разлучат, Сторти отправится в тюрьму, а всех нас «сонируют», то есть «пасадят».

— Он говорит лучше, чем пишет, — заметил невпопад ректор.

— Посоветуйте начальнику гвардии ограничиться речами. В конце концов, в грамотеях для услуг у него не будет недостатка. Мог бы и вас попросить.

— Хотите меня оскорбить?

— Чего уж вас добивать! Вы, надеюсь, сами уразумели, кому подались в холуи.

— Я признаю, что Голем... э... несколько крут. Но его поправят, не сомневаюсь. — Он опасливо оглянулся. — Чейз интеллигентный человек, у нас с ним вполне корректные отношения, думаю, он не откажет просьбе своего бывшего шефа смягчить вашу участь.

— Мы не нуждаемся в вашем заступничестве, синьор, — сказал Ром.

— Ром прав. Приберегите связи с Первым консулом для себя, они могут вам пригодиться.

— Что мне сказать Голему?

— Чтобы он катился к чертовой матери! — заявил Метью.

— Примерно так, но в других выражениях. — Дезар попыхтел трубкой. — Скажите, что его действия незаконны и мы направляем депешу Первому консулу с требованием принять немедленные меры к прекращению насилия над честными гражданами.

Ферфакс одобрительно кивнул.

— Не удивляйтесь, — продолжал фил, видя, что молодые люди смотрят на него с недоумением, — нам надо показать всем, что мы не преступники, а жертвы беззакония.

— Голема ответ не удовлетворит, — заметил ректор.

— Это уже не ваша забота.

— Подумайте, синьор, не имею чести знать вас по имени. Вы берете на себя большую ответственность. Может пролиться кровь.

— Что мне сказать вам, ректор... Мы с вами говорим на разных языках. И не потому, что вы биолог, а я философ, а потому, что вы принадлежите к породе трусов. Именно на таких вина за все безобразия, которые творятся сегодня на Гермесе.

— Я считаю ниже своей чести отвечать на подобные выпады, — заявил ректор, напыжившись. Как все самоуверенные люди, он быстренько выкинул из памяти неприятный эпизод с Големом и полностью восстановил свой апломб. — Мое поведение продиктовано не мыслью о собственном благе, а заботой о нравственном здоровье нашего общества. История нас рассудит. Благодарю за кофе, синьора Монтекки. — Он встал и пошел к выходу, но у порога остановился. — А вы, профессор Капулетти... Я всегда считал вас разумным человеком, убежденным сторонником профессионального кланизма.

Неужели вы допустите, чтобы вашим знатным именем козыряли универы?

— Смотрю я на вас, ректор, и думаю: ничему вы не научились. Я тоже был трусом, точнее, равнодушным, но, как видите, исправился.

— Безумцы, — пробормотал ректор и отправился докладывать о результатах своей миссии.

Он нашел Голема пререкающимся со старшим полицейским. На требование убраться в казарму робот ответил, что подчиняется только префекту. Голем разозлился, припомнил урон, понесенный им от наглого механизма в Мантуе, и хотел было отыгаться на сержанте, чтобы отплатить всему этому поганому племени, но вовремя вспомнил, что теперь он официальное лицо, и роботы до некоторой степени союзники чейзаристов. Пришлось связаться по телефону с префектом, который не заставил себя уговаривать, распорядился снять охрану у дома Монтекки и попросил только подтвердить требование начальника гвардии письменным распоряжением. Голем охотно послал ему таковое — подобная канцелярщина поднимала его в собственных глазах.

Выслушав парламентаря, Голем усмехнулся.

— Пусть жалуются. Вот они дождутся ответа! — Он ткнул в лицо ректору огромный кукиш. — Зови ко мне центурионов.

Принципиальный защитник профессионального кланизма, начинавший привыкать к шалостям своего бывшего студента, помчался выполнять ответственное поручение. Голем не стал передавать командному составу точного ответа на ультиматум, а сказал, что на милостивое предложение о сдаче мерзавцы универы ответили с невероятной наглостью, оскорбив лично Первого консула. «Что будем делать?» — спросил он, соблюдая демократическую процедуру. Решение было единодушным: штурмовать!

Под звук трубы чейзаристы двинулись в атаку. Голем был незаурядный кулачный боец, но бездарный полко-

водец. Ему не пришло в голову использовать уязвимое место обороны — сад, и он бросил все силы на дом. К тому же кланисты не успели приобрести воинских навыков. Едва только поступил приказ нападать, они превратились из стройной армии в разбойничью ватагу, не слушающую приказов своих доблестных декурионов и центурионов из числа бывших физов, истов, юров и так далее. Встретив сокрушительный водометный «огонь», нападающие откатились под хохот и победное улюлюканье защитников дома Монтекки.

Голем отчаянно разнес своих сподвижников, тут же сместил несколько командиров и назначил новых. С его стороны это был крайне опрометчивый шаг: раздосадованные столь несправедливым обращением с преданными сторонниками Чейза смещенные демонстративно покинули поле боя, уведя за собой еще несколько десятков человек. Голем объявил их предателями и велел взять каждого на учет: «Потом мы с ними поговорим». Он скептически оглядел оставшихся — их было не более полусотни. А чуть поодаль начала скапливаться довольно большая толпа горожан. Привлеченные разнесшимся по Вероне слухом о сражении у дома Монтекки, они пришли поглазеть. Люди стояли молча, трудно было понять, на чьей стороне их симпатии, однако само их присутствие нервировало начальника преторианской гвардии. Он подумал, что, может быть, есть смысл отложить операцию на завтра. Голем чутьем понимал, что универы никуда не сбегут: им столь же важно дать отпор, сколь чейзаристам одержать победу. Возможно, от исхода схватки как раз и зависит настроение молчаливой толпы — вот до чего додумался даже дубина Голем.

Но все дело повернулось иначе из-за появления Тибора. Младший Капулетти был бледен, небрит и лихорадочно возбужден. С того времени, как он, пытаясь овладеть Розалиндой, вовлекся в чейзаристскую авантюру, Тибор метался между желанием целиком примкнуть к

движению и отвращением, которое внушала ему вся эта публика с ее дешевыми демагогическими приемами. Вдобавок, самолюбие его было смертельно уязвлено тем, что Розалинда, с которой он играл как кошка с мышкой, вознеслась наверх, и теперь ей было в высшей степени на него наплевать. А Чейз предпочел своему соплеменнику мату набитого дурака агра; видимо, профессор не может простить представителям знатных семей, как они его третировали. Словом, Тибор потерпел фиаско по всем статьям и вот уже третий день предавался запоям.

Его вывела из полупьяного состояния Клеллия, сообщив, что Капулетти-старший, по слухам, пробрался в дом Монтекки и присоединился к банде универов.

Тибор хотел ворваться в дом, но по сигналу Голема его остановили двое чейзаристов. Тщетно вырываясь у них из рук, он закричал:

— Отец, слышишь, отец, это я, Тибор!

Капулетти вышел на балкон, а вместе с ним на истерический крик поспешили другие.

— И ты, Ула, заклинаю вас, уйдите из этого логова, не губите и себя и меня!

— Нет, Тибор, здесь мой муж, — сказала Ула.

— Нет, сын, — сказал Капулетти, сердце которого разрывалось от жалости. — Я останусь с Улой. Это ты иди к нам.

Тибор увидел Рома, и ему показалось, что тот улыбается. Это окончательно лишило молодого Капулетти рассудка. Проклятый агр отнял у меня все: сестру, мать, положение, а теперь и отца. Не осталось ничего, кроме жгучей ненависти и желания отомстить.

Голем, подошедший к Тибору вплотную, все тем же звериным чутьем понял, что творится у него на душе. Он подмигнул чейзаристам, давая знак отпустить Тибора, и молча вложил ему в руку пистолет.

Тибор поднял оружие.

На балконе произошло движение.

— Что ты делаешь, безумец! — крикнул Капулетти. Ула вскрикнула.

Метью шагнул вперед, намереваясь как-то успокоить ее брата.

Прогремел выстрел, и Мет упал на руки товарищей.

В ту же секунду Ром выхватил двустволку из рук Ферфакса и прицелился.

Раздался ответный выстрел. Тибор охнул и начал оседать. Чейзаристы подхватили его под руки.

Послышалось несколько истеричных женских воплей, а потом над местом схватки воцарилась гнетущая тишина.

9

Огромное пространство собора Святого Разума было заполнено до предела. Тысячи людей пришли на похороны двух молодых людей, ставших жертвами трагических событий у дома Монтеки.

В соборе Разума поочередно вели службу священники девяти гермеситских церквей. На сей раз траурной церемонией руководил патер Долини, представлявший бога Колоса. Открыв панихиду, он предоставил слово ректору Веронского университета. Речь его была короткой. Он говорил о том, что Тибор и Метью были гордостью своих факультетов и, несомненно, прославили бы alma mater блестящими открытиями в математике и агрономии. Об их прекрасных нравственных качествах. О том, что их бессмысленная гибель отозвалась болью в сердцах товарищей и всех веронцев, лично знавших этих юношей. Что из такого сурового урока важно извлечь должное поучение: всякое посягательство на священный для гермеситов принцип профессионального кланизма с неизбежностью ведет к вспышкам насилия и кровопролитию. Отсюда долг честных граждан поддержать усилия Первого консула, единственная забота коего вернуть Гермесу мир и порядок. Мы можем гордиться тем,

что спасти планету от гражданской войны, хаоса и разорения доверено выдающемуся сыну Вероны, нашему земляку профессору Бенито Чейзу.

Затем оратор зачитал послание Первого консула, в котором выражалось искреннее соболезнование семьям погибших. Возлагая вину за случившееся на секту универов, вождь обещал сурово покарать преступников и призывал граждан города расправиться со смутьянами, поднимающими население против властей.

Поскольку в соборе аплодировать не принято, невозможно было судить, как отнеслись собравшиеся к этому важному сообщению.

Затем с амвона выступил профессор Вальдес.

— Метью был моим любимым учеником. Он отличался глубокой преданностью своей профессии, любил землю и понимал ее. Добрый, веселый, неунывающий Мет пользовался большим уважением среди своих товарищей и преподавателей. И его, и наша беда, что мы не сумели уберечь славного юношу от пагубного влияния людей, которые хотят, чтобы агры перестали быть аграриями, а маты матами. Глубокой специализации, которой мы обязаны всеми своими достижениями, они противопоставляют всезнайство, то есть бесплодное дилетантство. Не думаю, что универы сознательные враги общества, скорее это просто заблуждающиеся фанатики. Но, как бы то ни было, их еретические воззрения опасны. Посягая на профессионализм, они фактически подрывают основу существования человека, пытаются перечеркнуть то, что составляет смысл нашей жизни. Пусть безвременная кончина Метью и Тибора станет для всех нас горьким уроком.

Затем поднялся Пер. Он говорил о замечательных качествах своего друга — скромности, отзывчивости, великодушии, о трогательной любви Тибора к своим родителям и неблагодарной сестре, ставшей причиной его гибели. Мягкий и доброжелательный в отношениях с товарищами, Капулетти-младший был тверд, как кре-

мень, когда речь заходила о защите своих убеждений, этого и не могли простить ему враги. Пер обещал быть верным памяти Тибора и с такой же отвагой защищать профессиональный кланизм. Сходя с амвона, он не сдержал слез.

Патер Долини попросил взять слово профессора Дезара из клана филов.

Дезар вздрогнул. С того момента, как началась гражданская панихида, он думал над тем, что может и должен сказать этим людям. Перед глазами неотступно стояла финальная сцена осады дома Монтекки.

Когда толпа зрителей, выведенная гибелью Метью и Тибора из нейтрального состояния, пришла в движение, никто не знал, против кого будет направлен ее гнев. А он, Дезар, каким-то сверхъестественным умственным усилием угадал: против тех и других, ибо для наблюдателя обе стороны были виновны одинаково. И прежде всего, конечно, стихийное чувство справедливости требовало возмездия убийцам. Один из них, Тибор, уже поплатился жизнью, значит, оставалось покарать другого. Надо было действовать, не теряя ни секунды. Дезар схватил за руку растерянного, без кровинки в лице Рома и потащил его вниз, крикнув Сторти и Ферфаксу, проводившим в чувство Улу, чтобы они следовали за ним. Во дворе он буквально втолкнул молодых людей на заднее сиденье своего водомобиля, усадил Сторти за руль и велел спасаться. Сторти начал протестовать, но когда Дезар шепнул ему на ухо: «Они растерзают Рома!», глаза у наставника расширились, он выжал сцепление, дал газ и повел машину напрямиком через сад, оставляя за собой раздавленные и помятые кусты и цветы. Легко обрушив декоративный пластиковый забор, водомобиль вырвался на пустынную улицу позади дома и помчался по направлению к Свинцовым горам.

Вся эта молниеносная операция удалась благодаря тому, что чейзаристам было не до осажденных. Разъ-

ярная толпа разделилась на две части: несколько человек кинулись в дом с намерением растерзать убийцу, а большинство обрушилось на Голема и его сподвижников. Полагая, что «третья сила» распределит свою антипатию поровну, Дезар ошибался. Свидетели драмы инстинктивно или сознательно возложили главную вину на нападавшую сторону. Началось избивание кланистов, которые моментально бросились врассыпную. Голем с кучкой стойких активистов отбивался, как мог. Он грозил взбунтовавшимся веронцам страшными карами, кричал, что за оскорбление начальника гвардии Первый консул велит разрушить город дотла, но в шуме всеобщей потасовки никто его не слышал. Орудяя своими огромными кулаками, Голем изувечил с десятков человек, однако и ему крепко досталось: метко брошенный камень сильно рассек лоб, ударом палки сломана рука. Спасая свою жизнь, посланец Чейза обратился в бегство.

Впрочем, защитникам дома пришлось не слаще. Ворвавшиеся в него мстители, не найдя убийцы Тибора, отыгрались на всех остальных. Правда, у них не было большого численного перевеса, поэтому драка шла на равных. Она начала уже выдыхаться, когда вдруг в доме вспыхнул пожар. Было то случайностью или делом злоумышленника — осталось невыясненным. Все мигом повалили на улицу, а некоторые драчуны из «молчаливых веронцев», как их назвал про себя Дезар, помогли вынести больного Монтекки и спасти, что можно, из домашнего скарба. Казалось, все были вне опасности, но обрушилась кровля, и из-под горящих обломков донесся сдавленный предсмертный хрип. Люди похолодели от ужаса. Бен рванулся вперед. Ферфакс схватил его за плечи: «Робот».

Опустошенные и пристыженные, смотрели гермеситы на горячее пепелище. Стихия огня погасила стихию человеческой ненависти. Тихо плакала Анна, олдермен Монтекки, сам едва живой, пытался успокоить жену, по-

глаживая ей руку. Несколько горожан вызвались приютить погорельцев, но Дезар рассудил, что им лучше уехать, и попросил Ферфакса отвезти супругов в коттедж в Свинцовых горах.

Безучастные ко всему, они покорно согласились.

Уже вечерело, на смену дню Разума шла ночь этого великого гермеситского божества. И если вокруг сгоревшего дома Монтекки стало спокойно, то весь остальной город буйствовал. Там и здесь на улицах разражались кровавые стычки, причем невозможно было понять, кто с кем схватился: агры с матами, физы с химами или чейзаристы с универами. Возникли пожары, начались грабежи магазинов. Машины «Скорой помощи» не успевали доставлять раненых. Полицейские-роботы отказались повиноваться приказу и заперлись в казарме. Верону охватило тотальное безумие, и она оставалась во власти бесов в течение всей памятной ночи Разума.

А к утру город затих, сник, опомнился и ужаснулся тому, что он сам с собой сделал, и тому, что сделают с ним в отместку за вспышку истерии. Вспомнили страшные угрозы Голема и содрогнулись. Ведь начальника преторианской гвардии, жестоко избитого, охрана едва сумела вырвать из рук бесчинствующих хулиганов и отправить на самолете в Рим. Слышали? Говорят, Первый консул приказал скрыть Верону, а жителей поголовно отправить на каторгу. Кто вам наплел такую чушь, сосед! Не поголовно, а каждого девятого. Как вы считаете, будут при этом учитывать заслуги, ведь нельзя же стричь всех под одну гребенку? Не уверен, синьор, не уверен, может быть, те, кто имел счастье знать профессора, лично могут рассчитывать на снисхождение.

Пока главная улица и парковый район богатых особняков, охваченные паникой, готовились вымаливать у Чейза прощение, окраины веселились. Шутка ли, в городе никакой власти — ни центральной, ни местной, он наш со всеми потрохами. Конечно, это ненадолго,

не сегодня-завтра они придут, и тогда держись, будет баня, особенно нашему брату, голытьбе, у которой ни заслуг, ни заступников. Но пока погуляем, хоть день, да наш. Необязательно буянить, как прошедшей ночью, прошвырнемся по центру, зайдем в «Ячменную», а там на мотокегли, если стадион еще цел.

А между главной улицей и окраинами лежала та самая молчаливая средняя Верона, которая, поднявшись поутру с недоумением и головной болью, задумалась: что, собственно говоря, случилось у дома Монтекки? Кто виноват: универы, чейзаристы, полиция, погода, ячменка, кланизм, общественная система или Ром с Улой? Точно ли убитых только двое, очевидец мне рассказывал, там была гора трупов. Слышали, Ула, мстя за брата, задушила своего муженька. Говорят, теперь вообще начнется вековая вендетта: родители Метью будут мстить Капулетти, Капулетти — Монтекки, Монтекки — тем, кто сжег их дом, и кто знает, на ком эта цепочка оборвется. В соборе Разума сегодня панихида, надо пойти послушать, что скажут.

Кто виноват, думал Дезар. Не я ли? Ведь Ферфакс советовал заблаговременно уехать, да и чейзаристы, похоже, давали с утра такую возможность, даже как будто рассчитывали, что мы сбежим и им можно будет отпраздновать победу без драки. Так сказать, мирный путь, выгодный во всех отношениях. Своим сторонникам скажут: видите, стоило нам появиться, как враги струсили и смылись. Сомневающимся скажут: видите, сами бегут, на ворах шапки горят. Своим противникам скажут: вам позволили унести ноги — оцените наше великодушие и сидите тихо, не то мы их вам переломаем.

Нет, он не имел права поступить иначе.

Вывод логически обоснован, однако вот перед глазами два гроба на постаменте, а в них Метью и Тибор, которые могли бы двигаться, говорить, дышать, не прими Дезар совершенно правильного решения оказать со-

противление чейзаристам. И как ему довести свою железную логику до сознания убитых горем родителей, как объяснить всем этим людям, впитавшим кланизм с материнским молоком, что можно жить и без него, притом несравненно лучше.

Поднявшись на церковную кафедру, Дезар сказал: — Я почти не знал Метью и Тибора и потому не стану говорить об их достоинствах. Верю, что это были, каждый по-своему, прекрасные молодые люди. Смерть всегда потрясает. Тем более когда она приходит безвременно. И особенно когда она случайна.

Тибор и Метью погибли не случайно. То, что произошло у дома Монтекки в день Разума, вызревало веками. Это могло произойти десятилетием раньше или позже. Не в Вероне, а в Мантуе, не в Мантуе, а в Падуе. Судьба могла избрать другие жертвы. Но избежать их было невозможно.

Почему? Потому что между гермеситами пролегла глубокая пропасть. Разойдясь по кланам, они утратили общий язык, из людей вообще превратились в агрономов и математиков, биологов и юристов. Когда мы знакомимся с кем-то, нас интересуют прежде всего его специальность, вклад в науку или заслуги перед производством, а потом уже человеческие качества.

Вы недоумеваете: разве можно обойтись без специализации? Конечно, нет. Но одно дело разумный профессионализм и другое — тотальный. Человек не должен становиться придатком своей профессии. Профессия должна быть придатком человека.

Кланизм и есть профессионализм, доведенный до абсурда. Это не высшее благо, как привыкли верить, а крайнее зло. Гермеситы считают, что благодаря ему наше общество постоянно прогрессирует. На самом деле оно неуклонно движется к упадку.

Лучший способ убедиться в этом — сравнить Гермес с другими мирами. Нас долгое время намеренно изолировали от них, чтобы не с чем было сравнивать. Теперь

на нашей планете побывал землянин. Мне довелось с ним встретиться. Из его рассказа я узнал, как далеко ушла от нас вперед наша прародина. В науке и технике, в образе жизни людей, в литературе, живописи, музыке, о которых большинство из нас вообще не имеют представления.

Главная причина такого прогресса в том, что утвердившееся на Земле социалистическое общество сделало ставку на всестороннее развитие личности. Человек по природе своей существо универсальное, и земляне устроили свою жизнь в соответствии с природой, а не вопреки ей. Они долго и трудно шли к равенству, но в конце концов сумели устранить классовые перегородки, не поставив на их место новых — профессиональных. От языков разных народов они переходят к одному — земному. Все это позволило им преодолеть проклятие рода человеческого — отчуждение между людьми.

— Вы универ! — выкрикнул Вальдес.

— Нет, профессор, я не универ. Я атеист. Нельзя верить в разум, ибо он выше всякой веры. Критический разум, конечно, который ничто не принимает на веру. Откройте глаза, отрешитесь от догм предрассудков, и вы увидите, что наша цивилизация зашла в тупик.

Завтра или послезавтра фанатики-чейзаристы придут сюда, чтобы вновь вернуть все в привычную колею. Возможно, им удастся на несколько лет оттянуть крах клановой системы. Но она обречена. И чем скорее вы это поймете, тем скорее начнется возрождение нашей родины.

Мы не должны рассчитывать на помощь со стороны. Только сами гермеситы способны выкинуть на свалку негодный общественный порядок и построить новый на разумных и справедливых началах. Такой порядок, при котором никому не пришлось бы в голову объявить преступной любовь Рома Монтекки и Улы Капулетти.

Думайте, сограждане, думайте!

На протяжении всей речи Дезара в соборе стояла мертвая тишина. Сойдя с амвона, он направился к находящейся в нескольких шагах двери, которая вела в комнату настоятеля. Оттуда был прямой выход на боковую улицу, где в водомобиле ждал Бен. Все было предусмотрено на случай попытки фанатиков-кланнистов расправиться с философом прямо в церкви. Но если такие здесь были, они не отважились нарушить траурную церемонию.

Дезар уже отворил дверь, когда тишину разорвали отдельные выкрики, слившиеся в общий нарастающий гул. Казалось, все захотели выговориться сразу. О чем? Дошли ли до ума и сердца этих людей его слова? Сейчас он уедет в катакомбы, где уже находятся его единомышленники, чтобы поднять знамя сопротивления чейзаристам. И ему необычайно важно знать, можно ли собрать вокруг этого знамени широкие массы гермеситов или его воителям суждено остаться узкой, изолированной от народа кучкой героев.

Дезар напряженно вслушивался... и не понимал ничего. Ап был гениальным изобретением, способным, как он убедился, переводить даже стихи. Однако его избирательность была поневоле ограничена, он не мог перелagать одновременно тысячи голосов, а решить, какой из них важнее, «не имел права». Дезар отключил бесполезный прибор, рассчитывая уловить реакцию хотя бы веронских филов. Кроме того, ему было знакомо немало специальных терминов из других профессиональных языков.

Под сводами собора звучали алгебраические формулы и порядковые номера химических элементов, детали машин и категории логики. Эти понятия разноязычной гермеситской речи выражали боль, возмущение, негодование.

Но с каким знаком? Увы, придется подождать с ответом на этот вопрос.

Задерживаться дольше было опасно. С чувством досады и сожаления Дезар закрыл за собой дверь и через ризничью прошел к водомобилю.

...На следующий день консулы издали эдикт, объявляющий Рома Монтекки и Улу Капулетти вне закона и запрещающий межклановые браки под страхом смерти.

10

— Ты меня еще любишь, Ром?

— Да. Когда ты со мной, мне покойно и радостно, на душе у меня светло. Когда тебя нет, я впадаю в уныние или мечусь от одиночества, как зверь в клетке.

Ты не поверишь, Ула, но сейчас мое чувство к тебе сильнее, чем когда-нибудь в прошлом. Восемь лет лишений и опасной борьбы, прожитые плечом к плечу, приучили меня видеть в тебе не только желанную женщину, но и преданного товарища. Ты единственный человек, который мне никогда не изменит. Правда?

— Скажи, Ула, ты простила мне убийство брата?

— Это не было убийством. Ты мстил за Метью.

— Значит, простила?

— Я не могу прощать тебя, Ром, потому что никогда не винула.

— Ни за что не догадаешься, кого я сегодня встретила.

— Кого же?

— Пера.

— Вот как. Случайно?

— Станный вопрос.

— Почему же. Ведь он был к тебе равнодушен. Мог разыскать. Смотри, чтобы кофе не убежал.

- Вижу, тебя это не очень волнует.
 - Признаться, нет.
 - Не ревнуешь?
 - Разве ты когда-нибудь давала основания для ревности?
 - Какая самоуверенность!
 - При чем тут самоуверенность? Я уверен не в себе, а в тебе.
 - Может быть, просто равнодушен.
 - Не говори так, Ула. Что же сказал тебе твой ухажер? Чем он занимается?
 - Мне не нравится словечко «ухажер». Пер перебрался в Турин, устроился в вычислительном центре.
 - По-прежнему тошнотворно красив?
 - Больше, чем прежде. Знаешь, как облагораживает седина на висках.
 - Увы, у меня пока никаких признаков дряхления.
 - И о чем вы с ним беседовали?
 - Так, вспоминали юность.
 - Будь добра, передай печенье.
-

— Ула, родная, я не видел тебя целую неделю. Черт знает что, мы встречаемся только по ночам.

— Это ужасно, Ром, но что я могу поделать, ты ведь знаешь, какой у нас взят бешеный темп. От задачи, которая решается в нашем коллективе, зависит своевременный пуск многих важных индустриальных объектов. Отец буквально не дает нам покоя, да и сам Дезар интересуется нашими успехами.

— Ты стала до невозможности деловой женщиной.

— Гордись, что у тебя такая жена. Как раз сегодня мне предложили возглавить лабораторию.

— И ты дала согласие?

— Посуди, как я могла отказаться, если мне оказывают доверие. Сам бы ты как поступил?

— Не знаю.

— Оставь, был ли случай, чтобы ты уклонялся от ответственности!

— Значит, я буду теперь видеть тебя еще реже?

— Научись сам заваривать себе чай, только и всего. Ах, Ром, я-то думала, что ты за меня порадуешься. Нельзя быть таким эгоистом.

— Где ты был, Ром, я уже начала беспокоиться.

— Задержался в управе. Обсуждали мой проект озеленения Вероны. Не представляешь, какой спор разгорелся! Кто бы, ты думала, был моим главным оппонентом? Гель.

— Чему ты удивляешься. Он всегда тебе завидовал. А с тех пор, как вернулся ни с чем из своих странствий, и того больше. Не может тебе простить, что был вынужден прибегнуть к твоей протекции.

— Глупости, он и сам отлично устроился бы. Гель неплохой специалист.

— Вот именно, неплохой, а ты помог ему стать олдерменом.

— Он вполне того заслуживает.

— Ром, Ром, за что я люблю тебя, так за великодушие.

— Только за это?

— И за все остальное. Ужин на столе. А кто-то жаловался, что я мало бываю дома.

— Вообрази, Ром, мне удалось наконец решить эту проклятую задачу. Какое счастье! До сих пор не могу поверить.

— Здравствуй, Ула.

— Извини, я так спешила с тобой поделиться. Ужасно устала. Ты не дашь мне чашечку кофе?

— Черного?

— Загвоздка была в формуле: икс равняется двум игракам. Вот уж, казалось бы, пустяк, а пришлось поломать голову. Наши асы и те спасовали. Я им утерла нос.

— Ты ведь недаром из семейства Капулетти. Гены.

— Гены? Не помню. Кажется, ты что-то мне толковал о них.

— А ты пропустила мимо ушей.

— Ладно, не обижайся, в другой раз запомню. Так вот, значение икса оказывается совсем другим при неопределенной функции играка. Если возвести его в куб, а затем извлечь корень...

— Ула!

— Что, милый, передать тебе печенье?

— Ула, ты забыла, что я не знаю теории вероятностей.

— При чем тут теория вероятностей? Это совсем из другого раздела математики. Сам виноват, почему ты бросил ею заниматься?

— Потому что у меня хватает своих забот. Ты извлекаешь корни из чисел, а я должен извлекать из корней плоды.

— Не каламбурь.

— А ты не расстраивайся. Я уразумел, что ты сделала нечто стоящее. И радуюсь за тебя.

— Обними меня, Ром.

— Ула, мне надо с тобой серьезно поговорить.

— Что-нибудь случилось? Неприятность в управе? Опять, должно быть, козни твоего братца.

— Оставь его в покое. Понимаешь, Сенат решил начать освоение южных уступов Серебряного хребта. Грандиозный замысел! Сотни миль террас, на которых можно будет возделывать тропические культуры, твой любимый кофе в том числе.

— Прекрасно!

— Ты не дослушала. Мне предложили возглавить все предприятия.

— Лучшей кандидатуры они не нашли бы.

— Гора с плеч! Честно говоря, я не знал, как ты к этому отнесешься, захочешь ли оставить Верону.

— То есть как, ты должен будешь уехать?

— Ула, ты, кажется, не поняла, о чем речь. Не могу же я ездить на работу за тысячу миль. Нам придется поселиться там, в горах, причем места совсем необжитые. Но ты ведь у меня не неженка.

— Прости, Ром, я действительно не сообразила. Как же ты все это себе представляешь? Чем мне придется там заниматься?

— Там для всех найдется дело.

— Рыться в земле?

— На первых порах, разумеется, в специалистах твоего профиля нужды не будет. А со временем, может быть, даже создадим собственный вычислительный центр.

— К тому времени я забуду таблицу умножения. Нет, Ром, ты не можешь так со мной поступить.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Прости, но я не могу туда поехать.

— Опомнись, Ула!

— Да, да, не могу. Я просто зачеркнула бы себя как личность. Тебе не совестно, Ром, хоронить меня заживо! Откажись, умоляю, откажись! Они найдут другого достойного специалиста. Да вот, посоветуй назначить Гелю. Ты же сам говорил, что он умница.

— А я?

— Я люблю тебя, Ром, и не сомневаюсь, что у тебя будет еще много шансов применить свои таланты. Разве ты способен быть счастливым, зная, что я несчастна? Или мы не одно целое?

— Ула, такая возможность выпадает человеку раз в жизни.

- Решай, Ром.
 - Что мне делать, что мне делать!
 - Ладно, дорогой, не мучайся, я поеду с тобой.
 - Нет, Ула, я не могу принять от тебя такой жертвы. Из этого ничего хорошего не получится.
 - Подумай, если ты веришь, что настал твой звездный час, и упустишь его, то уже никогда мне не простишь.
 - А ты не простишь мне добровольного заточения.
 - Заколдованный круг!
 - Забудем об этом разговоре. Считай, что ничего не было.
-

— Представляешь, Ром, у нашего Тибора явные способности к математике!

— Он еще слишком мал, не пичкай ему голову своими премудростями.

— Сам ты, однако, приучаешь Тибора возиться в саду. Хочешь сделать из него агронома?

— Ему решать, кем быть. Я хочу лишь, чтобы он полюбил природу. Рассказываю о деревьях, птицах, утренней росе....

— Ничего не имею против, но и ты не мешай приучать его к точному математическому мышлению.

— Ты права, Ула. Наш сын должен вырасти разносторонним человеком. Ведь ему придется жить в мире, где у людей будет один язык и им не придется общаться, как нам с тобой, с помощью апа.

— Ты, я вижу, принимала гостей?

— Сторти вернули из Рима, мы просидели с ним весь вечер, тебя поджидали.

— Как старик себя чувствует?

— Купается в лучах славы. Его пригласили выступить с лекциями в столичном Университете, под занавес

принял сам Первый консул. Не было отбоя от репортеров, а нашего наставника хлебом не корми, дай поупражняться в красноречии. Завтра сможешь прочитать в газетах очередное красочное описание нашей истории, главным героем которой выглядит сам Сторти.

— Причем в каждой очередной версии появляются новые фантастические подробности. Сколько раз я со-
вестили его — все без толку.

— Тебе привет от отца. Сторти говорил, что они там
носятся с идеей уже в будущем году ввести в школах преподавание литературы, живописи и музыки.

— Где же возьмут учителей?

— Вероятно, среди универов. А может быть, выпи-
шут с Земли. Да, не сказала тебе самого главного. В Риме ходят слухи, что фанатики-кланисты готовятся
взять реванш: рассказывают, будто они создали закон-
спирированную лабораторию, где ведутся работы над
мощным генератором зета-лучей, выводящих из строя
наши апы. Подонки хотят лишить гермеситов возмож-
ности понимать друг друга.

— А куда смотрят власти?!

— Сторти заверяет, что это злокозненная болтов-
ня, попытка недобитых чейзаристов запугать людей.

— Ну, знаешь, нет дыма без огня. Великарию не ме-
шало бы принять меры предосторожности. Не стоит ли
мне съездить к Дезару?

— Если ты ему понадобишься, сам пригласит. Не
навязывайся.

— Доброе утро, Ром.

— Доброе утро, Ула.

— Какие у тебя планы на сегодня?

— Как спалось? Я видел странный сон.

— Погуляем в парке? Правда, в воскресенье там не
протолкнешься. Лучше съездить за город.

— Очень странный сон. Мы с тобой пробираемся по

лесной тропинке, а навстречу Голем с Розалиндой. Я приготовился защищаться, но Голем, улыбаясь, пожимает мне руку и говорит: «Не бойся, мы положим на лопатки этих паршивцев-матов, кегель они вышибать не умеют, и скорость у них не та». А Розалинда...

— Ты бредишь, Ром?

— Розалинда целует тебя в щеку...

— Ром!!

— Почему ты кричишь? Я рассказываю сон.

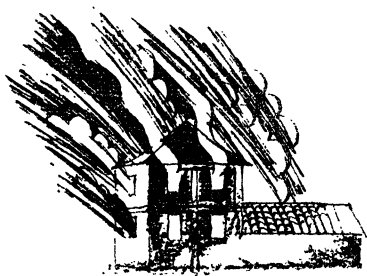
— Я тебя не понимаю!

— О, господи, они все-таки выключили наших апов!

А я совсем забыл твою математику. Помню всего лишь три слова: я тебя люблю.

— Ветка сирени, пчелиный рой, листья травы...

— $a^2 + 2av + v^2 = (a + v)^2$

ЭПИЛОГ

Космолет совершил посадку на том же месте, что и десять лет назад. Долгих десять лет Гермес молчал, а потом на Землю поступило короткое сообщение с пожеланием возобновить прерванные переговоры. Первый консул просил, если возможно, вновь направить в качестве чрезвычайного и полномочного посла знакомого гермеситам командора Тропинина, чтобы облегчить и ускорить соглашение о вступлении планеты в Великое кольцо.

Посланца Земли встретил неизвестный ему чиновник, державшийся почтительно, но сухо. Тропинин вспомнил симпатичного Уланфу, и у него не возникло желания вступать в беседу с этим человеком. Прямо из аэропорта его привезли в кабинет Первого консула и просили подождать. Тропинин подошел к окну, за которым расстилалась панорама столицы. Что произошло за прошедшие годы? Какие обстоятельства вынудили Чейза переменить политику? Живы ли мои гермеситские друзья?

Он оглянулся на звук открываемой двери. На пороге стоял Дезар. Они сердечно обнялись.

— Итак, дружище, вы теперь служите у высокого начальства?

— Нет, легат, вы имеете дело с самим Первым консулом.

Изумлению Тропинина не было границ.

— Рассказывайте, я сгораю от нетерпения.

И Дезар поведал, как он и его товарищи организовали сопротивление чейзаристам. Первые годы им пришлось трудно, потом движение получило широкую поддержку, и режим зашатался. Воспользовавшись падением авторитета Чейза, Голем совершил преторианский переворот, удавил профессора и провозгласил себя императором.

— А Розалинда?

— Она стала императрицей. Думаю, эта бестия и руководила заговором: при Чейзе она была, по существу, пешкой, приведя же к власти Голема, рассчитывала прибрать все к рукам. Но тут она

просчиталась. Дубина Голем стал править по своему усмотрению. Он протянул недолго, но это был настоящий кошмар, нечто вроде правления Калигулы или Нерона. Восстановив против себя буквально все кланы и социальные слои, новоявленный император ускорил нашу победу. В конце концов его растерзала собственная охрана. Вот уже два года, как я избран Первым консулом. Пришлось сохранить этот пост, чтобы обеспечить твердый порядок на период реформ. Мы отменили кланизм, ввели новую систему образования, начали понемногу развивать искусство. Совсем недавно Сенат принял новую конституцию. Конечно, сделаны только первые шаги, клановые предрассудки глубоко укоренились в сознании гермеситов, и понадобятся десятилетия, чтобы их выкорчевать. Да, вам приятно будет узнать, что мне энергично помогает Капулетти, избранный Великим математиком. Правда, он работает на износ, пытаясь хоть немного отвлечься от своего горя: ведь бедняга потерял обоих своих детей.

— Значит, Ула погибла?

— Улы и Рома больше нет. Это печальная история, и вам лучше расскажет о ней Сторти. Он по-прежнему наставник в своем Университете. Ведь вы посетите Верону?

— Если синьор Первый консул даст на то соизволение.

— Не шутите, легат. Честно говоря, я больше всего опасался, что вы заподозрите меня в намерении самому стать диктатором. К сожалению, история знает немало подобных примеров. Но за меня не бойтесь, я остался прежним.

— Не сомневаюсь, дорогой друг. Ведь вы настоящий философ.

— Я возлагаю большие надежды на вашу миссию, Анатолий. Связи с Землей и вступление в Великое кольцо нам нужны позарез. Они помогут ускорить преобразования, создадут для них благоприятную атмосферу. Мы планируем наладить экономическое сотрудничество, широкий туристский обмен и, разумеется, особенно рассчитываем на вашу помощь в возрождении духовной культуры. Здесь, увы, приходится начинать едва ли не с нуля.

— Вы можете быть уверены, Дезар, в безусловной поддержке всех этих планов.

— Отлично. А сейчас я предлагаю вам слетать в Верону. Завтра у меня трудный день, предстоит выступление в Сенате. Потом

уж нам ничто не мешает основательно поработать над соглашением.

...Сторти сердечно обнял Тропинина и даже прослезился. Толстяк постарел, но был по-прежнему подвижен и словоохотлив. Он не успокоился, пока не попотчевал гостя изысканными блюдами агрянской кухни собственного приготовления. После королевского ужина он предложил легату кофе, а перед собой поставил банку любимой своей ячменки.

— Вы хотите, конечно, знать судьбу Рома и Улы? Они утонули год назад.

Море в тот день было беспокойно, барометр предвещал шторм. Я уговаривал их поостеречься, но тщетно. То ли их толкала безрассудная отвага, желание бросить вызов стихии, то ли ребяческая самонадеянность — оба ведь превосходно плавали. Они лишь посмеялись над моими страхами и, взявшись за руки, вошли в воду.

Буря застигла их недалеко от берега, не поздно было вернуться. Однако им вздумалось покататься на волнах. И случилось худшее: их затянул водоворот. Ах, Ром, Ром, как он мог забыть, что в здешних местах морское дно состоит из зыбучих песков, образующих при волнении гибельные воронки!

— Безумная нелепость! — вырвалось у Тропинина.

— Нелепость... — повторил Сторти с непонятной интонацией, не то соглашаясь, не то возражая.

Тропинин пристально взглянул на него.

— Вы что-то недоговариваете, друг мой.

Сторти отвел глаза и вздохнул.

— Иногда мне в голову приходят странные мысли, — сказал он задумчиво. — Я ни с кем не делился ими, но к вам испытываю безграничное доверие. Не знаю, как это выразить... Короче, мне кажется, гибель Ромы и Улы не случайна. Словно какой-то рэк начертал им такой печальный конец. Я кажусь вам мистиком?

— Продолжайте, — отозвался Тропинин.

— Первые годы после вашего отъезда с Гермеса были заполнены для всех нас борьбой с чейзаристами. Приходилось скрываться, выполнять опасные поручения подпольного центра. Это была жизнь, полная лишений, требовавшая от каждого посвятить все свои физические и духовные силы общей высокой цели, Ром и Ула боль-

ше, чем кто-либо, видели в ней и свое личное дело — это их любовь стала искрой, от которой возгорелось пламя. Они были целиком поглощены романтикой революции, отдавались ей без остатка, со всем пылом юности, и это еще больше сблизило их, добавив к тяготению сердец узы товарищества.

Но вот кончилась гражданская война. Молодая пара вернулась в Верону. Она пошла работать программистом, он устроился, по стопам отца, в агроуправу. Оба углубились в свои профессиональные заботы. Эта резкая перемена жизненного ритма... все равно что пересест с экомобиля на смирную лошадку, — пояснил Сторти, — далась им нелегко. Привыкнув быть все время вместе, Ром и Ула никак не могли примириться с тем, что теперь им приходилось видеться урывками. Вдобавок они были буквально потрясены, когда чейзаристам удалось на несколько дней вывести из строя апы на всей планете.

— Каким образом?

— С помощью какого-то генератора зета-лучей. Я в этой материи ни черта не смыслю. К счастью, секретную лабораторию быстро нашли и обезвредили. Сейчас пробуют приспособить излучатель для космической связи. Как говорится, нет худа без добра.

— Любопытно.

— Да, теперь можно рассуждать об этом спокойно. А в тот момент всем нам пришлось плохо, ой как плохо! Началась паника, тысячи людей сходили с ума, кончали самоубийством. Ром и Ула попали в прострацию и, кажется, так и не смогли полностью оправиться от шока, жили со страхом, что этот кошмар может в любую минуту повториться.

— Постойте, Сторти, ведь Ром, насколько я знаю, прилежно изучал математику.

— Увы, бедняга так выматывался в своей управе, что ему было не до теории вероятностей. Не забывайте, Рома и Улу вырастили и успели воспитать законченными профессионалами по гермеситскому образцу. Они первыми, сами того не сознавая, бросили вызов кланизму, но полностью переделать себя им было уже не под силу. А разве не так со всеми нами? Возьмите меня. Я сильно переменился в итоге всей нашей кутерьмы: возненавидел клановую систему, которую раньше почитал за верх совершенства, свято уверовал

в то, что наш общий друг Дезар называет гармоничной универсальностью, дрался за нее, даже пролил однажды пол-литра своей драгоценной крови. Теперь вот почитаваю популярные книжки, где пишут о всякой всячине, а при всем том остаюсь в душе закоренелым агрономом, у которого, честно говоря, не лежит душа ни к математике, ни к любой другой премудрости. Признаюсь вам по секрету, обещайте только не проговориться нашему любезному Первому консулу, что эту самую его универсальность я принимаю мелкими порциями, как наказание за грехи. Зато стоит мне только покопаться в земле, и душа воспаряет к небесам.

Тропинин улыбнулся, вновь увидев перед собой прежнего Сторти.

— Это потому, что вы еще не вошли во вкус.

— И не войду, поздно мне уже, — убежденно возразил гермесит.

— Мы отвлеклись, — сказал Тропинин, вежливо возвращая его к рассказу.

— Остается мало что добавить. Я подолгу не видел молодых Монтекки, был занят не меньше их; предлагали мне всякие почетные посты, но я предпочел вернуться наставником в Университет. А когда, бывало, выкраивал время и забегал на минутку, то всякий раз чувствовал неладное. Появилась у них какая-то повышенная нервозность, что-ли, какое-то внутреннее напряжение. Пробовал поговорить и с Ромом, и с Улой по душам, но оба отнекивались, говорили, что все в полном порядке и что я становлюсь мнительным старичком, который переносит на других собственную меланхолию.

Однажды только Ром разоткровенничался. Мы с ним тогда сидели за ячменкой, перебирали свои зловключения, ругали Чейза, смеялись над Големом с Розалиндой, хвалили Дезара, добрым словом и вас, легат, помянули. Меня вдруг поразила одна его мысль: «Знаешь, мы кланизм опрокинули, а он все еще нас за ноги держит. Сколько же воды утечет, пока вырастет новое поколение гермеситов — свободных от узости и нетерпимости, глубоких и гармоничных, притом не самодовольных всезнаек, а вечных искателей истины, и чтобы мудрость их не подавляла чувства, не лишала способности любить, как мы с Улой».

Сторти замолчал, глядя куда-то в сторону. Тропинин долго не решался вывести его из состояния мрачной задумчивости.

— Итак? — спросил он наконец.

Сторти посмотрел на него отчужденно, словно пробуждаясь ото сна.

— Ах да, вы ждете продолжения... Но это все.

— Не понял. Уж не подозреваете ли вы, что Ром и Ула...

— Глупости! — сердито перебил наставник. — Я думаю лишь о том, что напряженное нервное состояние, в котором они находились, приглушило их инстинкт самосохранения. Возможно, это бредни, преувеличение, но я не могу отделаться от мысли, что Ром и Ула стали одной из последних жертв профессионального кланнизма, будь он проклят!

В комнату вбежал пятилетний мальчуган, и Сторти, мгновенно преобразившись, весело закричал:

— А вот и Тибор! Познакомься с синьором легатом, расскажи, чему ты учишься.

— Добрый вечер, синьор.

— Здравствуй, малыш. Так что же ты знаешь?

— Я знаю очень много, — заявил Тибор, — голова кругом идет.

— Кем же ты будешь, когда вырастешь?

— Еще не решил. Думаю стать космолетчиком. Отец рассказывал мне про Землю и другие планеты Великого кольца.

— Почитай нам стихи отца, — сказал Сторти.

Тибор на секунду задумался, потом стал декламировать:

Слова в наш век истерты до предела.

С их помощью — чего там говорить! —

И черное несложно сделать белым,

И белое нетрудно очернить,

И синее продать за голубое,

И красное краснеть заставить вновь...

Где взять слова, что нам нужны с тобою?

Не верь словам — в глазах ищи любовь.

— Ром написал много стихов, — пояснил Сторти, — недавно они изданы, впервые на Гермесе. Он читал их Тибору, у мальчика превосходная память.

— А ты не хочешь, Тибор, стать поэтом, как твой отец?

— Хочу. Поэтом и космолетчиком.

— Вот и отлично. Мы, на Земле, будем ждать, пока ты подрастешь и прилетишь к нам в гости.

Расставшись со Сторти и его воспитанником, Тропинин пошел погулять по вечерней Вероне. Он заглянул в бар, где встретился с Дезаром в ту памятную ночь, постоял у гостиницы «Семью семь», побывал в парке, примыкавшем к дворцу Капулетти, — там дожидала свой век одинокая полубезумная Марта. По аллеям прогуливались влюбленные пары. Жизнь шла своим чередом.

Тропинин попросил прохожего показать ему дорогу к месту, где стоял раньше дом Монтекки. Уже издалека он увидел возвышающийся там бронзовый памятник. Ула — точеный профиль, длинная и узкая фигура, как на полотнах Кранаха и Боттичелли. И Ром — статный, широкоскулый. Скульптор изобразил их на морском берегу в миг первой встречи.

Долго стоял Тропинин у памятника, переживая заново дела минувших дней. И уже собравшись уходить, заметил выгравированную на постаменте надпись:

«Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте».

* *
*

Моя искренняя признательность всем друзьям-гермеситам, без щедрого содействия которых это повествование не могло появиться на свет. Особенно низко кланяюсь я синьору Сторти за бесценные сведения, позволившие почти с документальной точностью рассказать историю любви Рома Монтекки и Улы Капулетти.

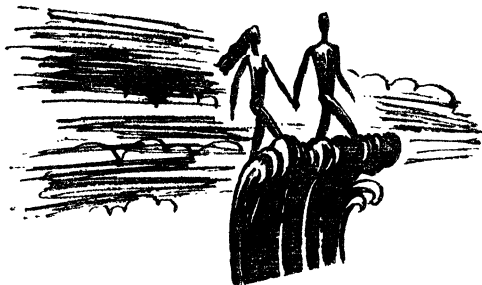
Кстати, об именах. Прошу прощения у читателей за мистификацию, но они, должно быть, сами поняли, что здесь нет никаких чудесных совпадений, а просто авторский прием. Во-первых, подлинные имена и фамилии героев показались мне недостаточно благозвучными. Во-вторых, я счел уместным провести прямую параллель, чтобы читатель, не тратя время на догадки, поразмыслил над тем, как единообразна в ключе своем и бесконечно множественна в звучании мелодия любви, а главное — как велика ее животворящая сила. Будь то в XVI веке на Земле или в XXV на Гермесе — по-

всюду истинное и незаурядное чувство, сметая преграды, засыпая рвы, сближая противозначные полюсы, уравнивает влюбленных и одним этим раскрывает глаза обществу на несурзости его устроительства.

Собственно говоря, именно потому, что буря на Гермесе родилась из песни жаворонка, мне пришлось взяться за несвойственное для себя занятие и вместо отчета о служебной командировке написать роман. Надеюсь, читатели будут снисходительны к его художественным достоинствам. Вот, впрочем, еще один довод в пользу разумного профессионализма. Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник, но и пирожнику не повредит знание теории вероятностей. Такова, наверное, и вся мудрость.

Признаюсь, больше всего мне пришлось помучиться над теми страницами, где выступает на сцену «синьор легат»: легко ли изображать самого себя в третьем лице! Во всяком случае я старался избежать саморекламы и поведать о роли землянина в гермеситских событиях как можно более беспристрастно. Все равно, дело это щекотливое и на всех не угодишь. Одни останутся недовольны тем, что землянин, хотя и робко, но ходатайствовал за молодых людей перед Великим математиком и даже ввязался в драку в кабачке «Заходите, не ошибетесь!». Другие будут ругать его за равнодушие к судьбе Рома и Улы, недостойное посланца великой цивилизации. Но пусть они сначала прочтут существующие на сей счет инструкции (см. свод актов, регулирующих космические контакты, т. 12, с. 114).

А. Тропинин, командор межпланетной связи

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	5
Часть первая	7
Часть вторая	89
Часть третья	199
Эпилог	342

Шах Г. Х.

Ш 31 Нет повести печальнее на свете...: Науч.-фантаст. роман. — М.: Мол. гвардия, 1984. — 350 с., ил. — (Б-ка сов. фантастики).

1 р. 20 к. 100 000 экз.

На планете Гермес люди разделены на профессиональные кланы. Вопреки законам и традициям мата Ула и агрянин Ром полюбили друг друга и были подвергнуты гонениям и преследованию. В научно-фантастическом романе с увлекательной интригой ставятся сложные нравственные проблемы. Роман будет интересен широкому кругу молодых читателей.

Ш 4702010200—014
078(02)—84 120—84

ББК 84Р7
Р2

ИБ № 3877

Георгий Хосроевич Шах

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...

Рецензент **А. Казанцев**

Редактор **В. Фалеев**

Художник **Г. Метченко**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Н. Баранова**

Корректоры **Н. Самойлова, Т. Пескова**

Сдано в набор 05.08.83. Подписано в печать 28.12.83. А00283.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Гарнитура
«Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,4. Усл. кр.
отт. 15,76. Учетно-изд. л. 16,4. Тираж 100 000 экз. Це-
на 1 р. 20 к. Заказ 1305.

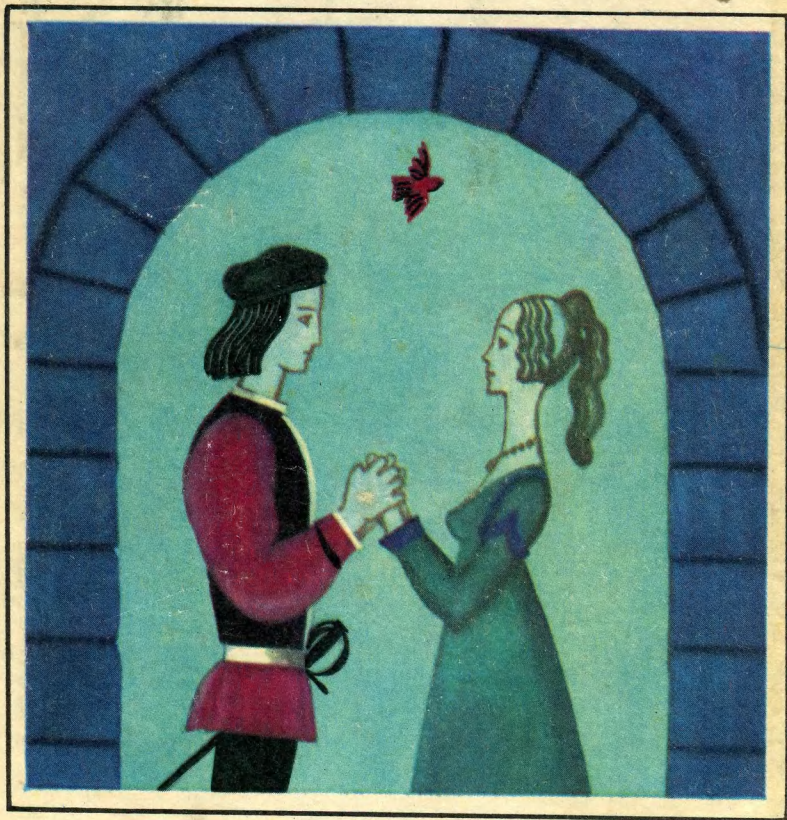
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типогра-
фии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

1 р. 20 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

БИБЛИОТЕКА СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

ГЕОРГИЙ ШАХ
НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ
НА СВЕТЕ...

ГЕОРГИЙ ШАХ